

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 3 (106) / 2020

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Василенко Е. Н.</i> Языковая игра как способ вербализации гендерно обусловленной враждебности	7
<i>Гаранович Т. И.</i> Структурно-семантические особенности белорусской тавтологической конструкции <i>N</i> ёсць <i>N</i> и ее соответствия в английском языке	12
<i>Гордей Е. А.</i> Модальность в философии, модальной логике и лингвистике	19
<i>Егоров Н. В.</i> Особенности использования тропов в медицинском научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках	26
<i>Иванович Е. А.</i> Понятие аналитизма и синтетизма в современной типологической классификации языков	33
<i>Ключенович Т. П.</i> Глаголы манеры говорения в функции речеводных в белорусском и британском художественном дискурсе	39
<i>Лавицкий А. А.</i> Судебная лингвистическая экспертиология Беларуси: проблемы сегодняшние – решения вчерашние	46
<i>Мусіенка В. А.</i> Другасныя каларатыўныя намінацыі (на матэрыяле ад’ектываў беларускай і англійскай моў)	52
<i>Романчук Ю. В.</i> Категориальная сущность энантиосемии (на материале белорусского и английского языков)	58
<i>Светличная Л. Е., Сысоева Т. А.</i> Стратегия солидаризации и ее языковые маркеры в структуре мотивационного выступления	66

Романское и германское языкознание

<i>Осмоловская И. Г.</i> Немецкоязычные рекламные тексты с точки зрения эмотивной лингвоэкологии	72
<i>Чударь А. Н.</i> Прагматическая амбивалентность диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском: корпусное исследование (на материале конструкций с оценочными прилагательными)	81

Исследования славянских языков

<i>Гладко М. А.</i> «Наши» – ценностная доминанта медиадискурса Беларуси XXI века	90
<i>Скребнева Т. В.</i> Гендерные особенности сельского именника во второй половине XX века	97

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Швец Н. Г.</i> Семантическая модель взаимосвязи вербальных и невербальных составляющих креолизованного текста	105
---	-----

Литературоведение

<i>Жаўняровіч П. П.</i> Лінгвістычныя аспекты рэдагавання эсэ У. Караткевіча	113
<i>Курилов Ю. Г.</i> Отражение эстетических взглядов Стефана Георге в стихотворении «Песня» и позднем творчестве (цикл «Новое царство»)	121
<i>Русецкая Д. В.</i> «Чистый театр» Тима Крауча	127
<i>Наши авторы</i>	136

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Vasilenko E. N.</i> Language Play as a Means of Verbalization of Gender-Based Hostility	7
<i>Garanovich T.</i> Structural and Semantic Peculiarities of the Belarusian Tautological Construction <i>N ёсць N</i> and its Correspondences in the English Language	12
<i>Hardzei K. A.</i> Modality in Philosophy, Modal Logic and Linguistics.....	19
<i>Yahorau M. V.</i> Peculiarities of Tropes Usage in Medical Popular Science Discourse in English and Belarusian.....	26
<i>Ivanovich K.</i> The Concept of Analytism and Synthetism in the Modern Typological Classification of Languages	33
<i>Klyuchenovich T. P.</i> Manner-of-Speech Verbs in Authors' Remarks in Belarussian and British Modern Fiction	39
<i>Lavitski A. A.</i> Forensic Linguistics Expertology in Belarus: Today's Problems – Yesterday's Solutions.....	46
<i>Musiyenka V. A.</i> Secondary Colour Nominations (on the Material of Adjectives in the Belarusian and English Languages)	52
<i>Romanchuk Y. V.</i> Categorical Essence of Enantiosemy (on the Material of the Belarusian and English Languages).....	58
<i>Svetlichnaya L. Y., Sysoyeva T. A.</i> Identifying with the Audience: Linguistic Markers and their Distribution in Motivational Speech Structure.....	66

Romance and Germanic Linguistics

<i>Osmolovskaya I. G.</i> German Texts of Advertising from the Perspective of Emotive Linguoecology	72
<i>Chudar A.</i> Pragmatic Ambivalence of Diminutives in Australian, New Zealand, and South African Englishes: Corpus Study.....	81

Slavonic Languages

<i>Gladko M. A.</i> «Us» as the Value Dominant in the 21st-century Media Discourse in Belarus	90
<i>Skrabneva T. V.</i> Gender Features of the Rural Name System in the 2nd Half of the 20th Century.....	97

Applied Linguistics

<i>Shvets N. G.</i> Semantic Model of the Interrelation of Verbal and Non-Verbal Components of the Creolized Text.....	105
---	-----

Literary Studies

<i>Zhauniarovich P. P.</i> Linguistic Aspects of Editing Essays by V. Korotkevich	113
<i>Kurylau Y. G.</i> The Reflection of Stephen George’s Aesthetics in the Poem “The Song” and in Late Works (“The Kingdom Come” Cycle).....	121
<i>Rusetskaya D.</i> “Pure Theatre” of Tim Crouch	127
<i>Our authors</i>	136

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. Н. Василенко

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ ВРАЖДЕБНОСТИ¹

В статье рассматривается языковая игра как речевой прием, направленный на реализацию коммуникативной стратегии дискредитации в рамках интолерантного дискурса. В качестве фактического материала исследования использованы комментарии к новостным статьям на гендерную тематику, опубликованным на популярном белорусском информационном интернет-портале TUT.BY. Делается вывод о значимости языковой игры как способа вербализации гендерно обусловленной враждебности в интернет-дискурсе.

Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности говорящего вызывает неугасающий интерес исследователей-языковедов. При этом, учитывая эстетический момент языковой игры и ее сопряжение с юмористическим эффектом [1, с. 8–9], неудивительно, что чаще всего данный лингвистический феномен изучается в рамках юмористического дискурса.

В нашем исследовании языковая игра рассматривается в контексте вербализации враждебности, а именно как речевой прием, направленный на реализацию коммуникативной стратегии дискредитации в рамках интолерантного дискурса. Источником фактического материала исследования послужили комментарии пользователей белорусского информационного интернет-портала TUT.BY к новостным статьям, посвященным тематике ЛГБТ-сообщества и опубликованным с 2014 по 2019 гг. Выбор жанра интернет-комментария для исследования обусловлен такими его свойствами, как анонимность, субъективность и относительная свобода выражения в стилистико-языковом отношении (подробнее см. [2]).

Под языковой игрой в исследовании понимаем «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [3, с. 657]. Такое широкое понимание языковой игры позволяет включать в исследование все те явления, когда «говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г19М–127.

речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острога, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.)» [4, с. 172].

В ходе исследования было установлено, что с целью дискредитации «чужой» социальной группы интернет-комментаторы прибегают к использованию разных видов языковой игры, которая может быть использована не только для номинации представителей ЛГБТ-сообщества, но и для явлений и событий, тем или иным образом связанных с данной социальной группой.

Словообразовательная языковая игра в проанализированном материале представлена такими приемами, как *суффиксация, префиксация и контаминация*.

Так, в комментарии к статье «Трансгендер впервые поборется за титул “Мисс Вселенная”» от 04.07.2018 автор высказывает негативное отношение к представителям ЛГБТ-сообщества, прибегая к с у ф ф и к с а ц и и при образовании лексем «миски-вселенки» и «терминаторши», в последнем случае обыгрывая нерегулярность словообразовательного противопоставления по роду [5, с. 156] и усиливая свое высказывание при помощи слов «все эти гормональные»: *с этой напастью есть хороший способ справиться: / начать кошмарить мисок-вселенок и прочих красавиц по допингу / точно также как спортсменов / и все эти гормональные терминаторши останутся за бортом праздника красоты и чистогана!*¹.

В следующем примере автор комментария использует п р е ф и к с а ц и ю – приставка *гомо-* служит для образования окказионализма *гомоглупости*: *да дело и не в тряпке разноцветной – дело в поколении новом, которое а силу юного бунтарства и глупости может наделать гомоглупостей...* («Шуневиц по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.2018).

К аналогичному приему прибегает и автор следующего комментария: *Ну вот, приехали... <...> Следующая остановка – Зоофилия. Ну а что, если мужик с мужиком, это уже норма, то почему мужик с бараном или овцой нет? Кстати, если мужик с бараном, это как, Зоогомофилия? А если с овцой?* («Типичный портрет гомофоба – низкий уровень образования и нелюбовь к себе. Мнение психотерапевта». 03.09.2018).

Наиболее частотным приемом словообразовательной языковой игры в проанализированном материале является к о н т а м и н а ц и я, например: *киевпрайд? / по-моему, киевстыд* («В Украине прошел КиевПрайд. Националисты, выступающие против, подрались с полицией». 17.06.2018); *Да она психически больна !!! Также как и все эти “задодолбы”... Назначить ей психиатрическую экспертизу и отправить на принудительное лечение !!!* («Активистка вышла к зданию МВД с плакатом “Сами вы подделка”». 24.05.2018); *в нашей стране уровень рождаемости ушёл в минуса задолго до*

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены. Знаком «/» обозначено начало нового абзаца.

английского. нашли чем ёжика пугать. / **гейтастрофа** в Англии первая взорвалась, но нам она не страшна. / rip, Беларусь («На посольстве Великобритании в Минске вывесили ЛГБТ-флаг». 17.05.2018); так это отлично! нельзя ставить **кончитовурстию** наравне с нормальными ценностями!.. («Беларусь оказалась одной из самых нетерпимых стран к геям, лесбиянкам, трансгендерам в Европе». 15.05.2018).

В следующем примере контаминации автор комментария использует устойчивую фразу <x> он и в Африке <x> и, по всей видимости, отсылку к известной шутке резидентов *Comedy Club*: **Эдараст, он и в Африке пэдуард** («Певец-андрогин представит Францию на “Евровидении”». 28.01.2019).

В примере ниже автор, помимо контаминации, прибегает к такому **стилистическому** средству, как п о в т о р: **Ну ну, ЛГБТ-ценности это что? ЛГБТ болезнь, которую упорно пропагандируют как норму, какие у болезни могут быть ценности? Жду зоофило-ценности, некрофило-ценности** («Опрос: готовы ли белорусы принять в семье мусульманина и как относятся к ЛГБТ-бракам». 31.10.2018).

Повтор можно наблюдать также в следующих комментариях: **До чего докатились, мужики женятся, женщины женятся, собаки женятся. Ужас.** («Премьер Сербии – открытая лесбиянка. Но активисты ЛГБТ против ее участия в гей-параде». 16.09.2018); **И что леворукие устраивают парады леворуких, на каждом углу кричат о том какие они леворукие и как это хорошо быть таким леворуким, пропагандируют образ жизни леворуких, тусуются в клубах для леворуких и предлагают дать возможность детям самим определиться какими им быть правшами или левшами?...** («В Минске осудили ЛГБТ-активистку, которая вышла с плакатом “Сами вы подделка” к зданию МВД». 16.07.2018).

В примере ниже автор комментария, помимо повтора, использует сравнение, при этом явно обыгрывая семантику лексемы *петухи*: **Нормальная мужская позиция нормального офицера, гражданина и просто человека, который думает о будущем своей страны, детей, семьи. А те кто тут налетели как Петухи – ну так ваша позиция (и поза) давно известны))))** («Шуневич по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.18).

В целом для реализации языковой игры в комментариях достаточно широко используются **стилистические средства**. Помимо упомянутых выше повтора и сравнения, в проанализированном материале можно встретить случаи употребления **эпитета, метафоры, антономасии, гиперболы и перифраза**.

Так, эпитеты обычно используются в адрес мужчин-гомосексуалов и транссексуалов, например: **добро пожаловать в реальный мир, довыдывались со своими гей-парадами и петушиными правами** («Гомосексуалы в США зарабатывают больше натуралов». 08.12.2017); **Тьфу... синтетические** («Они поменяли пол: самые громкие и удивительные трансформации». 21.05.2017).

Сразу два эпитета появились в комментарии в ответ на публикацию статьи, заголовок которой уже содержал яркий эпитет *дырявые*: *Про “дырявых” не знаю. У нас их называли “проткнутыми” и сразу в петушиный куток; Заднеприводные еще есть. Министр не полный список названий привел* («Шуневич: Существует определенная категория граждан. Я их называю дырявыми». 27.12.2018).

Упомянутый в примере выше привод часто становится основанием для использования комментаторами механистической метафоры (мы опираемся на классификацию, предложенную А. П. Чудиновым [6]): *Такое впечатление, что писать больше не о чем. Какое-то повсеместное продвижение темы “с не той формой привода”* («На их взгляд, это было правосудие. Рассказ гея о подставном свидании». 10.07.2018); *Все правильно! Гей парада не будет! Задний привод не для наших дорог!* («Шуневич по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.2018).

В примере ниже автор, помимо использования фитоморфной метафоры, прибегает к антонимасии: *Можете минусовать сколько угодно, НО тут с позицией нашего МВД полностью согласен. Ровно отношусь к однополым отношениям и другим особенностями ЛГБТ-сообщества – это ЛИЧНОЕ дело каждого, куда и как они используют свои **пестики и тычинки**. ОДНАКО в крайние времена ЛГБТ тематика слишком уж агрессивно навязывается обществу, вовлекая в свою сферу неокрепшие юношеские Души, которые после себя не оставляют в итоге потомства за редким исключением !!! <...> В итоге через несколько поколений можем прийти к обществу **шариковых и швондеров...*** («Шуневич по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.2018).

В проанализированном материале были также отмечены случаи использования гиперболы (а) и перифразы (б): а) *В этих “великих” цивилизациях педерастами были **чуть более чем все**. / Так как это там считалось нормальным* («В Минске задержан актер, участвовавший в акции в поддержку ЛГБТ». 09.12.2018); б) *То лесбиянки, то **любители шпилей...** Ужос!* («Премьер Сербии – открытая лесбиянка. Но активисты ЛГБТ против ее участия в гей-параде». 16.09.2018). В последнем примере характерно, что автор использует перифраз только для описания гомосексуальных мужчин, в то время как гомосексуальных женщин просто называет лесбиянками.

Наиболее частотным приемом лексической языковой игры в проанализированном материале является каламбур. В примерах ниже представлена такая его разновидность, как обыгрывание сходства в звучании слов (паронимазия, или паронимия) [5, с. 491] – *андрогин* и *андроид* (а) и *квир* и *киви* (б): а) *задолбали эти **андроиды*** («Певец-андрогин представит Францию на “Евровидении”». 28.01.2019); б) *Уже есть понимаемое жаргонное слово – **фрик** (ненормальный), зачем подбирать загадочные синонимы? <...> Вся эта дурость от реального безделья. Начни строить дом руками,*

машинами займись, спортом, любым мужским делом, и перестанешь моментом быть **киви**, или как вы там говорите... («Я не похож ни на парня, ни на девушку. Как живут квир-люди». 17.09.2018);

В одном из комментариев был обнаружен пример каламбура, основанного на многозначности слов (а именно на столкновении двух значений: нарицательного и собственного [5, с. 491]): *В мире только был один гей, и то это был Гей Люссак – великий химик. А остальные это педерасты* («Люди не знают, что это. Зачем нам закон против дискриминации геев, людей с ВИЧ и инвалидностью». 10.10.2017).

Имя собственное фигурирует и в другом случае применения каламбура, однако в данном примере автор использует отсылку к созвучию краткой формы имени Эдуард – Эдик, и распространенной пейоративной номинации мужчин-гомосексуалов: *“эдуардам” не место в нормальном обществе!* («В Минске раздали листовки против гомофобии и провели пикет у посольства США в поддержку прав геев». 17.05.2016).

Синтаксическая языковая игра в проанализированном материале представлена парцелляцией: *Господи, ну какая это норма? <...> “Заводом производителем” прописана в инструкции к человеку норма Мужчины – женщины, половой член – влагалище – дети, продолжение рода. Все. Это норма* («Без дипломатии, на языке вражды. Что не так с высказыванием МВД о ЛГБТ-флаге на посольстве Британии». 21.05.2018); *Пусть гомосексуалистка собирает на лечение. / Поможем. / Вылечим* («Еще 15 базовых заплатит ЛГБТ-активистка за снимок на фоне Дома правительства». 23.07.2018). В последнем примере автор усиливает парцелляцию г р а ф и ч е с к и – печатая два последних компонента с новой строки.

Несомненно, представленный обзор видов языковой игры как речевого приема, направленного на реализацию коммуникативной стратегии дискредитации в рамках интолерантного дискурса, не является исчерпывающим. Однако рассмотренные примеры интернет-комментариев, содержащие случаи использования языковой игры, позволяют с уверенностью говорить о том, что языковая игра – один из способов вербализации гендерно обусловленной враждебности в интернет-дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
2. *Василенко, Е. Н.* Комментарий в жанровом пространстве интернет-дискурса / Е. Н. Василенко // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 3 (100). – С. 20–27.
3. *Данилевская, Н. В.* Языковая игра / Н. В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 657–660.

4. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. – М., 1983. – С. 172–214.
5. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 552 с.
6. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

The article considers language play as a tool for implementing the communicative strategy of discrediting. The study is conducted within the framework of intolerant discourse based on online comments on news articles related to gender.

Поступила в редакцию 13.05.2020

Т. И. Гаранович

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ТАВТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ *N ЁСЦЬ N* И ЕЕ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности белорусской и английской тавтологических конструкций *N ёсць N* и *N is N*. Освещаются основные подходы к интерпретации тавтологий. Анализируется употребление *N ёсць N* и *N is N* в качестве синтаксических фразеологизмов и неидиоматических эллиптических конструкций.

Термин *тавтология* в Лингвистическом энциклопедическом словаре определяется как «содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части» [1, с. 501]. Смысловое дублирование происходит за счет повторения одних и тех же или близких слов и считается свидетельством недостаточной грамотности говорящего [1]. Примерами тавтологий, нарушающих нормы белорусского и английского языков, являются *больш лепшы, заразная інфекцыя, more better, a forecast about the future*.

Объектом исследования в нашей статье выступают белорусская и английская конструкции *N ёсць N* и *N is N*. Они называются тавтологическими, поскольку в позициях подлежащего и именной части сказуемого в них используется одно и то же существительное, например, *жыццё ёсць жыццё, life is life*. В научной литературе такие структуры обозначаются терминами *именные тавтологии* (nominal tautologies) [2; 3; 4], *именные тавтологические конструкции* (nominal tautological constructions) [5], *эквативы* (equatives) [6], *тавтологии с предикативным удвоением* [7], *субъектно-предикатные тавтологии* [8].

Выбор в качестве объекта нашего исследования этих моделей обусловлен прежде всего тем, что они являются одними из наиболее употребительных тавтологий, на что указывают многие исследователи [6; 7], а также самыми многозначными. Утверждение о многозначности в цитируемых источниках относится к английской конструкции *N is N* [6], однако проведенный нами анализ семантики белорусских тавтологий показал, что оно правомерно и в отношении модели *N ёсць N*. Кроме того, белорусская и английская структуры полностью совпадают по форме, что позволяет считать их синтаксическими соответствиями и сконцентрироваться на анализе семантики.

Тема и рема в конструкциях *N ёсць N* и *N is N* выражены одним и тем же существительным, т.е. с точки зрения актуального членения предложения эти модели, на первый взгляд, не имеют коммуникативной ценности, поскольку в реме не сообщается ничего нового, а лишь то, что уже известно и отражено в теме. Кажущаяся неинформативность делает употребление именных тавтологий в процессе коммуникации бессмысленным, между тем наш анализ фактического материала, а также работы других исследователей показывают, что, наоборот, рассматриваемые модели являются частотными, а в их семантике отсутствует какая-либо избыточность. Так, согласно М. В. Копотеву и Т. И. Стексовой, тавтологии, аномальные с точки зрения буквального понимания, могут получать семантически стандартную интерпретацию, поскольку существуют особые правила их переосмысления, известные носителям языка [9]. На существование «устойчивых способов неизбыточного переосмысления тавтологий» указывает Т. С. Остапенко [7, с. 13]. В разработанной исследователем классификации тавтологий на основании причин их использования в речи модель *N is N* относится к тавтологиям «по интенции», которые утрачивают избыточность в связи с формированием вторичного значения [7]. По мнению Л. К. Рахманкуловой, информативное употребление *N is N* «связано с актуализацией в предикации сем импликационала словозначения» [8, с. 10]. Таким образом, поскольку значения *N ёсць N* и *N is N* не являются суммой значений их компонентов, а сами структуры не понимаются буквально и поэтому лишены семантической избыточности, относить их к тавтологиям можно лишь на основании формы, но не семантики, а утверждение о неинформативности тавтологических конструкций в данном случае утрачивает свою правомерность.

В научной литературе выделяется 3 основных подхода к интерпретации тавтологий:

1) прагматический (Г. П. Грайс, С. Левинсон, Г. Уорд, Дж. Хиршберг), согласно которому осмысление тавтологий происходит на основе универсальных, т.е. не зависящих от конкретного языка, прагматических принципов. Большая часть передаваемой ими информации является имплицитной, и это имплицитное значение вытекает из контекста, поэтому одна модель в разных контекстах может иметь разные значения [10; 11; 12];

2) семантический (А. Вежбицкая), в соответствии с которым значение тавтологических конструкций определяется их формой, оно конвенционально, т.е. закреплено за самими моделями, и не зависит от контекста. В разных языках значения тавтологий неодинаковы, и, соответственно, не могут выводиться на основе универсальных языковых принципов [13; 14]. Что касается рассматриваемой нами структуры $N\ is\ N$, то, согласно А. Вежбицкой, объекты, называемые N , соотносятся с закрепленным у нас в сознании набором их признаков, и это общее представление получает подтверждение в конкретном контексте. В зависимости от лексического наполнения переменного компонента, которое, по мнению исследователя, ограничено сложными аспектами деятельности человека, одна и та же модель может иметь разные семантические интерпретации в пределах одного значения [13; 14];

3) семантико-прагматический, или гибридный (Б. Фрейзер, Р. У. Гиббс, Р. Роудс, И. Куон, Н. Ямамото), который предполагает, что тавтологии могут иметь конвенциональные значения, однако решающую роль в их интерпретации играет контекст [2; 3; 4; 5; 6]. Так, согласно Б. Фрейзеру, форма именной тавтологии служит проявлением намерения говорящего выразить убежденность, что у участников коммуникации одинаковое мнение относительно какого-либо свойства объекта, обозначаемого N , и обратить на эту убежденность внимание слушающего, а свойство объекта N , оказывающееся в центре внимания, зависит от контекста [3]. С помощью наглядных, по нашему мнению, примеров Б. Фрейзер доказывает, что ограничений в лексическом наполнении переменного компонента N не существует. Аналогичных взглядов на интерпретацию именных тавтологий придерживается и Н. Ямамото. Возражая А. Вежбицкой, исследователь на примерах демонстрирует, что, во-первых, лексическое наполнение переменного компонента N неограниченно, а во-вторых, модель с одним и тем же переменным компонентом может иметь разные значения, которые определяются контекстом [4].

В результате анализа семантики конструкций $N\ ёсць\ N$ и $N\ is\ N$, проведенного на материале 300 примеров (по 150 на белорусском и английском языках) из Корпуса белорусского языка [15], Британского национального корпуса [16], а также электронных версий белорусских и британских художественных произведений и информационных изданий, нами выявлены 10 значений рассматриваемых структур, совпадающих в двух языках, в которых они выступают как идиоматические конструкции: 1) наличие определенных особенностей, закономерностей, свойств; 2) универсальная, неизменная ценность, значимость; 3) превосходство, предпочтительность, приоритетность; 4) сходство/одинаковость всех представителей одного класса; 5) незначительность, незначимость; 6) противопоставление и разграничение; 7) многогранность, разноплановость; 8) узнаваемость, неизменность сути, несмотря на перемены; 9) долженствование, обязательность выполнения/соблюдения; 10) единственность возможного наименования. В силу ограниченности объема статьи приведем примеры употребления $N\ ёсць\ N$ и $N\ is\ N$

только в некоторых из них: *Гэтак жа палюбіў і Навума. На вайне, можа, і не да такой сентыментальнасці, але чалавек ёсць чалавек* (І. Шамякін) = ‘человеку свойственно испытывать чувства’; *Children are children; one can't make them think like adults* (L. Milroy) ‘Дети есть дети; их невозможно заставить думать как взрослые’ = ‘у детей свой образ мышления’ – значение ‘наличие определенных особенностей’; *Ураджайнасць на расійскім баку меншая, намалот з беларускім не параўнаць, але хлеб ёсць хлеб, і ўбраць яго трэба* («Звязда») = ‘хлеб – это ценность, им надо дорожить’; *“London is London,” she said. “Even with the panic of Brexit, and things go up and down in the economy, property prices in the centre of London just always bounce back”* (The BBC) ‘«Лондон есть Лондон, – сказала она. – Даже в условиях паники из-за Брексита, подъемов и спадов в экономике цены на недвижимость в центре Лондона если и падают, то потом всегда снова повышаются»’ = ‘Лондон ценится во все времена’ – значение ‘универсальная, неизменная ценность, значимость’.

И в белорусском, и в английском языках семантические варианты именных тавтологий всегда определяются контекстом и не зависят от лексического наполнения переменного компонента. Это значит, что модель с одним и тем же наполнением *N* может иметь различные значения, что иллюстрируют следующие примеры: *Але хто гэта ў Куранях з добрых, сапраўдных хлопцаў саступаў дзяўчатам, рабіў, як яны хочуць? Мужчына ёсць мужчына* (І. Мележ) = ‘мужчинам не свойственно уступать девушкам’ – значение ‘наличие определенных особенностей, закономерностей, свойств’; *Слухай, дачка, думаю, што не трэба Надзі грэбаваць такім чалавекам. Ён непрыгожы, але ж мужчына ёсць мужчына. Асабліва ў цяперашні час* (У. Федасеенка) = ‘мужчина – это ценность, мужчинами надо дорожить’ – значение ‘универсальная, неизменная ценность, значимость’; *I'm going to be selling digital screens to the NHS now. It's a completely different industry, but business is business* (The BBC) ‘Теперь я буду продавать цифровые мониторы Национальной службе здравоохранения. Это совсем другая область, но бизнес есть бизнес’ = ‘все виды бизнеса схожи’ – значение ‘сходство/одинаковость всех представителей одного класса’; *“It's not just the euro, the recession does not help,” he says, “but I'm hopeful that the UK and France will pull out of the recession. Business is business, I just try to stay optimistic”* (The BBC) ‘«Дело не только в курсе евро, но и в рецессии, – говорит он, – но я надеюсь, что Великобритания и Франция из нее выйдут. Бизнес есть бизнес, я просто стараюсь быть оптимистом»’ = ‘в бизнесе бывает всякое’ – значение ‘многогранность, разноплановость’.

Что касается лексического наполнения переменного компонента, то в 9 из 10 выявленных значений оно неограниченно. Исключением являются лишь конструкции с семантикой ‘долженствование’, в которых позицию *N* могут занимать только существительные, имеющие в составе значения сему обязательности соблюдения: *Па закону ён павінен будзе падзяліць тыя здабыткі з ёй, закон ёсць закон* (М. Лынькоў) = ‘закон нужно соблюдать’;

'OK, I understand that rules are rules,' commented the surprised and generous victor ("Autocar and Motor") «Да, я понимаю, что правила есть правила», – сказал удивленный и великодушный победитель' = 'правила следует соблюдать'.

Результаты анализа семантики белорусской и английской конструкций *N ёсць N* и *N is N* позволяют нам присоединиться к мнению сторонников семантико-прагматического подхода к интерпретации именных тавтологий и с уверенностью утверждать, что обобщенное значение рассматриваемых структур – модусность, т.е. субъективное отношение говорящего к высказыванию [17], – закреплено за моделями, по которым они строятся, а их конкретные семантические варианты всегда определяются контекстом. Поскольку значение *N ёсць N* и *N is N* не является суммой значений их компонентов, эти структуры являются идиоматическими.

В российском языкознании конструкции с такой семантической организацией относятся к синтаксическим фразеологизмам, которые мы понимаем как устойчивые предикативные структуры, представляющие собой модели с обобщенным модусным значением и характеризующиеся идиоматичностью, воспроизводимостью, наличием в их составе постоянных и переменных лексических компонентов. В частности, конструкция *N есть N* рассматривается как синтаксический фразеологизм А. В. Величко (исследователь употребляет синонимичный термин *предложение фразеологизированной структуры*) [18] и М. В. Копотевым [19]. Что касается цитируемых в нашей статье англоязычных работ, то ни в одной из них тавтология *N is N* не называется фразеологизмом. О фразеологичности пишет лишь американский лингвист Б. Фрейзер, по мнению которого «значение тавтологий во многом не позволяет отнести их к идиомам» (перевод наш. – Т. Г.) [3, р. 217]. Поскольку это утверждение никак не объясняется, нам остается только высказать предположение, что оно, вероятно, связано с наиболее распространенным пониманием фразеологизмов исключительно как устойчивых сочетаний, равных по значению слову или словосочетанию.

Модели *N ёсць N* и *N is N* употребляются не только как синтаксические фразеологизмы, но и как неидиоматические эллиптические конструкции, т.е. структуры, отдельные элементы которых подразумеваются, но формально не выражаются. Выступая в этом качестве, тавтологии могут использоваться в следующих значениях:

1) отсутствие значимых различий в пределах одной категории: *На 8 Сакавіка запрашалі мы яго маці. Прыезджала. Павячэралі, начаваць засталася. А ён просіцца: «Бабуля, можна я з мамай буду спаць?» І так да яе прытуліўся, так абняў, усё расказвае, вочкі свецяцца...* *Усё ж маці ёсць маці* («Астровецкая праўда») = 'любая мать, даже не заботящаяся о ребенке и лишенная родительских прав, – это все равно мать'; *Adulterer, tramp or thief, a husband is a husband* (С. Still) 'Прелюбодей, бродяга или вор, муж есть муж' = 'любой муж, как бы он себя ни вел, – это все равно муж'. В этом семантическом варианте именные тавтологии употребляются и в белорус-

ском, и в английском языках. Конструкции имеют логическую структуру *любой N – это все равно N*, при этом элементы *любой* и *все равно* формально не выражаются: [любая] *маці* [усё роўна] *ёсць маці*; [any] *a husband is [still] a husband*;

2) соответствие представлению об идеале: *Crichton's is a world where men are men, and are called by their second names. Women are women – attractive, feisty, incidental to the plot, and always referred to by their first names* (“The Daily Telegraph”) ‘В мире, созданном Крайтоном, мужчины есть мужчины, и называют их по фамилиям. Женщины есть женщины, привлекательные, боевые, они являются второстепенными персонажами, и к ним всегда обращаются по имени’ = ‘мужчины в книгах Крайтона – это настоящие мужчины, а женщины – настоящие женщины’. Данный семантический вариант характерен только для английского языка, а тавтологическая конструкция имеет логическую структуру *этом N – настоящий N*, при этом элементы *этом* и *настоящий* формально не выражаются: [the] *men are [true] men, and [the] women are [true] women*. В белорусском языке для выражения соответствия *N* идеальному образу используются полные предложения нефразеологизированной структуры, например, *У свеце, створаным Крайтанам, мужчыны – гэта сапраўдныя мужчыны*;

3) акцентирование точности наименования: *Але тое не мяняе нічога па сутнасці, здраднік ёсць здраднік* (В. Быкаў) = ‘предатель – это именно предатель’; *I don't think anyone can blame a company whose business is to make money for pulling out of a venture which is costing it cash. Business is business, and not saving the world or proving your moral courage* (“The Daily Telegraph”) ‘Не думаю, что можно обвинять компанию, которая должна зарабатывать деньги, в прекращении деятельности, приносящей убытки. Бизнес есть бизнес, а не спасение мира или способ доказать вашу силу духа’ = ‘бизнес – это именно бизнес’. Логическая структура именных тавтологий в этом значении выглядит как *N – это именно N*, при этом формально не выраженным является элемент *именно*: *зраднік ёсць [менавіта] здраднік; business is [indeed] business*.

Таким образом, в результате анализа семантики именных тавтологий установлено, что *N ёсць N* и *N is N* могут употребляться, во-первых, как синтаксические фразеологизмы и, во-вторых, как неидиоматические эллиптические конструкции. Нами выявлено 10 значений, совпадающих в белорусском и английском языках, в которых рассматриваемые структуры выступают как идиоматические образования. Установлено, что обобщенное значение модусности закреплено за моделями, по которым они строятся, а их конкретные семантические варианты всегда определяются контекстом. Также выявлены 2 значения в белорусском и 3 в английском языке, в которых именные тавтологии используются в качестве неидиоматических эллиптических конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 707 с.
2. *Gibbs, R. W.* Why Boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies / R. W. Gibbs, N. S. McCarrell // *Journal of Psycholinguistic Research*. – 1990. – Vol. 19, iss. 2. – P. 125–145.
3. *Fraser, B.* Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1988. – Vol. 12, iss. 2. – P. 215–220.
4. *Yamamoto, N.* An Examination of the Controversy over English Nominal Tautologies [Electronic resource] / N. Yamamoto. – Mode of access : <https://pdfs.semanticscholar.org/595f/bee8106d44e30e763369b89bd46f5403124f.pdf>. – Date of access : 18.11.2019.
5. *Kwon, I.* A Tautology is a Tautology: Specificity and Categorization in Nominal Tautological Constructions [Electronic resource] / I. Kwon // *Proc. of the Annual Meeting of Berkley Linguistics Society*. – Mode of access : <https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/BLS/article/view/3612>. – Date of access : 18.11.2019.
6. *Rhodes, R.* Tautological constructions in English... and beyond [Electronic resource] / R. Rhodes. – Mode of access : <https://pdfs.semanticscholar.org/928c/09fca831c1ef6ba61a5ac9f0d71c1167f99c.pdf>. – Date of access : 18.11.2019.
7. *Остапенко, Т. С.* Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. С. Остапенко ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2011. – 18 с.
8. *Рахманкулова, Л. К.* Тавтологические конструкции в современном английском языке: функциональный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. К. Рахманкулова ; Ленингр. гос. пед. ун-т. – Л., 1984. – 19 с.
9. *Копотев, М. В.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словае / М. В. Копотев, Т. И. Стексова. – М. : Языки слав. культуры, Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 166 с.
10. *Grice, H. P.* Logic and conversation / H. P. Grice // *Syntax and semantics*. – N. Y., 1975. – Vol. 3 : *Speech acts*. – P. 41–58.
11. *Levinson, S.* *Pragmatics* / S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983. – 420 p.
12. *Ward, G. L.* A pragmatic analysis of tautological utterances / G. L. Ward, J. Hirschberg // *Journal of Pragmatics*. – 1991. – Vol. 15, № 16. – P. 507–520.
13. *Wierzbicka, A.* Boys will be boys: ‘Radical semantics’ vs. ‘radical pragmatics’ / A. Wierzbicka // *Language*. – 1987. – Vol. 63, № 1. – P. 95–114.
14. *Wierzbicka, A.* Boys will be boys: A rejoinder to Bruce Fraser / A. Wierzbicka // *Journal of Pragmatics*. – 1988. – Vol. 12, № 2. – P. 221–224.
15. Корпус белоруской мовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorporus.info/korpus.html>. – Дата доступа : 15.03.2019.
16. British National Corpus (BNC) [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access : 17.03.2019.

17. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове: кагнітыўная структура, функцыянальны статус, сродкі выражэння: дыс. ... д-ра філал. навук : 10.02.01 / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск, 2002. – 231 л.
18. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. В. Величко. – Н. Новгород, 2017. – 41 с.
19. Копотев, М. В. Принципы синтаксической идиоматизации / М. В. Копотев. – Хельсинки : Helsinki Univ. Press, 2008. – 126 с.

The article dwells on structural and semantic features of the Belarusian and English tautological constructions *N ёсць N* and *N is N*. It has been determined that they can be used as syntactic idioms with a generalized modus meaning fixed to the models according to which they are constructed, and have 10 semantic variants common to both the languages. Two meanings in Belarusian and three meanings in English have been singled out, in which *N ёсць N* and *N is N* are used as non-idiomatic elliptical constructions.

Поступила в редакцию 30.04.2020

Е. А. Гордей

МОДАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ, МОДАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ И ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена рассмотрению лингвистической составляющей категории модальности в сопоставлении с логической. Несмотря на то, что проблема категориального статуса модальности в лингвистике не новая, единого подхода к ее решению до сих пор не выработано. Анализируются различные точки зрения на данную проблему и уточняется ее содержание путем введения дополнительных разграничительных процедур.

Проблема квалификации модальности как языковой категории стала очевидной с проникновением в лингвистику достижений логики, семиотики, психологии, социологии [1, с. 123]. В лингвистической литературе развернулась острая дискуссия по поводу модальности, методов и процедур ее установления. Несмотря на многочисленные обращения к данной теме вопрос о лингвистическом статусе модальности, типах модальных значений, способах выражения модальных отношений остается открытым, чему во многом способствует разноплановость модальной проблематики, требующая различных подходов к ее изучению.

Модальность в философии. Своим появлением понятие модальности (от ср.-лат. *modalis* – модальный; лат. *modus* – мера, способ) обязано философии, получив наиболее полное развитие в модальной логике. Термин *модальность* для обозначения способа существования какого-либо объекта или суждения об объекте, явлении или событии был введен Аристотелем.

Бельгийский логик Роберт Фейс в книге «Модальная логика» отмечает, что хотя интерес Аристотеля к модальным высказываниям был связан с его философской концепцией, исследование модальности в работах Аристотеля

является чисто логическим. «Аристотель либо явно формулировал, либо неявно использовал некоторые модальные правила противоположения и вывода. И все же он, по-видимому, не использовал модальность во вполне определенном смысле. Например, термин “возможно” понимался им весьма различным образом в соответствии с разнообразными интуитивными смыслами этого слова. Иногда он понимался в смысле “не необходимо ложно”, а чаще в смысле “ни необходимо истинно, ни необходимо ложно” (в этом смысле “ p возможно” означает то же самое, что и “не p возможно”))» [2, с. 17].

Трактовку модальности, ставшую общепринятой в философии, предложил И. Кант. Рассматривая способы, которыми наш разум соединяет между собой предметы познания, Кант говорит о формах суждения, представляющих то или иное сочетание между субъектом и предикатом. Это сочетание бывает четырех родов, и четвертый род как раз соответствует модальности. Приведем фрагмент из сочинения И. Канта в переводе В. Соловьёва: «При всяком сочетании субъекта с предикатом, каково бы оно ни было по количеству, качеству и отношению, остается вопрос: представляется ли это сочетание как только возможное, или же как действительно существующее или, наконец, как необходимое. Другими словами: означает ли связка (copula) данного суждения, что A может быть B , или же, что A есть B , или же, что A должно быть B . С этой точки зрения суждения бывают проблематические (сомнительные), ассерторические (уверительные) и аподиктические (обязательные), чему соответствуют три категории модальности: Возможность, Действительность, или существование, и Необходимость» [цит. по: 3, л. 112].

Лингвистический статус модальности. В языкознании приоритет в исследовании основных проблем модальности принадлежит академику В. В. Виноградову, который считает, что модальность относится «к числу основных, центральных языковых категорий» [4, с. 55]. Он определяет содержание этой категории с точки зрения лингвистики, указывает на наиболее типичные средства выражения модальных отношений в русском языке, считая модальность одним из главных грамматических свойств предложения. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения облекается в одну из существующих интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Там же]. М. В. Зайнуллин отмечает, что В. В. Виноградов очень широко трактует категорию модальности, включая в это понятие: а) различные типы предложений по цели высказывания; б) эмоциональное отношение говорящего к действительности и т.д. [5, с. 12].

Также говорит В. В. Виноградов о понятии *предикативность*: «В нашей отечественной грамматической науке выдвинуты два общих характерных

признака предложения в русском языке, хотя взаимоотношение и взаимодействие этих признаков до настоящего времени остаются не вполне определенными. Это – интонация сообщения и предикативность, т.е. отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, проявляющаяся в совокупности таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как основной и вместе с тем первичной грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль. Наличие обоих этих признаков для предложения обязательно; поэтому к предложениям не относятся номинативные заглавия, вывески и т.п. <...> Дело в том, что со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы: категория времени и модальности, а также – в широком синтаксическом понимании – и категории лица, т.е. те категории, которые выражают отношение сообщения к действительности и подводятся под общее понятие “предикативности”; эти категории могут быть свойственны предложению в целом – независимо от наличия в его составе глагола» [6].

Таким образом, В. В. Виноградов в ряде случаев отождествляет модальность с предикативностью.

Теоретические проблемы предикативности и модальности занимают большое место в работах В. З. Панфилова. Он, например, пишет, что «...предикативность как отнесенность содержания предложения к действительности, т.е. тот признак предложения, благодаря которому оно становится относительно законченным актом высказывания (или мысли) о действительности, является принадлежностью логико-грамматического, а не синтаксического уровня членения предложения» [7, с. 38].

Автор считает модальными следующие два типа значений. Первый тип значений, по его мнению, отражает характер объективных связей, существующих в той иной ситуации: связи возможные, необходимые и действительные. Второй тип значений включает оценку говорящего, степень достоверности этих связей, т.е. проблематическую, простую и категорическую достоверности [Там же, с. 39]. Показателями объективной модальности являются наклонение глагола и модальные глаголы. Причем «глаголы типа русских *хотеть*, *желать* и т.п. своим лексическим значением не указывают на характер объективных связей и, следовательно, не выражают модальных значений. Об этом свидетельствуют предложения типа *Он должен захотеть сделать эту работу*, в которых модальный глагол *должен* сочетается с глаголом *(за)хотеть*» [Там же, с. 39–40]. Субъективная модальность выражается на уровне логико-грамматического членения предложения. Говорящий оценивает степень достоверности его мысли о действительности. Формально-грамматическое выражение субъективной модальности: интонация и служебные слова с модальными значениями типа *может быть*, *вероятно*, *несомненно*, *конечно* и т.п. [Там же, с. 41].

Широкое понимание модальности находим и у швейцарского лингвиста Ш. Балли. По его мнению, модальность – это «синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы – подкласс глаголов, обозначающих суждение говорящего о предмете речи, которые отличаются от других глаголов тем, что они могут присоединять дополнительное придаточное предложение». Ш. Балли к числу модальных значений относит «самые различные оттенки суждения, чувства или воли», которые выражаются модальными глаголами, наклонением, формами вопроса, приказания, междометиями, интонацией, мимикой и т.п. [8, с. 44–56].

В результате анализа средств выражения модальности и семантического содержания этой категории в русском языке Т. П. Ломтев дает следующее определение модальности: «Модальность мы будем рассматривать как некоторое свойство отношений, которое различается по свойству действительности и гипотетичности, по способу их существования, а также по наличию или отсутствию указаний на уверенность в их истинности. Следовательно, различаются три грамматические категории, имеющие модальный характер. Это грамматические категории действительности – гипотетичности, модуса существования и субъективной оценки истинности или ложности высказывания» [9, с. 91].

В статье «О модальности предложения в русском языке» Г. А. Золотова пишет: «Термин модальность употребляется в нашей лингвистической литературе в разных значениях, три из них можно считать основными. Модальность определяют как категорию, выражающую, во-первых, отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего; во-вторых, отношение говорящего к содержанию высказывания; в-третьих, отношение субъекта действия к действию.

Особенность этого разнообразия в том, что различные определения не исключают, а дополняют друг друга, свидетельствуя о сложности, многоплановости самого понятия модальности» [10, с. 65].

Интересные мысли об объеме модальности, модальных значений, определении круга их дифференциации мы находим в работах И. П. Распопова. Он полагает, что «никакой категории модальности, именно как категории в грамматическом смысле данного термина, образно выражаясь, не существует. По-видимому, целесообразно было говорить не о категории модальности, а о модальном качестве предложения» [11]. В число модальных И. П. Распопов включает следующие значения: реальность, потенциальность (возможность, необходимость), желательность и побудительность, из понятия модальности исключаются категории целевого назначения и различные эмоционально-экспрессивные отношения [Там же].

Таким образом, в науке о языке не существует единого мнения по поводу категории модальности, ее видов и средств выражения, что, на наш взгляд, в ряде случаев связано с механическим заимствованием лингвистикой данного понятия из модальной логики.

Содержание понятия модальности в модальной логике. Модальная логика как отрасль формализованной логики возникает в 60-х годах XX века. «Ее интенсивное развитие началось с исследований Кларенса Ирвинга Льюиса, в которых, – как отмечает Р. Фейс, – формализована система классических модальностей, проведена работа с целью построения теории “строгой импликации”, положено начало в различении модальных логических систем. В модальной логике изучается строение рассуждений, в которые входят высказывания, содержащие логические константы, соответствующие в русском языке наречиям “необходимо” и “возможно”. Эти логические константы называются **модальными знаками**. Выражения, в которые входят модальные знаки, называются **модальностями**» [12, с. 37–38].

Роберт Фейс в монографии «Модальная логика» пишет, что «модальной логикой, или логикой модальностей, именуется логика, которая изучает не только утверждения и отрицая, но и так называемые сильные и слабые утверждения и отрицания. К сильным относятся, например, такие утверждения, как “Это необходимо истинно”, “Это необходимо ложно”, “Этот объект необходимо обладает данным свойством”. К слабым относятся, например, следующие утверждения: “Это возможно истинно”, “Это возможно ложно”, “Этот объект возможно обладает данным свойством”» [2, с. 17]. Чуть позже Р. Фейс замечает, что модальная логика – это логика, «в которой не допускаются никакие высказывания, кроме модальных».

«В модальной логике наряду с утверждениями и отрицаниями (ассерторическими высказываниями) исследуются так называемые сильные и слабые утверждения и отрицания (модальные высказывания)», – отмечает Ю. В. Ивлев [13, с. 4].

Таким образом, модальная логика как раздел формализованной логики возникает тогда, когда ученые начинают анализировать так называемые модальности, тем самым разграничивая обычные высказывания (ассерторические, т.е. высказывания, которые констатируют факт о свойствах окружающего мира) от модальных (или алетических). В качестве примера разграничения высказываний в модальной логике приведем отрывок из «Модальной логики» Р. Фейса, в котором описываются обозначения в логическом исчислении:

«§10. Обозначения

10.1 В **немодальном** (ассерторическом) пропозициональном исчислении (АПИ) буквами p, q, r, s обозначим пропозициональные переменные, символом \sim – отрицание, символом \wedge – конъюнкцию, \vee – дизъюнкцию, \rightarrow – (материальную) импликацию, \leftrightarrow – (материальную) эквивалентность.

10.2 В **модальном** пропозициональном исчислении обозначим символом \square – необходимость, \diamond – возможность, \Rightarrow – строгую импликацию, \Leftrightarrow – строгую эквивалентность» [2, с. 24].

На наш взгляд, следует, по аналогии с модальной логикой, разграничивать ассерторические и модальные высказывания. Предлагаем следующие определения.

Ассерторические конструкции (от лат. *asserto* – утверждаю) – языковые структуры, в которых фиксируется информация об окружающем мире. Например, *Дом строится. Земля круглая*. Ассерторические выражения обладают свойством **объективности**.

Модальные конструкции – языковые структуры, в которых отображается **языковая модальность** через отношение наблюдателя к описываемому им фрагменту модели мира¹ или событию. Например, *Ребенок должен учиться. Я полагаю, мы успеем вовремя*. Подобные выражения обладают свойством **субъективности**.

Анализ теорий логической и языковой модальности свидетельствует о том, что данные категории по смыслу сопоставимы, но не идентичны. Если логика изучает «надличностные», абстрактные свойства предложения-суждения, то лингвистика переносит этот абстрактный уровень в сферу высказываний конкретного человека с его определенными намерениями, желаниями, мотивами речевого поведения. Лингвистическая модальность неразрывно связана с говорящим субъектом, характеризует высказывание как основную коммуникативную единицу, так как именно в высказывании отражается объективная действительность в ее преломлении через сознание людей [16].

О разнице между логическими и грамматическими категориями модальности пишет А. Ф. Лосев: «О параллелизме... грамматики и логики можно говорить только в смысле очень сложного функционального отношения» [цит. по: 16, с. 5]. Противопоставляя грамматические категории логическим как категории понимания категориям отвлеченного смысла, великий философ-энциклопедист говорит о языке как о конкретизации и практическом осуществлении мышления. Поэтому языковая модальность полностью реализуется только в конкретном коммуникативном акте. Учитывая данный момент, можно утверждать, что область определения

¹ В комбинаторной семантике «модель мира (скрытое знание) – архитектура стереотипов, т.е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие» [14, с. 34]. А. Н. Гордей под модальностью понимает композицию или суперпозицию событий, т.е. когда одно событие (выделенный фрагмент модели мира) является аргументом для другого события, когда один процесс, как основа события, является аргументом другого процесса. Математическая запись композиции или суперпозиции функций имеет следующий вид: $(G \circ F)(x) = G(F(x))$. Например, формула извлечения квадратного корня из разницы двух чисел, означает, что вначале выполняется вычитание одного числа из другого, только потом взятие квадратного корня из разности. В таком случае математики говорят, что функция извлечения квадратного корня находится в суперпозиции к функции вычитания. Именно поэтому в комбинаторной семантике *ёген*, значение которого уточняется значением другого *ёгена*, называется модальным, т.е. такой *ёген* находится в суперпозиции к *ёгену* первой степени. С точки зрения синтаксиса, модальный *ёген* управляет *ёгеном* первой степени: *умею читать, умеешь читать, умеет читать*, хотя с точки зрения семантики старшим является именно *ёген* первой степени: *Он умеет... А что он умеет?* – без *ёгена* первой степени неясно, о чем идет речь, поэтому *ёген* первой степени старше, что и подтверждается степенью – первая степень выше, чем вторая отрицательная [15].

языковой модальности шире и многообразнее одноименной логической, которая в свою очередь является только первым шагом к построению системы лингвистической модальности [16].

Таким образом, категория модальности представляет интерес для философов, логиков и лингвистов. Если в модальной логике ученые придерживаются единого мнения в отношении содержания данного понятия, то в лингвистике встречаются различные точки зрения на языковой статус модальности и разные методы решения этого вопроса. В статье мы не только рассмотрели существующие в философии, логике и лингвистике подходы к изучению модальности, но и отделили от ассерторических конструкций модальные, которые, собственно, и являются носителями модальных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краснова, Т. И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
2. *Фейс, Р.* Модальная логика / под ред. и с предисл. Г. Е. Минца. – М. : Наука, 1974. – 20 с.
3. *Магдалинская, Е. Н.* Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков) : дис. ... док-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Магдалинская. – Калининград, 2014. – 343 л.
4. *Виноградов, В. В.* Исследования по русской грамматике // Избр. труды / В. В. Виноградов ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1975. – 559 с.
5. *Зайнуллин, М. В.* Модальность как функционально семантическая категория: на материале башкирского яз. / М. В. Зайнуллин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 123 с.
6. *Виноградов, В. В.* Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – М., 1954. – № 1. – С. 3–29.
7. *Панфилов, В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – М., 1977. – № 4. – 160 с.
8. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
9. *Ломтев, Т. П.* Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – 3-е изд. стер. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 200 с.
10. *Золотова, Г. А.* О модальности предложения в русском языке / Г. А. Золотова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1962. – С. 65–79.
11. *Распопов, И. П.* Заметки о синтаксической модальности и модальной классификации предложения // Синтаксис и интонация. – Уфа, 1973. – Вып. 2. – С. 3–11.

12. *Костюк, В. Н.* Элементы модальной логики / В. Н. Костюк. – Киев : Наук. думка, 1978. – 179 с.
13. *Ивлев, Ю. В.* Модальная логика / Ю. И. Ивлев. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 221 с.
14. *Гордей, А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно, 2005. – С. 32–35.
15. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
16. *Павловская, Н. Ю.* Модальность как лингвистическая категория / Н. Ю. Павловская. – Минск : МГЛУ, 1995. – 24 с. – (Сер. «Лекция преподавателей»).

The category of modality is of interest to philosophers, logicians, and linguists. In the article, we have not only examined some approaches to the study of modality, which exist in philosophy, logic and linguistics, but have also separated assertive constructions from modal ones, which have the modal meanings.

Поступила в редакцию 17.04.2020

Н. В. Егоров

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРОПОВ В МЕДИЦИНСКОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются особенности использования тропов в научно-популярном дискурсе на примере англо- и белорусскоязычных статей медицинской тематики. Тропы оптимизируют строгое научное изложение для подачи на доступном адресату языке, выполняют поясняющую функцию, презентуют рассматриваемую тематику как актуальную для читателя. В научно-популярном дискурсе на двух языках функционирует схожий арсенал средств – эпитеты, метафоры и сравнения. Частотность их употребления свидетельствует о более выраженной эмоционально-образной составляющей англоязычного подтипа рассматриваемого дискурса. В заключении отмечено, что указанные тропы придают медицинскому научно-популярному дискурсу неповторимую эмоционально-экспрессивную окрашенность, отличающую его от собственно научного.

В современном мире глобализация активно способствует размыванию границ между целыми странами, народами и даже культурами. Порождаемый ею научно-технический прогресс человечества сопровождается ухудшением экологической обстановки, снижением продолжительности жизни, вспышками эпидемических болезней, что в совокупности вызывает у широких слоев населения обеспокоенность и повышенный спрос на современные научные знания. В этой связи заинтересованность общества в получении

сведений о текущем уровне развития медицины, современных исследованиях и достижениях в области лечения людей в конечном итоге делает науку одной из главных ценностей человечества.

Понятие дискурса в научной литературе приобрело множество определений с различных исследовательских точек зрения, что в свою очередь помогает раскрыть сущность самого дискурса в полной мере. Так, в рамках лингвистики речи дискурс – это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи – отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей [1]. Дискурс также понимается как совокупность высказываний или текстов, как «вербально опосредованная социальная деятельность» [2, с. 14]. «Ключевым понятием предлагаемой концепции дискурса является деятельность, отражающая развитие личности в процессе концептуализации воспринимаемой информации с последующей ее вербализацией» [Там же, с. 26].

В настоящий момент существует множество форм популяризации научного знания (учебники, монографии, пособия), но основной жанр научно-популярного дискурса – научно-популярная статья, так как это оперативная, мобильная, емкая форма передачи научной информации, обладающая актуальным содержанием [3]. Исследователь О. Д. Митрофанова отмечает, что научно-популярному тексту органически присуща прагматическая направленность [4, с. 26].

В текстах научно-популярного дискурса прагматический компонент характеризуется наличием следующих форм: воздействием высокой степени интенсивности, широким использованием оценочных и эмоционально-экспрессивных средств, привлечением научных данных, статистики, фактуальной информации [5, с. 231]. Неподготовленному читателю затруднительно эффективно воспринимать и усваивать научные данные, поэтому содержание научных текстов нуждается в сокращении и обобщении с учетом необходимости создать стимул для адресата к изучению описываемой тематики, рекомендательного и ненавязчивого характера изложения материала.

Научно-популярный дискурс как таковой отличается максимальной ориентацией автора на восприятие адресата. Последний, как не владеющий специализированными медицинскими знаниями, «формирует собственное мнение относительно проблемы, знакомится с медицинской терминологией, базовыми понятиями научного знания» [6, с. 172]. Таким образом, возникает эффективная коммуникация автора как адресанта медицинского дискурса и пациента как адресата того же типа дискурса. Успешность такой коммуникации обеспечивается тем, что адресант научно-популярного дискурса «учитывает его полидискурсивный институциональный характер: медицинские работники обращаются не к своим коллегам, как это происходит в научном медицинском дискурсе, а к представителям наивного медицинского дискурса, которым требуется оказание квалифицированной медицинской помощи» [Там же].

В современном мире изучение медицинского научно-популярного дискурса обусловлено изменением формы взаимодействия в группе «врач – пациент», где на первый план выходит ориентированность на самого пациента, информирование медицинским сообществом населения о внешних угрозах, активное привлечение общества к их разрешению, а также доступность научных достижений для широкой публики. В рамках указанной концепции центральное место в медицине занимает поиск способов повышения уровня взаимопонимания и сотрудничества между врачом и пациентом. В связи с этим повышается интерес к медицинскому научно-популярному дискурсу как прагматически ориентированному способу вербализации научного знания.

Объект исследования в данной статье – медицинский научно-популярный дискурс, целеустановками которого являются информирование адресата и популяризация научного знания. Предметом исследования выступают средства художественной выразительности (тропы), наиболее часто используемые для вербальной репрезентации прагматически переработанного научного знания.

Целью данной статьи является установление особенностей употребления указанных выше средств, определение их прагматических функций и выявление сходств и различий в научно-популярном дискурсе медицинской направленности на английском и белорусском языках. Следует отметить, что сопоставительному изучению прагматического потенциала средств художественной выразительности в текстах медицинского научно-популярного дискурса на указанных разноструктурных языках ранее уделялось мало внимания.

Фактический материал исследования включает в себя 57 научно-популярных статей медицинской тематики из американских изданий «Popular Mechanics», «Popular Science», «National Geographic», «The New York Times», «Science» и статей того же жанра из белорусскоязычных журнала «Родная природа» и газеты «Звезда» за период 2015–2019 гг. Исследование фактического материала проводилось с применением методов компонентного и контекстуального анализа, а также количественного метода для выявления частотности употребления тропов в научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках.

Проведенный анализ показал, что наиболее распространенными тропами в медицинском научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках являются *метафоры, сравнения, эпитеты*. Это дает возможность адресату представить описываемое научное знание в неожиданном, более оригинальном ракурсе.

Результаты анализа употребительности тропов в медицинском научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках отображены в таблице.

Частотность употребления тропов
в медицинском научно-популярном дискурсе, %

Стилистическое средство	Язык	
	английский	белорусский
Эпитет	77,69	64,7
Сравнение	13,85	0
Метафора	8,46	35,3
Всего	100	100

Наиболее распространенным средством усиления воздействия в медицинском научно-популярном дискурсе как на английском (77,69 %), так и белорусском (64,7 %) языках являются эпитеты. В текстах они преимущественно выражены прилагательными (*beneficial strains* ‘полезные штаммы’; *радыкальны метады*) и наречиями (*morbidly obese patients* ‘пациенты с ожирением как патологией’; *надзвычай складаныя працэсы*). В американском дискурсе в отличие от белорусского более распространены эпитеты, представленные существительными: *headline epidemic* ‘эпидемия с громким названием’, *last-frontier kind of system like the brain* ‘наименее изученный орган тела, такой как мозг’. Как показывает анализ, эпитеты – наиболее яркие носители оценочной семантики в тексте. Оценка в свою очередь является важным компонентом прагматического значения, поскольку оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения [7]. Также важно отметить, что эпитет как инструмент информирования и популяризации выполняет функцию выразительности повествования.

Следующим инструментом передачи коммуникативного намерения автора медицинского научно-популярного дискурса является эмоционально-образное сравнение. Сравнение – это стилистический прием, грамматически оформленное образное сопоставление на основе предполагаемого общего признака, которое является семантической фигурой речи [8, с. 52]. Данное средство выразительности выполняет информационно-уточняющую и изобразительную функции. В рамках последней автор использует хорошо известное читателю явление в качестве своего рода эталона и сопоставляет с описываемым. Через сравнение изложение становится как более привлекательным и выразительным, так и более наглядным и понятным. Следует отметить, что автор научно-популярного дискурса наименее склонен использовать данное средство выразительности. В американском типе рассматриваемого дискурса на сравнение приходится 13,85 % от общего количества тропов, тогда как в белорусскоязычном материале случаи употребления сравнения выявлены не были. На наш взгляд, данное обстоятельство можно объяснить стремлением белорусского автора сосредоточить внимание читателя исключительно на рассматриваемой проблеме, раскрыть ее в максимально упрощенной форме без привлечения «дополнительных» образов. Приведем пример сравнения на английском языке: *It [death rattle] was a*

gurgling, crackling sound, like blowing air through a straw at the bottom of a cup of water ‘Это [предсмертный хрип] был бурчащий, потрескивающий звук **подобный тому, что слышится, когда втягиваешь воздух через соломенную трубочку** со дна стакана с водой’ (The New York Times, 20.07.2017).

Метафору в медицинском научно-популярном дискурсе следует рассматривать как действенный способ реализации коммуникативной цели – доходчиво и увлекательно рассказать читателю о последних научных достижениях. Исследователь С. Л. Мишланова указывает, что метафора является когнитивно-коммуникативной структурой, представляющей обработанное при помощи стратегий популяризации научное знание [2, с. 25]. В продолжение мысли Л. М. Алексеева отмечает, что при создании новых научных теорий метафора дает возможность говорящему сформулировать свое открытие, а слушающему – понять новизну знания и одновременно интерпретировать исследуемое явление по-своему [9, с. 13]. В проанализированных белорусскоязычных текстах научно-популярного дискурса (35,3 %) намного чаще, чем в англоязычных (8,46 %), встречаются метафоры, позволяющие лучше понять новые идеи на основе обыденного знания.

Согласно функциональной классификации метафоры различаются по «цели, с которой они используются в речи, т.е. по функциональному параметру» [10, с. 167]. В медицинском научно-популярном дискурсе встречаются метафоры следующих типов: *номинативные* (*sugar rush* ‘сахарная лихорадка’ [эйфория от потребления быстрых углеводов]; *носъбіт мутацыі*), оценочные (*world-class tumor bully* ‘первоклассный вышибала опухолей’ [о лечении Т-клетками раковых заболеваний]; *няшчасны выпадак* [о коронарной смерти]) и декоративные – средство эстетического отражения действительности и украшения речи (*carpet of hundreds of species of bacteria* ‘покрыв из сотен видов бактерий’; *сіла думкі*). Анализ показал, что автор научно-популярного дискурса на сопоставляемых языках использует преимущественно декоративные метафоры, тем самым стремясь создать яркую образность повествования и оказать больший «популяризаторский» эффект на адресата. Наименее употребительны метафоры оценочного характера, что говорит о предпочтении автора использовать в данной функции именно эпитеты.

Для научно-популярной медицинской речи также характерно применение концептуальной метафоры, используемой в эвристической функции, т.е. для пояснения, предсказания, выявления свойств изучаемого объекта путем сравнения с общеизвестным феноменом. Рассмотрим примеры ее употребления на сопоставляемых языках.

This is a coup for a medical technique that was popular before the discovery of penicillin and which has for years only been available in countries like Russia, Georgia, and Poland ‘Это настоящий **переворот** в области медицинских технологий, получивший известность еще задолго до открытия пенициллина, но уже давно используемый в таких странах, как Россия, Грузия и Польша’ (Popular Mechanics, 10.2016). Основное содержание выделенной метафоры –

это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [11, с. 27]. В анализируемом примере прорыв в медицине по своей сущности походит на военные действия, точнее военный переворот, что создает в сознании читателя довольно яркий образ и убеждает в значимости описываемого явления.

*У ветэрынарыі з'явіліся тэрапеўтычныя сродкі, якія ўздзейнічаюць не на інфекцыйны фактар – вірусы, бактэрыі, грыбы, унутрыклетачных і пазаклетачных паразітаў, а на інфіцыраваны арганізм, падаючы сігнал аб узнікшых праблемах і тым самым мабілізуючы ўласныя **ахоўныя механізмы** жывёл* (Звезда, 18.01.2017). В данном примере абстрактное понятие *иммунитет* вербализируется через определение *механизм*, надежную систему, четко определяющую порядок действий, что вызывает у читателя ощущение доверия к автору.

Научно-популярный дискурс медицинской тематики ввиду своего прагматического характера направлен на аккумуляцию и популяризацию научного знания. Автор рассматриваемого подтипа дискурса применяет средства художественной выразительности для передачи сути научных достижений в медицине посредством создания новых ярких образов. При этом тропы оптимизируют строгое научное изложение для перевода на доступный рядовому читателю язык, выполняют поясняющую функцию, актуализируют исследуемую автором тематику. Именно благодаря наличию экспрессивно-оценочного компонента указанные средства успешно передают отношение автора к описываемому явлению, обеспечивая эмоциональность изложения, и тем самым выполняют функцию эстетического воздействия. Автор научно-популярного медицинского дискурса творчески подходит к выбору тропов, тем самым «образуя магнитное поле, к которому приковано внимание читателя» [12, с. 119]. Помимо выражения авторского взгляда на описываемое явление, тропы используются для того, чтобы привлечь внимание читателя, установить с ним контакт для наиболее тесного взаимодействия. Иными словами, тропы способствуют реализации фатической функции в дискурсе. Все это предопределяет специфические лингвистические и экстралингвистические черты медицинского научно-популярного дискурса. Экстралингвистические черты заключаются в передаче реципиенту научного знания в обобщенном виде, в то время как лингвистическая составляющая формируется с учетом намерения автора передать оригинальность медицинского исследования, показать его в необычном ракурсе.

В рамках данного исследования установлено, что в медицинском научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках применяется схожий арсенал тропов – эпитет, метафора, сравнение. Частотность их употребления говорит о более ярко выраженной эмоционально-образной составляющей именно американского подтипа дискурса, тогда как белорусские авторы склонны придерживаться более сдержанной манеры изложения материала. Как в англоязычном, так и в белорусскоязычном медицинском дискурсе среди средств художественной выразительности преобладают эпитеты. Благодаря им как носителям оценочной семантики в тексте

наиболее ярко проявляется авторское отношение к описываемому явлению. Среди различий следует отметить низкую частотность употребления образного сравнения в медицинском научно-популярном дискурсе на английском языке и фактическое его отсутствие в дискурсе на белорусском языке. В американских медицинских статьях более чем в четыре раза реже встречается метафора по сравнению с белорусскими текстами. При этом на обоих сопоставляемых языках наиболее частотна ее декоративная разновидность, что можно объяснить стремлением автора достичь эффекта максимального воздействия на адресата.

Дозированное использование тропов помогает адресату успешно воспринимать и усваивать научное знание, а адресанту – направлять внимание первого в нужное русло, обеспечить контролируемую реакцию; раскрывает отношение адресанта к описываемому научному событию, что свидетельствует о стилистическом своеобразии медицинского научно-популярного дискурса в сравнении с собственно научным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров / редкол.: Н. Н. Трошина (отв. ред.) [и др.]. – М., 2000. – С. 37–64.
2. *Мишланова, С. Л.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) / С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина. – Пермь : Изд-во ПГУ, 2008. – 400 с.
3. *Бондарева, Л. М.* К проблеме типологии дискурса / Л. М. Бондарева // Основные проблемы современного языкознания : сб. ст. Всерос. конференции. – Астрахань, 2007. – С. 6–9.
4. *Митрофанова, О. Д.* Научный стиль речи: проблемы обучения / О. Д. Митрофанова. – М. : Рус. яз., 1985. – 128 с.
5. *Яроцкая, А. В.* Оценочная лексика в англоязычных журнальных текстах на тему «Здоровье» (опыт пробного анализа) / А. В. Яроцкая // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2008. – № 552. – С. 229–241.
6. *Шамне, Н. Л.* Особенности лексического состава медицинского научно-популярного дискурса (на материале немецкоязычных интернет-изданий) / Н. Л. Шамне, Е. В. Шишкина // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 170–179.
7. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
8. *Лагута, О. Н.* Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / О. Н. Лагута ; отв. ред. Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1999. – Ч. 1. – 71 с.
9. *Алексеева, Л. М.* Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. М. Алексеева ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1998. – 33 с.
10. *Москвин, В. П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2012. – 200 с.

11. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

12. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 5-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.

The article analyses the peculiarities of tropes usage in English and Belarusian medical popular science discourse. The author reveals the most widely used figures of speech in both languages, namely, epithets, metaphors, and similes. Tropes optimize a strict narrative of scientific data in the way that makes it more comprehensible for the general public.

Поступила в редакцию 13.05.2020

Е. А. Иванович

ПОНЯТИЕ АНАЛИТИЗМА И СИНТЕТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Автор статьи описывает противопоставление аналитического и синтетического строя языков, понятия аналитической формы и конструкции, явления грамматикализации и лексикализации. Особенности взаимодействия аналитических и синтетических черт рассматриваются на примере современного итальянского языка. Также затрагивается вопрос диахронической природы грамматикализации, которая позволяет проследить эволюцию языка от аналитического к синтетическому.

Одним из способов разделения языков на типы является классификация, основанная на морфологическом принципе, а точнее, на структуре слова в разных языках. В зависимости от того, какую структуру имеет слово в языке, какие отношения существуют между словом и морфемой и какова структура морфем, образующих слово, выделяют четыре основных морфологических типа языков: изолирующие, агглютинативные, флективные и инкорпорирующие. Первая классификация языков по морфологическому принципу появляется в XIX в., в работах Ф. Шлегеля, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера. Основными параметрами для выделения типов являются степени фузии и синтетичности языка. Степень синтетичности зависит от количества морфем в слове: чем больше морфем, тем выше этот показатель. На степень фузии влияет внутренняя разложимость слова: остаются ли определяемыми границы морфемы, выражает ли морфема только одно значение.

Флективные (также называемые фузионными) языки характеризуются наличием морфем в составе слова, которые несут одно или несколько грамматических значений. Н. Гранди, описывая флективные языки, указывает на то, что в языках этого типа размываются границы морфем внутри слова, выделение морфем становится затруднительным, а также увеличивается количество исключений [1]. Степень фузии в этом случае становится выше, одна и та же форма может выражать несколько семантико-функциональных значений, а одна и та же семантико-функциональная категория может выражаться разными формами.

Флективные языки подразделяются на синтетические и аналитические: в синтетических языках грамматические значения передаются в пределах одной словоформы, в аналитических – за пределами словоформы.

Характеристика аналитического строя чаще всего сводится к следующим положениям: 1) для языков аналитического строя очень важен твердый порядок слов; 2) в них широко используются служебные слова. В. Н. Ярцева подчеркивает, что характерной чертой аналитического строя является то, что грамматическое значение слов определяется по их отношениям с другими словами в словосочетании, и предлагает понятие позиционной взаимозависимости слов как средство их грамматической характеристики [2, с. 62–63].

В статье «Квантитативный поход к морфологической типологии языков» Дж. Гринберг предлагает метод классификации языков на основе пяти параметров: степень синтеза или общая сложность слова, индекс агглютизации, индекс словоизменения, порядок следования подчиненных элементов по отношению к корню, способы установления связи между словами [3]. Необходимо отметить, что подход Дж. Гринберга основывается на шкале Э. Сепира, в переработанном и расширенном виде. Одним из основных параметров, который используется для установления типа языка, является индекс синтеза, который определяется отношением количества морфов к словоформе. По этой шкале аналитические языки имеют индекс меньше 2, синтетические – больше 2. Не существует «чистых» типов, обычно языки обладают как аналитическими, так и синтетическими чертами. Как правило, при описании языка можно говорить о том, что он является преимущественно аналитическим или синтетическим. Некоторые исследователи называют понятия аналитизма и синтетизма «полюсами, пунктами отправки и прибытия» (Л. Амента, Н. Паэзано) [4, р. 12], между которыми происходит развитие языка в определенный период времени.

Так, в итальянском языке, который считается аналитическим, сохраняются многие синтетические формы, часто исторически восходящие к латинскому языку (окончания существительных, которые указывают на род и число, система спряжения глаголов в простых временах, согласование прилагательных и некоторых предлогов с существительными). Русский язык, который считается синтетическим, также обладает некоторыми аналитическими чертами: это модальные слова, служебные слова, междометия, звукоподражания, несклоняемые существительные и прилагательные (Ю. В. Рощина) [5], предикатив (П. А. Лекант) [6], аббревиатуры (Д. В. Бондаревский) [7]. Также в русском языке отмечается значительная экспансия именительного падежа (Д. М. Дедковская) [8].

При описании аналитических явлений в языке используются понятия *аналитическая форма слова* и *аналитическая конструкция*. Как правило, под аналитической формой слова понимается сочетание служебного и знаменательного слова, при этом служебное слово полагается «пустым», формальным (О. П. Суник) [9, с. 77]. Аналитические формы слова входят

в систему грамматических противопоставлений с морфологическими формами слов и являются регулярными. Аналитические конструкции также характеризуются наличием сочетания слов служебного и знаменательного, в которых первое, самостоятельно или вместе с аффиксом второго, выражает грамматическое значение знаменательного слова и тем самым всей конструкции в целом (В. М. Жирмунский) [10, с. 7]. С. А. Миронов считает, что одним из существенных признаков аналитической конструкции является ее грамматикализация, т.е. превращение одного из ее компонентов, а именно служебного слова, в результате утраты им своего лексического значения, в формальный показатель, в грамматический формант. В связи с этим он выделяет аналитические конструкции (с полной грамматикализацией) и полуаналитические конструкции (словосочетания с неполной грамматикализацией, когда служебный компонент сохраняет хотя бы ослабленное лексическое значение) [11, с. 105–106]. Можно предположить, что аналитическая конструкция, проходя разные степени грамматикализации и приобретая все большую степень регулярности, трансформируется в аналитическую форму слова.

Сам термин грамматикализации как языкового явления, при котором лексическая единица превращается в грамматический показатель, был введен в начале XX в. А. Мейе. Наиболее активно эта тема исследуется лингвистами Дж. Байби, Б. Хайне, Г. Дивальд. При описании изменений в слове в процессе грамматикализации Дж. Байби указывает на следующие типы: семантическая генерализация, которая связана с расширением контекста употребления, или семантическая редукция, так как определенные компоненты значения слова теряются, фонологическая редукция, связанная с утратой самостоятельного ударения или тона, и фиксация синтаксической позиции и расширение сферы употребления единицы [12, р. 6–7].

Явления грамматикализации в языке интересуют и итальянских лингвистов (Ф. Да Милано, Э. Моччаро). Описывая процесс грамматикализации, Ф. Да Милано указывает на то, что одним из частых случаев для итальянского языка является декатегоризация, т.е. переход слова из одной части речи в другую (субстантивация глагола, переход глагольных форм в наречия и предлоги) [13]. Также случаями грамматикализации в итальянском языке являются перифрастические глаголы, образование наречий образа действия с суффиксом *-mente*, форма отрицания *nica*, образование артиклей и т.п.

Диахроническую природу явления грамматикализации подчеркивает Э. Моччаро, указывая на то, что это позволяет увидеть процесс развития языка [14]. М. Скубиц, анализируя исторические изменения, которые происходили при формировании итальянского языка, приходит к выводу о постепенном переходе от синтетических способов выражения значения к аналитическим [15, s. 11]. В этом отношении наиболее показательными являются образование сравнительной и относительной превосходной форм степени сравнения прилагательных и наречий: синтетические латинские

формы заменились на аналитические; появление новых сложных глагольных форм (например, времен *passato prossimo*, *trapassato prossimo*, конструкций с глаголом *stare*); утрата падежной системы существительными и, как следствие, переход от относительно свободного порядка слов в предложении к более жесткому [15, s. 12].

Процесс грамматикализации слова происходит градуально [14], при помощи трех основных механизмов: десемантизации слова, декатегоризации и фонетической эрозии. Наблюдая за языком с синхронической точки зрения, можно найти слова, находящиеся на разных ступенях грамматикализации. Так, например, семантическую редукцию можно увидеть в случаях употребления глаголов *stare* ('быть, находиться, стоять') и *andare* ('идти, ехать'):

- (1) *Sto a casa* – 'Я нахожусь дома';
- (2) *Come stai?* – 'Как твои дела?';
- (3) *Che cosa stai facendo?* – 'Что ты сейчас делаешь?';
- (4) *Vado a casa* – 'Я иду (еду) домой';
- (5) *Come va?* – 'Как дела?';
- (6) *Il compito va fatto* – 'Задание должно быть выполнено'.

В случаях (1) и (4) оба глагола использованы в своем основном лексическом значении, в случаях (2) и (5) мы наблюдаем употребление глаголов в клишированных формулах приветствия, вне своего лексического значения, в примерах (3) и (6) глаголы выполняют функцию вспомогательного глагола. Необходимо отметить, что глаголы *stare* и *andare* не употребляются в итальянском языке в качестве регулярных вспомогательных глаголов во временных формах глагола: глагол *stare* входит в состав аналитической конструкции «*stare* + *gerundio* (длительное настоящее время)», а глагол *andare* – выполняет роль вспомогательного глагола в пассиве со значением долженствования.

Декатегоризация слова прослеживается в широком употреблении составных предлогов и предложных сочетаний типа *a seconda di* ('в зависимости от'), *a proposito di* ('в отношении чего-либо'), *a causa di* ('по причине'), *a favore di* ('в пользу чего-либо'), *in cambio di* ('взамен') и т.п.

Ярким случаем фонетической эрозии являются формы определенного и неопределенного артикля (*il, lo, la, l', uno, un, una, un'*) и артиклированных предлогов (например: *dello, del, della, dell', dei, degli, delle*). Артикли не имеют самостоятельного ударения и образуют одно фонетическое слово с существительным.

Необходимо отметить и процесс фиксации синтаксической позиции, который происходит в случае с местоимениями в роли прямого и косвенного дополнения: при употреблении безударной формы местоимение всегда предшествует глагольной форме. Ударная же форма местоимения не имеет определенного места по отношению к глаголу. Интересным является случай употребления местоимения 3-го лица множественного числа *loro*, которое меняет свою позицию по отношению к глаголу в зависимости от своего значения. Так, в качестве подлежащего местоимение стоит перед глаголом

(*Loro giocano a calcio* – ‘Они играют в футбол’), а в качестве косвенного дополнения – после глагола (*Do loro un libro* – ‘Я дам им книгу’). Необходимо отметить, что в качестве косвенного местоимения *loro* может заменяться формой 3-го лица мужского рода единственного числа *gli*, которое, как и остальные местоимения косвенного дополнения, предшествует глаголу (*Do loro un libro* – *Gli do un libro*). Л. Серианни отмечает, что такая замена характерна в первую очередь для разговорной речи, и связывает это с тем, что форма *gli* лучше встраивается в систему односложных местоимений косвенного дополнения, которые предшествуют глаголу (*mi, ti, gli, le, ci, vi*) [16, p. 249].

Одним из проявлений развития языка, интересным с точки зрения типологической характеристики, является и обратный грамматикализации процесс лексикализации (либо деграмматикализации), при котором языковые элементы переходят с грамматического уровня на лексический [17]. Так, Ф. Да Милано приводит примеры номинализации суффикса абстрактных существительных *-ismo* (*l'italian-ismo, comun-ismo, funzional-ismo, material-ismo*), употребление причастий настоящего времени в роли существительных (*calmante* – ‘успокоительное’, *cantante* – ‘певец, певица’) [13].

Рассмотренные в данной статье примеры грамматикализации и лексикализации позволяют сделать вывод о том, что на материале итальянского языка можно исследовать универсальные эволюционные тенденции перехода от синтетического строя (латынь) к современному аналитическому. Изучение языка в его современном состоянии, с точки зрения синхронии, дает возможность увидеть одновременное сосуществование старых и новых форм, проанализировать их взаимодействие друг с другом, ответить на вопрос о происходящих изменениях в грамматической системе. Это ведет к необходимости дальнейшего исследования данной темы на материале большого количества текстов и описания аналитических тенденций в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Grandi, N.* Fondamenti di tipologia linguistica [Risorsa elettronica] / N. Grandi – Carocci editore. – 2014. – Modo di accesso : http://reteintegrazione.xoom.it/in_rete02/Tipologia%20linguistica/mod_5_tipologia_linguistica.pdf. – Data di accesso : 10.04.2020.
2. *Ярцева, В. Н.* Проблема аналитического строя и формы анализа / В. Н. Ярцева // Аналитические конструкции в языках различных типов : сб. ст. / Ин-т языкознания (АН СССР) ; ред.: В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М. ; Л., 1965. – С. 58–69.
3. *Гринберг, Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III. – С. 60–94.
4. *Amenta, L.* Strutture analitiche e sintetiche. Modalità e temporalità nel siciliano contemporaneo / L. Amenta, N. Paesano // Cuadernos de Filología Italiana. – 2010. – Vol. 17. – P. 11–27.

5. *Рощина, Ю. В.* Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии (на материале предметных и признаковых слов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Рощина. – М., 2005. – 333 л.
6. *Лекант, П. А.* Аналитическая часть речи предикатив в современном русском языке / П. А. Лекант // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка / под ред. П. А. Леканта. – М., 2011. – С. 4–13.
7. *Бондаревский, Д. В.* Неизменяемость – ключевое явление аналитизма / Д. В. Бондаревский // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2009. – 41, № 7. – С. 8–12.
8. *Дедковская, Д. М.* К вопросу о проявлениях аналитизма в современном русском языке / Д. М. Дедковская // Вестн. ИрГТУ. Гуманит. науки. – 2011. – 54, № 7. – С. 201–206.
9. *Суник, О. П.* О понятиях «аналитическая форма слова» и «аналитический строй языка» / О. П. Суник // Аналитические конструкции в языках различных типов : сб. ст. / Ин-т языкознания (АН СССР) ; ред.: В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М. ; Л., 1965. – С. 70–79.
10. *Жирмунский, В. М.* Об аналитических конструкциях / В. М. Жирмунский // Аналитические конструкции в языках различных типов : сб. ст. / Ин-т языкознания (АН СССР) ; ред.: В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М. ; Л., 1965. – С. 5–57.
11. *Миронов, С. А.* Об аналитических и полуаналитических формах слова / С. А. Миронов // Аналитические конструкции в языках различных типов : сб. ст. / Ин-т языкознания (АН СССР) ; ред.: В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М.; Л., 1965. – С. 105–107.
12. *Bybee, J.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World / J. Bybee, W. Pagliuka, R. D. Perkins. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1994. – 398 p.
13. *Da Milano, F.* “Grammaticalizzazione” in Enciclopedia dell’italiano / F. Da Milano. – Roma : Ist. dell’Encicl. Italiana Treccani, 2010. – P. 609–612.
14. *Mocciaro E.* Appunti sulla teoria della grammaticalizzazione [Risorsa elettronica] / E. Mocciaro // Univ. degli studi di Palermo. – 2012. – Modo di accesso: <https://www.slideshare.net/mirigagli/grammaticalizzazione>. – Data di accesso: 16.04.2020.
15. *Skubic, M.* Tendenza al minor sforzo dell’espressione nelle lingue romanze / M. Skubic // Linguistica (Ljubljana). – 2013. – 53, № 1. – S. 9–16.
16. *Serianni, L.* Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria / L. Serianni. – UTET Libreria Srl, 2016. – 750 p.
17. *Marello, C.* “Lessicalizzazione” in Enciclopedia dell’italiano / C. Marello – Roma: Ist. dell’Encicl. Italiana Treccani, – 2010. – P. 777–778.

The article describes the contrast between the analytical and synthetic languages, the concepts of the analytical form and construction, the phenomena of grammatization and lexicalization. The distinctive features of the interaction of analytical and synthetic traits are discussed on the example of modern Italian language. The author touches upon the issue of the diachronic nature of grammaticalization, which allows us to trace the evolution of the language from the analytical to synthetic form.

Поступила в редакцию 27.05.2020

Т. П. Ключенович

ГЛАГОЛЫ МАНЕРЫ ГОВОРЕНИЯ В ФУНКЦИИ РЕЧЕВВОДНЫХ В БЕЛОРУССКОМ И БРИТАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье приводится подробный анализ лексико-семантической группы глаголов манеры говорения в белорусской и британской ремарке. В рамках анализируемой глагольной группы представлены пять подгрупп, которые отражают различные аспекты манеры говорения. Глаголы исследуемой лексико-семантической группы употребляются как в узуальном, так и в окказиональном речевом значении. Глаголы манеры говорения проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке, что отражает позицию соавторства актуального говорящего по отношению к чужой реплике и тенденцию к ее комментированию.

Глаголы манеры говорения рассматривались исследователями в различных ракурсах и назывались характеризующими глаголами, глаголами звука/звучания/фонации, глаголами, указывающими на форму представления речи [1; 2; 3; 4; 5].

В настоящем исследовании под глаголами манеры говорения мы понимаем те речевводные глаголы, которые не только передают, но и характеризуют реплику исходного говорящего. Семантика глаголов данной группы содержит эмоциональные и оценочные компоненты. Посредством глаголов данной ЛСГ автор позволяет себе различными способами комментировать то, каким образом и с каким отношением было произнесено чужое высказывание.

Группа глаголов, выражающих манеру говорения, подлежит дифференциации на пять подгрупп. Анализ текстового материала выявил тот факт, что глаголы манеры говорения проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке (12,2 против 8,4 % в британской ремарке); при этом показатели частотности каждой из пяти выделенных подгрупп в белорусской художественной прозе выше соответствующих показателей в британской прозе (таблица).

Частотность представленности подгрупп лексико-семантической группы глаголов манеры говорения в белорусской и британской ремарке, %

№ п/п	Подгруппы глаголов манеры говорения	Ремарка	
		белорусская	британская
1	Антропоцентрическая манера говорения	4,7	3,4
2	Интенсивность манеры говорения	3,5	2,5
3	Звуки, присущие животным	1,4	1
4	Звуки, характерные для неодушевленных предметов	1	0,8
5	Механическое действие	1,6	0,7

Рассмотрим текстовые примеры употребления глаголов, характеризующих манеру говорения, в рамках выделенных пяти подгрупп.

I. Антропоцентрическая характеристика говорения:

- 1) – *О то газета!.. I складна ж нехта напісаў, – забасіў Парфен* [6, с. 47];
- 2) *Натолік ледзь-ледзь усміхнуўся і прамармытаў:*
– *Але... зробіш...якраз...ого...зробіш...* [7, с. 21];
- 3) *'Football,' he mouths at her* [8, p. 52];
- 4) *'I thought you'd gone off it,' he muttered* [9, p. 163];
- 5) *'I'm sorry,' she babbled...* [10, p. 16];
- 6) *'That's him,' mumbles Stella nervously* [11, p. 7].

Как следует из самого названия подгруппы, семантика этих глаголов всегда предполагает характеристику человеческой речи: их лексикографическое и текстуальное значения являются речевыми. Например, глагол *забасіў* (пример 1) в соответствии со словарем означает «гаварыць, спяваць басам» [12, т. 1, с. 347]. Аналогичным образом, глагол *мармытаць* (пример 2) – «гаварыць ціха і невыразна» [12, т. 3, с. 110], а также английские глаголы *mouth* «говорить напыщенно», *mutter* «бормотать», *babble* «лепетать» (примеры 3–6) предполагают определенную характеристику речевой деятельности, как в словарном значении, так и в значении, реализованном в контексте.

По результатам анализа подгруппа глаголов, обозначающих антропоцентрическую характеристику говорения, является наиболее частотной из всех выделенных подгрупп. Эти глаголы составляют 4,7 и 3,4 % в британском и белорусском дискурсах соответственно (см. таблицу).

II. Интенсивность говорения. Мы предлагаем объединить все глаголы, передающие фонационные характеристики и выделяем подгруппу глаголов, характеризующих интенсивность говорения, т.е. степень громкости, с которой было произнесено высказывание исходного говорящего:

- 1) – *У Дзвіну іх! – выгукнуў Богуш, і вакол таксама закрычалі:* – *У Дзвіну!* [13, с. 251];
- 2) – *Во дае! – усклікнуў Лазавік* [14, с. 80];
- 3) *'Entrez, Madame,' I whisper* [15, p. 67];
- 4) *'Something funny?' Wilcox yelled in her ear...* [9, p. 130];
- 5) *'This is not a criminal family!' exclaims Nana Price* [11, p. 12].

Как показывают примеры, глаголы выделенной подгруппы характеризуют интенсивность, т.е. степень громкости, с которой произнесена реплика персонажа. Например, в лексикографическом источнике глагол *выгукнуць* (пример 1) означает «гучна прамовіць, выкрыкнуць» [12, т. 1, с. 530], а глагол *to whisper* «шептать» (пример 3) означает «speak very softly without vibration of the vocal cords» «говорить очень тихо без вибрации голосовых связок» [16, p. 1598]. Среди всех подгрупп рассматриваемой ЛСГ глаголы, характеризующие интенсивность говорения, находятся на втором месте по уровню частотности и составляют 3,5 и 2,5 % в белорусском и британском дискурсах соответственно (см. таблицу).

III. Звуки, присущие животным:

- 1) – *Балиць, – пішчу я і лезу да мамы* [7, с. 16];
- 2) – *Ком карова! Бістро! Ты поняль? – прагергетаў фельдфебель...* [17, с. 93];
- 3) *Стась горбіцца, набычвае галаву, коса пазіраючы на бацьку, невыразна мычыць:*
– *Сам ідзі ў ветэрынары...* [7, с. 13];
- 4) *...каржакаваты, у белым, завязаным на паясніцы фартусе, павярнуў да яго шырокі, рабы, нейкі зусім не германскага выгляду твар і нешта прабурчэў, нязлосна так: «Я-я»* [17, с. 67];
5. *'Temple Grove Rest Home!' squawks Jeannie. <...> There's a short pause. 'Again!' cackles Jeannie, making the radio rattle with her hoarse, herbal laughter* [11, p. 17];
6. *Lola put her speckled hand to her mouth. 'Sor-reeee!' she hooted* [18, p. 15];
7. *Vic grunted. 'Don't talk to me about television'* [9, p. 163].

Рассмотрим первичные лексикографические значения некоторых глаголов, используемых в приведенных выше текстовых фрагментах:

- пішчаць* – «рабіць піск (пра птушак і жывёл)» [12, т. 4, с. 262];
гергетаць – «гагатаць (пра гусей)» [12, т. 2, с. 46];
бурчаць – «утвараць глухія гукі, выказваючы незадавальненне аба пагрозу (пра жывёл)» [12, т. 1, с. 424];
to cackle – «emit a clucking sound as of a hen or goose» 'кудахтать, гоготать; издавать звук, присущий курице или гусю, ухать' [16, p. 182];
to hoot – «utter an owl's cry» 'издавать крик совы, ухать' [16, p. 653];
to grunt – «make a low guttural sound made by a pig» 'издавать низкий гортанный звук, издаваемый свиньей' [16, p. 602].

Как мы видим, в качестве первичных значений словарь фиксирует звуки, присущие животным. Несмотря на то, что первичное значение таковых глаголов предполагает звучание, оно все же не является речевым, поскольку понятие речевой деятельности может быть применимо только к человеку. Словарь, однако, фиксирует и вторичное речевое значение у глаголов выделенной подгруппы, которое в приведенных контекстах становится актуальным, поскольку глаголы, обозначающие звуки, присущие животным, используются в авторских ремарках для характеристики именно человеческой речи. Доказательством тому служат субъекты при выделенных глаголах (*she* 'она', *Vic*, *Jeannie*, *Стась*, *Міхась*, *фельдфебель*), а также сами реплики, произносимые человеком, для характеристики которых рассматриваемые глаголы употребляются в ремарках (*Again!* 'Снова!', *Балиць* и т.д.). Таким образом, глагол *гергетаць* используется в данном контексте в своем вторичном значении 'гаварыць на незразумелай мове' (пример 2), а глагол *пішчаць* употребляется в значении 'гаварыць або спяваць тонкім пісклявым голасам' (пример 1). Аналогичным образом, текстуальными значениями глаголов *hoot* 'ухать' и *grunt* 'хрюкать' (примеры 6, 7) являются их вторичные речевые значения:

to hoot – «make loud sounds, esp. of scorn, disapproval, or merriment» ‘издавать громкие звуки, особенно с целью выразить презрение, неодобрение или веселье’) [16, p. 653];

to grunt – «make a low inarticulate sound resembling this (grunt), esp. to express effort, assent, fatigue etc.» ‘издавать низкие нечленораздельные звуки, которые напоминают звуки, издаваемые свиньей, особенно с целью выразить усилие, согласие, усталость и т. д.’ [16, p. 602].

Данную подгруппу мы относим к типу глаголов с узуальным речевым значением, поскольку их речевое значение зафиксировано в словаре и является вторичным. В подобных случаях имеет место метафорический перенос: актуальный говорящий характеризует особенности произнесения чужой реплики путем сравнения со звуками, присущими животным. По результатам проведенного исследования глаголы выделенной подгруппы используются в составе ремарок в обоих дискурсах для характеристики человеческой речи и составляют 1,4 и 1 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. таблицу).

IV. Звуки, характерные для неодушевленных предметов:

- 1) *Гуж адразу ж падлавіў гэты яе позірк і загудзеў злым басам:*
– *Вот швэндаешся на палёх, нямецкія часці разглядваеш* [17, с. 38];
- 2) *Ану, смаркач, – прашынеў ён, – прабачэння прасі!* [19, с. 324];
- 3) *‘It’s stress!’ trumpets Nana Price* [11, p. 12];
- 4) *‘Shut up,’ snaps Archie* [20, p. 113];
- 5) *‘It’ stress, pet lamb,’ she rasps, inhaling loudly on her cigarette* [11, p. 11].

Текстовый материал показал, что глаголы, которые в своем основном значении предполагают звуки, производимые неодушевленными предметами, также используются в ремарках британских и белорусских авторов с целью характеристики манеры говорения.

Например, глагол *прашынеў* (пример 2) используется в данном контексте для характеристики речевой деятельности, а именно той реплики, которую он вводит (*Ану, смаркач, прабачэння прасі!*). Обратим внимание, что первичное лексикографическое значение глагола *шынець* – «утвараць глухія гукі, якія нагадваюць доўгі гук “ш” (пра жывёл, пра яду, газ, паветра, пену, хвалі, работу механізмаў)» – хотя и предполагает звуки, издаваемые животными или производимые неодушевленными предметами, все же не является речевым. В данном контексте реализуется его вторичное речевое значение, зафиксированное в словаре: «гаварыць здушаным, сіплым голасам, у якім адчуваюцца злосць, раздражненне» [12, т. 5, кн. 2, с. 225].

Аналогичным образом, в соответствии со словарем, первичное значение глагола *to snap* (пример 5) не является речевым и означает «break suddenly or with a snap» ‘ломать неожиданно или с треском, щелканьем’ [16, p. 1315]. Однако в ремарке (*snaps Archie*) нет указания на какой-либо предмет, который исходный говорящий с треском ломает. В данном случае актуальным становится четвертое лексикографическое значение рассматриваемого

глагола: «speak irritably or spitefully» ‘говорить раздраженно или с презрением’ [16, p. 1315], особенно с учетом смысла самой реплики исходного говорящего (*shut up* ‘замолчи’).

Глаголы выделенной подгруппы составляют 1 и 0,8 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. таблицу).

V. Глаголы механического действия. Анализируя глаголы, характеризующие манеру говорения, путем их сравнения с глаголами механических действий, А. М. Хисматулина отмечала, что в семантике их первичных значений сема речи отсутствует. Однако под влиянием речевой семы репрезентируемого компонента (реплики) сема ‘механическое действие’ погашается, а сема речи возникает в трансформировавшейся семантической структуре глагола [21]:

1) *A pan Ivan хмурыцца, маўчучы або жорстка адрэзваючы:*

– *Нашчадкі зразумеюць, калі займеюць сапраўдную спадчыну, а не зламаны грош!* [6, с. 99–100];

2) – *Перастань ты сябе катаваць, – кінуй я* [22, с. 75];

3) *Уваходзіць у хату, здароўкаецца і, без усякіх прадмоў, траскучым голасам цягне:* «Найсвяцейшая матка...» [7, с. 17];

4) ‘...*I don't want to teach, or go in for civil service. And medicine interests me...*’ *He broke off as a thought occurred to him* [18, p. 27];

5) *The woman from the council <...> shook her skinny head in agreement. <...>it's muggins here who has to ‘which was overlapped by the nurse: ‘She can't stay here alone, can she...’* [20, p. 10].

Глаголы рассматриваемой подгруппы приобретают речевое текстуальное значение в результате метафорического переноса. Обратимся к первичным значениям глаголов, используемых в приведенных выше ремарках:

адрэзаць – «аддзяліць частку чаго-небудзь рэжучым інструментам» [12, т. 1, с. 174];

кідаць – «штуршком прымушаць ляцець, падаць тое, што знаходзіцца ў руцэ» [12, т. 2, с. 682–683];

цягнуць – «узяўшы за край, канец чаго-небудзь, перамяшчаць, набліжаць да сябе з сілай, намаганнем» [12, т. 5, кн. 2, с. 275–276];

break off – «*detach by breaking*» ‘отделять, отламывая’ [16, p. 159].

Как свидетельствуют словарные дефиниции, первичные значения глаголов рассматриваемой подгруппы являются неречевыми и обозначают некое механическое действие. Однако контексты показывают, что в ремарках нет объекта, на который могло быть направлено механическое действие, обозначенное в первичном значении данных глаголов (*жорстка адрэзваючы; кінуй я; he broke off*). Это служит еще одним подтверждением того, что в подобных случаях в ремарке актуализируется вторичное речевое значение речеводного глагола. В частности, «рэзка і ў катэгарычнай форме сказаць, заявіць» для глагола *адрэзаць*; «гаварыць, выказваць што-небудзь рэзка, нечакана» для глагола *кідаць; cease talking* «перестать говорить» для глагола *break off* [12; 16]. Заметим, что у глагола *цягнуць* речевое значение в словаре

зафиксировано только семнадцатым. Тем не менее именно это значение является актуальным в данном контексте: «павольна, марудна гаварыць, спяваць» [12]. Таким образом, в примерах 1–4 текстуальное речевое значение глаголов является узуальным, поскольку зафиксировано в лексикографическом источнике. Однако в ряде случаев словарь вообще не фиксирует речевое значение. В подобных ситуациях оно является окказиональным. Так, в примере 5 глагол *overlap*, первичное значение которого «partly cover (another object)» ‘частично покрыть (другой предмет)’ [16, р. 974], приобретает речевое значение только в конкретном контексте, где используется в значении ‘говорить параллельно с кем-либо’ (*which was overlapped by the nurse* ‘няня начала говорить параллельно’). Как показал анализ материала, глаголы со значением механического действия, которые используются в ремарке для характеристики манеры говорения, проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке, где составляют 1,6 против 0,7 % в британской ремарке (см. таблицу).

С прагматической точки зрения более высокая частотность глаголов, характеризующих манеру говорения, в белорусском дискурсе по сравнению с британским свидетельствует о намерении белорусских авторов выносить в ремарку не только сам факт речевого действия, но также дополнительную информацию о персонаже, его реплике и исходной ситуации говорения. Выявленная специфика отражает позицию соавторства актуального говорящего по отношению к чужой реплике и тенденцию к ее комментированию.

Таким образом, результаты анализа свидетельствуют о том, что глаголы, характеризующие манеру говорения, обладают следующими характеристиками.

1. Они представлены в белорусской и британской ремарке пятью подгруппами: антропоцентрическая характеристика говорения; интенсивность говорения; звуки, присущие животным; звуки, характерные для неодушевленных предметов; глаголы, обозначающие механическое действие.

2. Глаголы, характеризующие манеру говорения, употребляются как в узуальном, так и в окказиональном речевом значении.

3. Глаголы данной группы проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке (12,2 против 8,4 % в британской ремарке); при этом показатели частотности каждой подгруппы в белорусском дискурсе также выше соответствующих показателей в британской прозе (см. таблицу).

4. Глаголы антропоцентрической характеристики говорения обнаруживают наиболее высокую частотность в обоих дискурсах (4,7 и 3,4 % в белорусской и британской ремарке соответственно), а подгруппа глаголов интенсивности говорения является второй по частотности (3,5 и 2,5 % в белорусской и британской ремарке соответственно) (см. таблицу).

5. Глаголы, характеризующие манеру говорения, используются автором не только и не столько для констатации факта говорения, но призваны определенным образом комментировать то отношение, с которым исходный говорящий произнес реплику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горегляд, Е. Н.* Глаголы речи в белорусском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01 / Е. Н. Горегляд ; Акад. наук Беларуси, Ин-т языкознания. – Минск, 1994. – 27 с.
2. *Павлова, Е. И.* Фонационные глаголы в современном английском языке как явление паралингвистики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Павлова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1983. – 16 с.
3. *Новицкая, Е. О.* Семантические особенности глаголов не-речи, вводящих прямую речь (на материале современного английского языка) / Е. О. Новицкая // Семантика и типология разносистемных языков : сб. науч. тр. / Ташк. гос. ун-т ; редкол.: Э. С. Азнаурова (отв. ред.) [и др.]. – Ташкент, 1986. – С. 83–89.
4. *Порозинская, Г. В.* Способы введения чужой речи при переводе с русского языка на английский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г. В. Порозинская ; Моск. гос. ин-т иностр. яз. – М., 1989. – 22 с.
5. *Светашова, Ю. А.* Конструкция с репрезентируемой речью: структура, семантика, функционирование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. А. Светашова. – М., 2009. – 294 л.
6. *Лойка, А.* Як агонь, як вада... : раман-эсэ пра Янку Купалу / А. Лойка. – Мінск : Мастац. літ., 2000. – 478 с.
7. *Брыль, Я.* Ад сяўбы да жніва : апавяданні / Я. Брыль. – Мінск : Мастац. літ., 1989. – 598 с.
8. *Hornby, N.* About a boy / N. Hornby. – London : Penguin, 2000. – 280 p.
9. *Lodge, D.* Nice work / D. Lodge. – London : Penguin, 1989. – 384 p.
10. *Freud, E.* The sea house / E. Freud. – London : Penguin, 2004. – 279 p.
11. *Darling, J.* The taxi driver's daughter / J. Darling. – London : Penguin, 2004. – 264 p.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
13. *Бондар, Т.* Спакуса : раман / Т. Бондар. – Мінск : Юнацтва, 1989. – 397 с.
14. *Хомчанка, В.* Выбраныя творы : у 2 т. / В. Хомчанка. – Мінск : Мастац. літ., 1979. – Т. 1 : Аповесць, апавяданні. – 461 с.
15. *Contemporary British stories* / ed. K. Hawitt. – Oxford : Perspective Publ., 1994. – 231 p.
16. *The Concise Oxford Dictionary of Current English* / ed. D. Thompson. – 9th ed. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – XXI, 1673 p.
17. *Быкаў, В.* Знак бяды : аповесць / В. Быкаў. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 364 с.
18. *McEwan, I.* Atonement / I. McEwan. – London : Vintage, 2007. – 376 p.
19. *Сачанка, Б.* Горкая радасць вяртання : аповесці, апавяданні / Б. Сачанка. – Мінск : Мастац. літ., 1987. – 350 с.
20. *Smith, Z.* White teeth / Z. Smith. – London : Penguin, 2000. – 542 p.

21. *Хисматулина, А. М.* Глаголы, репрезентирующие прямую речь в современном английском языке: к вопросу о лексико-синтаксических связях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Хисматулина ; Моск. гос. пед ин-т иностр. яз. – М., 1975. – 30 с.

22. *Караткевіч, У.* Чорны замак Альшанскі : раман, аповесць / У. Караткевіч. – Мінск : Мастац. літ., 1983. – 357 с.

The article presents the results of a detailed analysis of manner-of-speech verbs used in authors' remarks in Belarussian and British modern fiction. Within this group of verbs, five subgroups are distinguished. Statistics and examples are provided within a comparative analysis. It is concluded that manner-of-speech verbs are used in both the discourses, but prevail in Belarussian authors' remarks, which reveals the position of co-authorship and a tendency of Belarussian authors to present not only the speech act itself, but the attitude of the initial speaker as well.

Поступила в редакцию 25.05.2020

А. А. Лавицкий

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНИЕ – РЕШЕНИЯ ВЧЕРАШНИЕ

В статье представлен критический взгляд на развитие судебной лингвистической экспертологии в Беларуси. Описаны недостатки используемых методологических подходов, а также предложены пути нивелирования проблем верификации результатов экспертной оценки текста в процессуально-судебной деятельности, очерчен круг юрислингвистических исследовательских вопросов, актуальных для современной правоприменительной практики.

Привлечение к процессуально-следственной и судебной деятельности специалиста-лингвиста не воспринимается сегодня противоречиво. Столкнувшись с проблемой невозможности объективного рассмотрения и правовой оценки ряда правонарушений, предметом совершения которых является текст, юриспруденция перестала возражать против активной экспансии науки о языке в сферы своей ответственности. Практика доказала состоятельность лингвистики как экспертного инструментария в правовом пространстве Беларуси. Однако в ряде случаев языкознание дискредитировало само себя, не справившись с необходимостью всегда давать неопровержимые результаты исследования продуктов речевой деятельности. Заключение экспертов и сегодня нередко содержат неоднозначные выводы, не дают полных и компетентных ответов на вопросы, определяющие качественные характеристики состава правонарушения. При этом многие проблемы, являющиеся камнем преткновения для активного развития лингвистической экспертизы текста в нашей стране, достаточно успешно разрешены зарубежными коллегами. Кроме того, очевидно, что отечественная юрислингвистическая практика ограничивается в своем проблемном поле, замыкаясь только на вопросах изучения формальных семантических и структурно-граммати-

ческих особенностей речевого материала, исключая оценку экстралингвистической составляющей коммуникации. Такое положение дел обусловило наш научный интерес к вопросам методологических основ проведения судебной лингвистической экспертизы текста в Беларуси.

Судебная лингвистическая экспертология является одной из наиболее активно развивающихся подотраслей юридической лингвистики – относительно молодого направления науки о языке. Парадоксально, но формирование лингвистической экспертизы текста началось почти на десятилетие раньше, нежели общей теории правовой лингвистики. Считается, что первое прикладное экспертное юрислингвистическое исследование, обозначенное как *forensic linguistics research*, в рамках процессуально-судебного разбирательства провел английский писатель и языковед шведского происхождения Ян Свартвик. В результате проделанной им лингвистической экспертизы текстов дознания повешенного за убийство жены Тимоти Эванса удалось доказать невиновность осужденного «на том основании, что его признание в убийстве отличалось по стилю от всех его остальных показаний» [1, с. 6]. Впервые же понятие юридической (правовой) лингвистики в широкий научный обиход было введено лишь в 1976 г. немецким исследователем Адальбертом Подлехом в одноименной статье «Rechtslinguistik». Юрислингвистику А. Подлех определил как «совокупность всех методов и результатов исследований, которые касаются вопросов связи языка и правовых норм, и отвечают требованиям современной лингвистики» [2, S. 108].

Несмотря на то, что в фокусе внимания современного юрислингвистического направления находится достаточно широкое проблемное поле, включающее вопросы изучения специального юридического языка (язык как инструментарий законотворчества и толкования правовых актов – юридиколингвистическая герменевтика), правовой коммуникации (речевое взаимодействие субъектов процессуально-следственной и судебной деятельности), наиболее востребованной в прикладном аспекте является судебная лингвистическая экспертология.

В отечественном дискурсе значимость исследований по экспертной оценке текста обусловлена динамическими изменениями общественных отношений, когда ценность коллективного взаимодействия отошла на второй план, уступив первое место личностным свободам и правам. Этот исторический период наступил в 90-е гг. прошлого столетия и продолжается до сих пор, сопровождаясь процессами правовой самозащиты личности от любых посягательств на снижение и умаление уровня собственной самооценки. Именно поэтому в настоящее время «исключительную актуальность и значимость приобретает защита не только имущественных, но и неимущественных прав граждан и юридических лиц» [3, с. 110]. Доказательством тому служит возрастающее количество обращений к специальной экспертизе текста в процессуально-следственной и судебной практике рассмотрения правонарушений, сопряженных с оскорблением личности, клеветой, угрозой, проявлением деструктивного экстремистского поведения и др.

Объективно обусловленная интенсификация прикладных изысканий в области лингвистической экспертизы текста привела к достаточно серьезным проблемам. Дело в том, что российские ученые еще в начале нового тысячелетия заметили очевидную исследовательскую лауну, когда практические решения – заключения экспертов-юрислингвистов не имели под собой а) обоснованной научно-теоретической базы и б) верифицированной методологии. По этому поводу К. И. Бринев в своей монографии «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» пишет: «Но исследования в области лингвистической экспертизы сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи» [4, с. 15]. Вовремя обратив внимание на имеющиеся пробелы, российской юрислингвистике удалось в достаточно короткие сроки нивелировать их. В первом случае для обоснования концептуальных вопросов экспертной оценки речевой деятельности были созданы научные школы в Барнауле, Кемерово, Москве и др., продолжающие продуктивную исследовательскую деятельность и в настоящее время. Для разрешения второй проблемы потребовалось «подключение понятийно-методологического аппарата двух дополнительных научных областей – экономики и технических наук» [5, с. 5], что удовлетворило насущные потребности судебной экспертной работы с разными видами текстового материала.

К сожалению, приходится констатировать, что отечественная наука до сих пор не проявила должного внимания к проблемам лингвоправовой оценки текста. Вследствие этого при выполнении прикладных исследований накопленный в российской юрислингвистике опыт калькировался экспертным сообществом Беларуси без должного учета особенностей правового поля страны, хотя о вредности «слепой» и полной экспликации методологической базы лингвистической экспертологии писали А. В. Андреева и А. А. Кирдун [6, с. 18], выполнявшие одни из первых судебных экспертных лингвистических исследований в отечественной судебной криминалистике.

Практика показывает, что исследовательские подходы белорусских экспертов нередко ограничиваются методологией лишь отдельных лингвистических направлений, в частности, структурно-грамматическим, лексикографическим и ортологическим. Однако для современной судебной лингво-экспертной деятельности использование указанных методологических подходов зачастую является недостаточным. Так, изучение структурно-грамматической специфики текста не позволяет в полной мере отразить глубинной семантики – ключевого объекта исследовательской оценки, ибо, как справедливо замечал Л. А. Новиков, «грамматическое и лексическое значения представляют собой качественно различные, разноуровневые абстракции свойств языковых объектов» [7, с. 348].

Обращение к лексикографическим источникам при экспертном изучении текста чаще всего имеет несколько серьезных недостатков. Во-первых, лексическое значение слова отражается в словаре «относительно полно и не всегда современно» [8, с. 259]. Во-вторых, очевидна непоследовательность

стилистических помет в различных словарных источниках. Не внесли ясность в данный вопрос и специализированные издания обценных слов, что объективно обусловлено эмоционально-экспрессивной иерархией бранной лексики. Авторы одного из таких изданий («Словарь русской брани (матизмы, обценизмы, эвфемизмы») В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина пишут: «Пока нет еще “идеального” словаря брани, который удовлетворял бы всем ее интерпретациям. Даже словари, ориентированные на такую специализированную и, казалось бы, однородную лексику, как русский мат, отличаются большой разнородностью состава словника и способов его описания» [9, с. 29]. Кроме того, любой речевой акт в судебной лингвистике рассматривается в конкретном ситуативном контексте: «отдельные слова и выражения (*вне учета временного, пространственного континуумов и канала связи* – курсив наш. – А. Л.) не могут быть предметом вербальных правонарушений», ибо «отдельное слово, взятое из словаря, не соотнесено к действительности – это просто слово, единица языка» [10, с. 9].

Следует отметить, что в последнее время белорусские эксперты-практики стали прибегать и к методам прагмалингвистического анализа, в основу которого заложена теория речевых актов. Это позволило в значительной степени объективизировать результаты судебных лингвистических заключений. Однако в ряде случаев специалистам потребовалась дополнительная верификация результатов специальных экспертных исследований, что обусловлено достаточно высокой степенью вариативности при интерпретации иллокутивной и перлокутивной силы речевого высказывания. В процессе судебного заседания экспертиза, основанная только на прагмалингвистическом анализе речевого акта, – это возможность для ответчика «скрыть прагматический момент <...> доказать, что “они не то имели в виду”, что “их не так поняли”» [11, с. 147].

Результаты ортологического анализа продуктов речевой деятельности чаще всего оспариваются в процессе судебного разбирательства, так как нормы коммуникации редко закреплены законодательно, что позволяет апеллировать к догме «ubi jus incertum, ibi nullum» – если закон не определен, то закона нет (что не запрещено – то разрешено). Разумеется, это не означает, что использование бранных слов (мата), например, позволительно в устном официально-деловом дискурсе, однако если данная лексика функционально не является предметом вербального правонарушения, то ее использование можно расценивать только как показатель уровня культуры коммуниканта.

Указанные недостатки методологических подходов, используемых отечественными специалистами, очевидно, негативно отразились на процессуально-судебной практике. Так, на заседании (03.04.2019 г.) межведомственной рабочей группы по взаимодействию (присутствовали заинтересованные работники Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел) представители МВД апеллировали к следующим фактам: 1) «В случае постановки перед экспертами вопросов, ответы на которые позволяют

сделать вывод о наличии в действиях проверяемого лица признаков состава преступления, в заключениях указывается, что это не входит в компетенцию экспертов»; 2) «Из 22 материалов по статье 130 УК (*Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни* – курсив наш. – А. Л.), по которым психолого-лингвистические (лингвистические) экспертизы проводились подразделениями ГКСЭ, только по 2 возбуждены уголовные дела, а из 27 материалов, где такие экспертизы проводились вне экспертных учреждений, по 19 возбуждены уголовные дела, по 8 процессуальное решение еще не принято».

Специалисты КСЭ отказываются и от решения менее глубоких проблем, чем установление признаков проявления экстремисткой деятельности. В частности, согласно Информационному письму «Об особенностях назначения судебной лингвистической экспертизы», подготовленному в 2020 г. ГКСЭ, «установление наличия/отсутствия факта оскорбления, его признаков, а также приличной/неприличной формы не входит в компетенцию эксперта-лингвиста». Однако очевидно, что современный лингвометодологический инструментарий имеет все возможности для разрешения такого рода задач, в том числе проведения экспертного аналитического исследования для описания ранее «чуждых» лингвистике явлений и категорий, таких как умышленность, приличность, циничность речевого акта и др.

Объективно назревшим шагом для развития белорусской лингвоправовой экспертологии является привлечение нового методологического инструментария, накопленного современной наукой о языке и позволяющего проводить верифицированные процедуры судебного лингвистического исследования текста. Очевидно, что речь не может идти об одном конкретном методе, ибо решение сложных прикладных задач требует междисциплинарного осмысления явлений и интеграции результатов в единое целое [12, с. 13]. Оценка особенностей влияния экстралингвистических факторов на процесс речевого взаимодействия успешно изучается коммуникативной лингвистикой, специфика речевой деятельности субъекта коммуникации – теорией языковой личности и психолингвистикой, ценностная картина мира – лингвоаксиологией, язык как механизм познавательной деятельности – когнитивной лингвистикой и т.д. Объединение усилий указанных и других направлений позволяет разрешить не только актуальные для современной процессуально-судебной деятельности вопросы исследования продуктов речевого взаимодействия, но и значительно продвинуться вперед, ввести в практику новые виды экспертной оценки текста, например, установление признаков умышленности преступления, совершаемого вербальным способом, создание речевого портрета делинквента и его идентификация в информационном потоке и др.

Кроме того, важным видится не отказываться от проведения экспертных исследований, которые только на первый взгляд ориентированы на выявление признаков правонарушения, не входящих в область научных интересов языкознания. Как справедливо отмечает М. А. Осадчий, лингвистика как

наука не желает (возможно, совершенно справедливо) заниматься отдельными категориями, «но судебная лингвистика как практическая отрасль не имеет выбора» [5, с. 80].

Таким образом, современная белорусская судебная лингвистическая экспертология еще не реализовала свой потенциал, стоящие перед ней задачи требуют отказа от консервативных подходов в оценке текста с позиции Соссюровского «языка в самом себе и для себя». Очевидно актуальным в ближайшее время для лингвоправовой экспертологии будут более глубокие проблемы, такие как моделирование речевого портрета делинквентной личности, определение умышленности вербальных деяний, экстралингвистические приемы проявления экстремистского поведения и др., что потребует еще большего расширения научных представлений и междисциплинарного подхода: привлечения ряда философских концепций, методов психологического анализа поведения, исследований в области физиологии и психиатрии и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плотникова, С. Н.* Лекции по судебной фонетике / С. Н. Плотникова. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – 58 с.
2. *Podlech, A.* Rechtslinguistik / A. Podlech // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. – München : Beck, 1976. – Bd. II. – S. 105–116.
3. *Голев, Н. Д.* Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Н. Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты : межвуз. сб. ст. / под ред. В. Я. Музюкина, В. В. Сорокина. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2002. – С. 110–123.
4. *Бринев, К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
5. *Осадчий, М. А.* Русский язык в судебном процессе / М. А. Осадчий. – Изд. 2, стереотип. – М. : URSS, 2019. – 256 с.
6. *Андреева, А. В.* Методики производства судебной лингвистической экспертизы: аналитический обзор / А. В. Андреева, А. А. Кирдун // Вопр. экспертной практики. – 2017. – С. 15–20.
7. *Новиков, Л. А.* Избранные труды. / Л. А. Новиков ; отв. ред. В. В. Иванов. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – Т. I.: Проблемы языкового значения. – 672 с.
8. *Бутакова, Л. О.* Лингвистическая экспертиза текста в пространстве лингвистического анализа речевых произведений, или что должен знать лингвист, чтобы быть хорошим экспертом / Л. О. Бутакова // Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 251–269.
9. *Мокиенко, В. М.* Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2004. – 448 с.
10. *Осадчий, М. А.* Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 316 с.

11. *Голев, Н. Д.* Юрислингвистика и прагматика : о двух стратегиях обвинения в словесной инвективе и защиты от него / Н. Д. Голев // Языковая концепция регионального существования человека и этноса : тез. докл. к региональной науч.-практ. конф. памяти профессора И. А. Воробьевой (70 лет со дня рождения) / под ред. В. А. Чесноковой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 146–148.

12. *Маслова, В. А.* Основы современной лингвистики : курс лекций : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. – 221 с.

The article presents a critical look at the development of forensic linguistic expertology in Belarus. It describes the disadvantages of the methodological approaches used and proposes ways of leveling the problems of results verification of the expert assessment of the text in the procedural and judicial activity. A range of legal-linguistic research issues relevant to modern law enforcement practice is outlined.

Поступила в редакцию 20.04.2020

В. А. Мусіенка

ДРУГАСНЫЯ КАЛАРАТЫЎНЫЯ НАМІНАЦЫІ (на матэрыяле ад’ектываў беларускай і англійскай моў)

У артыкуле даследуюцца другасныя каларатыўныя намінацыі ў беларускай і англійскай мовах. Разглядаюцца семантычныя мадэлі (прамыя і адваротныя), у рэцыпіентнай сферы якіх указваюцца храматычныя ці ахраматычныя колеры, а ў зыходнай сферы – квалітатыўныя характарыстыкі, звязаныя з найменнямі камянёў, мінералаў, жывёл, птушак, раслін. Вызначаюцца агульныя для дзвюх моў і спецыфічныя для кожнай з іх асаблівасці каларатыўных намінацый.

Каларатыўныя намінацыі з’яўляюцца найбольш структураванымі, лёгка выдзяляюцца з агульнага лексічнага складу і ўтвараюць іерархічную сістэму. Колер як сімвал выкарыстоўваўся на ранніх стадыях развіцця грамадства і змяшчаў дадатковыя звесткі аб прадметах, з’явах, падзеях і інш. Стаўленне чалавека да колеру залежыла ад грамадскай фармацыі і ад светапоглядных устаноў сацыяльнаму. Таму сімвалічнае значэнне асобнага колеру і пэўных колеразлучэнняў мае старажытнае паходжанне, агульнае для многіх культур і эпох. Колеравая сімволіка прысутнічае і ў паўсядзённым жыцці на ўзроўні міжасобасных зносін. Сімволіка колераў распаўсюджана ў нацыянальных сцяхах, у геральдыцы, у адзенні [1, с. 59]. Колер з’яўляецца інфармацыйнай і эмацыйна значнай характарыстыкай жыццёвай прасторы чалавека, значным этнасацыякультуралагічным элементам моўнай карціны свету, найбольш сутнасным праяўленнем узаемаадносін чалавека са знешнім асяроддзем, элементам культуры розных часоў і народаў [2, с. 158].

Мэта даследавання – выявіць агульныя (тыпалагічныя) і спецыфічныя рысы ў сэнсавых структурах каларатыўных ад’ектываў беларускай і англійскай моў.

скай моў. У такіх намінацыях акумулюецца многавяковы вопыт жыцця чалавека і ўласцівая яму кагнітыўная здольнасць зрокавага ўспрымання рэчаіснасці [3, с. 16].

Вывучэнне колеравых абазначэнняў і іх суаднесенасці з вопытам носьбітаў мовы займае адно з вядучых месцаў у сучаснай лінгвістычнай навуцы. Каларатыўная лексіка, яе колькасны і якасны склад, розныя класіфікацыі, частотнасць ужывання, асаблівасці функцыянавання ў розных дыскурсах і мовах станавіліся аб'ектам шматлікіх навуковых даследаванняў. У сучасным мовазнаўстве, як адзначае В. Г. Кульпіна, сфарміраваўся навукова-лінгвістычны накірунак – «лінгвістыка колеру» (або, на думку Ю. М. Бабіча, лексічная каларыстыка) з усімі неабходнымі атрыбутамі: аб'ектам і прадметам даследавання, паняццйна-тэрміналагічным апаратам, сукупнасцю метадаў і г. д. [2, с. 8, 22]. У беларускім мовазнаўстве колеравыя і светлавая абазначэнні даследаваліся ў манаграфіі Ю. М. Бабіча (на матэрыяле твораў Якуба Коласа), а таксама ў асобных артыкулах і вучэбна-метадычных дапаможніках [4; 5]. Параўнальна-супастаўляльнае даследаванне другасных ЛСВ беларускіх і англійскіх каларатываў праводзіцца ўпершыню.

Матэрыялам для даследавання паслужылі ад'ектыўныя полісемантычныя адзінкі з Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы, а таксама Oxford English Dictionary і Беларускага N-корпуса і Корпуса англійскай мовы. Выяўлена звыш 100 лексічных адзінак, у якіх адлюстроўваецца той ці іншы колеравы спектр. Сярод гэтых адзінак колеравымі лічацца першасныя ЛСВ прыметнікаў, якія выражаюць усе храматычныя і ахраматычныя значэнні (*чырвоны, аранжавы, белы, чорны* і інш.). Безумоўна, такая колькасць абмежаваная і не выяўляе ўсіх існуючых у аб'ектыўнай рэальнасці колераў і іх адценняў. Таму на дапамогу прыходзяць лексічныя адзінкі іншых тэматычных груп, у сэнсавых структурах якіх назіраюцца колеравыя ЛСВ. Гэта даволі вялікая група, што перавышае ў колькасным складзе найменні рэальных, агульнавядомых, распаўсюджаных колераў. Каларатыўны кантынум папоўнілі другасныя ЛСВ вытворных прыметнікаў, утвораных па інварыянтнай мадэлі, у рэцыпіентнай сферы якой фіксуецца колеравы ЛСВ. У працэс метафарызацыі ўключаюцца прыметнікі, утвораныя ад назоўнікаў наступных тэматычных груп:

а) каштоўныя камяні, металы і мінералы (*аквамарынавы – aquamarine-coloured, аспідны – slate-cloured, бірузовы – turquoise-coloured, бронзавы – bronzy, малахітавы – malachite, апалавы – opalescent, рубінавы – ruby-coloured, сапфіравы – sapphirine, янтарны – amber-coloured*);

б) фітонімы (*вішнёвы – cherry-coloured, лімонны – lemon-coloured, малінавы – raspberry-red, каштанавы – chestnut-coloured, фісташкавы – pistachio-green, аліўкавы – olive-coloured, шафранавы – saffron-yellow, маркоўны – carrot-cloured, бурачны – beet-coloured, рабінавы – vermeil, салатны – lettuce-green, бэзавы – lilac-coloured*);

в) кулінарныя вырабы, стравы, напоі (*крэмавы – cream-coloured, кафейны – coffee-coloured, шакаладны – chocolate-brown, яечны – yellow*);

г) фарбавальныя рэчывы, фарбавальнікі і гліняныя вырабы (*індыгавы – indigo, пурпуровы – purple, тэракотавы – terra-cota, румяны – rosy-coloured, цагляны – brick-red, саламяны – straw-coloured, пясочны – sand-coloured*);

д) жывёлы (у тым ліку грызуны) і птушкі (*тыгравы – tigrine, канарэчны – canary-yellow, мышыны – mousy*).

З усіх назваў толькі ў 19 лексічных адзінак (9 у беларус. і 10 у англ. мове) развіліся другасныя значэнні, а астатнія засталіся ў межах колеравых спектраў і не выявілі другасных ЛСВ. Не развіліся другасныя ЛСВ ва ўзуальных прыметніках *пунсовы* (англ. *scarlet*), *багровы* (англ. *purple*), *бежавы* (англ. *beige*), *блакітны* (англ. *blue*), *карычневы* (англ. *brown*), *палевы* (англ. *straw-coloured*), *сіні* (англ. *indigo*), *смуглы* (англ. *swarthy*), *фіялетавы* (англ. *violet*).

Параўнанне спектральных колераў радугі ў беларускай і англійскай мовах дазволіла прыйсці да наступных высноў. У беларус. *чырвоны*, англ. *red* актуалізуюцца агульныя для дзвюх моў семы ‘звязаны з рэвалюцыйнай дзейнасцю, рэвалюцыйны; звязаны з савецкай дзяржавай, сацыялістычным ладам’ (*чырвоны Піцэр*); ‘having very left-wing political opinions’ ‘які мае палітычныя меркаванні левага крыла’ (*People are accusing each other of being “Red spies”*. – *Людзі вінавацяць адзін аднаго ў тым, што яны «чырвоныя шпіёны»*). Толькі ў беларускай мове выяўлены ЛСВ ‘новы, прыгожы, цудоўны’ (*чырвоная вясна*); ‘яркі, ясны, светлы’ (*чырвоная раница*); ‘пачэсны, парадны’ (*чырвоны стол*). Спецыфічным для англійскай мовы з’яўляецца значэнне ‘(of an area in the US) having more people who vote for the Republican candidate than the Democratic one’ ‘які звязаны з вялікай колькасцю людзей, якія галасуюць за кандыдата ад рэспубліканцаў, а не ад дэмакратаў (пра вобласць у ЗША)’: *red states/counties* – *чырвоныя штаты, акругі*.

Для англійскай мовы спецыфічным выступае прыметнік *orange* ‘аранжавы’, які мае другаснае значэнне ‘orange related to or belonging to a Protestant political group which believes that Northern Ireland should remain part of the UK’ ‘звязаны з прыналежнасцю да пратэстанцкай палітычнай групы, якая лічыць, што Паўночная Ірландыя павінна заставацца часткай Вялікабрытаніі’ (*an Orange march* – *аранжавы марш*). У беларускай мове для ад’ектыва *аранжавы* другаснае значэнне не характэрна.

Не менш спецыфічным для англійскай мовы з’яўляецца прыметнік *yellow* ‘жоўты’, які мае другаснае значэнне ‘easily frightened and not brave’ ‘неадважны, каго лёгка спалохаць’ (*yellow attack* – *жоўтая атака, yellow failure* – *жоўты правал*): *This was a particularly brutal and yellow attack*. – *Гэта была асабліва брутальная і жоўтая атака.*; *They are guilty of a yellow failure to address the problem*. – *Яны вінаватыя за жоўты правал у невырашэнні гэтай праблемы*. У беларускай мове прыметнік *жоўты* ўжываецца ў другасным ЛСВ ‘згодніцкі, рэфармісцкі; прадажны, здрадніцкі’ (*жоўтая буржуазная прэса*).

У сэнсавай структуры беларус. *зялёны* актуалізуецца тэмпаральны маркер, звязаны з узростам чалавека (звычайна юным, маладым): ‘вельмі юны, нясталы, нявопытны з прычыны маладосці’ (*зялёны начальнік, зялёны гімназіст*). Прыметнік *зялёны* ў якасці субстантыванага назоўніка ў беларускай мове ўжываецца як ‘назва асобных атрадаў нерэгулярных войск, якія ў час вайны хаваюцца ў лясах і рабуюць насельніцтва’ (*Нам – ні белых, ні зялёных, Мы з душою за чырвоных*). У структуры англ. *green* фіксуецца агульнавядомы другасны ЛСВ з пэўнай канатацыяй, які засведчаны ў многіх мовах свету ‘concerned with the protection of the environment; supporting the protection of the environment as a political principle’ ‘які займаецца аховай навакольнага асяроддзя; які падтрымлівае ахову навакольнага асяроддзя’ (*green politics* – *зялёная палітыка, a green lifestyle* – *зялёны лад жыцця, The Green Party* – *Партыя зялёных*).

Толькі ў англійскай мове ўтварылі другасныя ЛСВ да *блакітны*, англ. *blue* ‘sad or depressed’ ‘сумны або ў дэпрэсіі’ (*He’d been feeling blue all week. – Ён адчуваў сябе блакітным увесь тыдзень*); ‘films/movies, jokes or stories that are blue are about sex’ ‘фільмы, жарты або гісторыі, блакітныя – гэта фільмы пра секс’ (*a blue movie* – *блакітны фільм*); ‘(of an area in the US) having more people who vote for the Democratic candidate than the Republican one’ ‘які мае больш людзей, хто галасуе за кандыдата ад Дэмакратычнай партыі чым за кандыдата ад Рэспубліканскай партыі (пра вобласці ў ЗША)’ (*blue states/counties* – *блакітныя штаты, акругі*). Апошнія два спектры радугі (беларус. *сіні*, англ. *indigo* і беларус. *фіялетава*, англ. *violet*) не ўтварылі другасных ЛСВ. Таксама вядома, што ў англійскай мове словы *блакітны* і *сіні* перакладаюцца практычна адным словам *blue*.

У беларускай і англійскай мовах ахраматычныя колеры *белы* – *white*, *шэры* – *gray*, *чорны* – *black*, як і храматычныя, таксама развіваюць другасныя ЛСВ. У прыметніка *белы* ў беларускай мове ўтварыўся другасны ЛСВ ‘контрэвалюцыйны, варожы савецкай уладзе’ (*белая армія, белая гвардыя, белы тэрор, белая банда, белыя генералы*), дзе выражаецца пеяраятываная канатацыя.

Цалкам супадаюць другасныя намінацыі прыметнікаў *шэры*, англ. *grey* ‘бясколерны, бледны зместам, які не ўражвае’ (*шэрыя творы, шэры верш, шэрыя замалёўкі*), ‘аднастайны, будзённы, не напоўнены яркімі падзеямі’, ‘змрочны, нярадасны’ (*шэрыя дні*); ‘without interest or variety; making you feel sad’ ‘які без цікавасці і разнастайнасці; які прымушае адчуваць сябе сумна’ (*Life seems grey and pointless without him. – Жыццё здаецца шэрым і бессэнсоўным без яго*); ‘непрыкметны знешне і ўнутрана, нецікавы’ (*шэрыя жанчыны, шэрая асоба*); ‘not interesting or attractive’ ‘які нецікавы, непрывабны’ (*The company was full of faceless grey men who looked the same. – Кампанія была поўная безаблічных шэрых мужчын, якія выглядалі аднолькава*).

У рэцыпіентнай зоне прыметнікаў *чорны*, англ. *black* актуалізуецца агульныя для дзвюх моў негатыўныя семы ‘дрэнны, адмоўны, які не выклікае

адабрэння’ (чорныя словы); ‘нізкі, каварны, подлы’ (чорнае злачынства, чорны прайдзісвет); ‘evil or immoral’ ‘зламысны або амаральны’ (**black deeds/lies** – чорныя справы, чорная хлусня), а таксама ‘цяжкі, змрочны, беспрасветны (пра час, перыяд, звязаны з горам, няшчасцем)’ (чорныя думы, чорны час); ‘without hope; very depressing’ ‘без надзеі; вельмі дэпрэсіўны’ (*The future looks pretty black.* – Будучыня выглядае даволі чорнай.; *It’s been another black day for the north-east with the announcement of further job losses.* – Гэта быў чарговы чорны дзень для паўночнага ўсходу з абвешчэннем далейшай страты працы). Не маюць адпаведнікаў у англійскай мове ЛСВ ‘крайне рэакцыйны, контррэвалюцыйны’ (чорная сіла); ‘які ў дарэвалюцыйныя часы адносіўся да ніжэйшых слаёў грамадства, да простага народа’ (чорная галота); ‘які адносіцца да гісторыі, цяглавы, дзяржаўны’ (Чорныя землі. Чорныя двары); ‘чарадзейны, звязаны з нячыстай сілай’ (чарадзейныя чорныя кнігі). Не маюць адпаведнікаў у беларускай мове ЛСВ ‘full of anger or hatred’ ‘поўны гневу ці нянавісці’ (*She’s been in a really black mood all day.* – Увесь дзень яна была ў вельмі чорным настроі.; *Rory shot her a black look.* – Роры кінула на яе чорны погляд); ‘dealing with unpleasant or terrible things, such as murder, in a humorous way’ ‘які мае справу з непрыемнымі ці страшнымі рэчамі, напрыклад, забойствам, з гумарам’ (“*Good place to bury the bodies*”, he joked with **black humour.** – “Добрае месца для пахавання целаў”, – пажартаваў ён з чорным гумарам.; *The play is a black comedy.* – Гэты спектакль – чорная камедыя).

Другасныя ЛСВ выяўлены ў іншых храматычных колерах (пурпуровы, англ. *purple* і *ружовы*, англ. *pink*). Толькі ў англійскай мове выкарыстоўваецца другасны ЛСВ ‘writing or a piece of writing that is too grand in style’ ‘які занадта грандыёзны па стылі (пра пісьмо або кавалак пісьма)’ (**purple prose/passage** – пурпуровая проза, пурпуровы урывак). Толькі ў беларускай мове ўжываецца ЛСВ ‘нічым не азмрочаны, радасны, светлы’ (ружовыя мары, ружовыя надзеі). Для англійскай мовы характэрны такія метанімічныя ЛСВ, як ‘connected with homosexual people’ ‘які звязаны з гомасексуальнымі людзьмі’ (*the pink pound* = money spent by homosexuals as an influence in the economy – ружовы фунт = грошы, выдаткаваныя гомасексуалістамі як уплыў у эканоміцы); ‘having or showing slightly left-wing political views’ ‘які мае левыя палітычныя погляды’ (*pale pink policies* – бесхрыбетная ружовая палітыка).

Семантычныя кампаненты прыметнікаў румяны, англ. *rosy* знаходзяць агульныя рысы ў тым, што рэцыпіентам аднолькава ўяўляецца ярка-чырвоны, прыемны на від колер. Гэтыя словы выкарысталі свой семантычны патэнцыял і ўтварылі другасныя ЛСВ ‘з чырвоным бокам (пра яблыкі, грушы і пад.)’ (румяныя яблыкі); ‘likely to be good or successful’ ‘які, верагодна, будзе добрым або паспяховым’ (*The future is looking very rosy for our company.* – Будучыня выглядае вельмі румянай для нашай кампаніі.; *She painted a rosy picture of their life together in Italy.* – Яна абмалявала румяную карціну іх сумеснага жыцця ў Італіі).

Традыцыя выкарыстання колеравых значэнняў для характарыстыкі тых ці іншых палітычных і партыйных рухаў актыўна працягваецца ў сучасных палітычных дыскурсах, што абумоўлена хуткім ростам новых партый і рухаў, якія патрабуюць не толькі свайго сімвалічнага выражэння, але і апэратыўнай ацэнкі іх дзеянняў: КПРФ – чырвоны, «Адзіная Расія» – бела-чырвона-блакітны, «Яблык» – бела-зялёны, «Наша Украіна» – аранжавы, «Радзіма» – лімонны. У якасці назваў бяскроўных рэвалюцый, што адбыліся ў пачатку XXI стагоддзя, шырока ўжываліся каларатыўныя спалучэнні *аранжавая рэвалюцыя* ва Украіне, *ружовая рэвалюцыя* ў Грузіі, *цюльпанавая рэвалюцыя* ў Кіргізіі. У радзе іншых колеравых рэвалюцый можна ўспомніць *аксамітавую рэвалюцыю* ў Чэхаславакіі [6, с. 95–98].

Колеравыя сімвалы і колераазначэнні шырока распаўсюджаны ў моладзевай субкультуры, дзе, напрыклад, прыметнікі *блакітны* і *ружовы* выкарыстоўваюцца для выражэння сексуальнай арыентацыі чалавека. Для культуры готаў чорны колер – сімвал ночы, смерці і смутку. Для панкаў папулярнымі колерамі з'яўляюцца – чырвоны, зялёны і сіні, якія ўзыходзяць да зялёнай кельцкай сімволікі і фарбаў англійскага сцяга.

Такім чынам, каларатыўныя ад'ектывы з'яўляюцца найбольш старажытнымі лексічнымі адзінкамі, займаюць важнае месца ў беларускай і англійскай мовах і ў пэўнай ступені служаць сведчаннем менталітэту народа, яго духоўнай і матэрыяльнай культуры, гісторыі, а таксама выяўляюць спецыфіку моўнай карціны свету. Групу каларатыўных намінацый утвараюць звыш ста ад'ектываў, сярод якіх каля 20 % выкарыстоўваюцца ў сваіх першасных значэннях. Для выражэння практычна неабсяжнага колеравага спектра таксама ўжываюцца другасныя ЛСВ адносных прыметнікаў, утвораных ад назоўнікаў са значэннямі каштоўных камянёў, мінералаў, раслін, жывёл, птушак, кулінарных вырабаў і інш.

Сэнсавыя структуры беларускіх і англійскіх прыметнікаў могуць быць амаль тоеснымі, эквівалентнымі (*green politics* – зялёная палітыка, *a green lifestyle* – зялёны лад жыцця, *The Green Party* – Партыя зялёных, *grey life* – шэрае жыццё, *black deeds/lies* – чорныя справы, чорная хлусня, *black humour* – чорны гумар) па прычыне таго, што яны выражаюць універсальныя, агульныя якасці і ўласцівасці, якія ўзыходзяць да хрысціянскіх народна-міфалагічных поглядаў і ўяўленняў. У многіх словах назіраецца дыферэнцыяцыя другасных ЛСВ (*чырвоны Піцэр*, *red states/counties* – чырвоныя штаты, акругі; *ружовыя мары*, *ружовыя надзеі*, *the pink pound* – ружовыя грошы; *румяныя яблыкі*, *rosy picture* – румяная карціна, *rosy future* – румяная будучыня). Дыферэнцыяцыя назіраецца ў колькасным складзе ЛСВ, канататыўнай суаднесенасці, наяўнасці або адсутнасці станоўчай або адмоўнай канатацыі. У другасных ЛСВ ярка выражаецца антанімічная канатацыя: звычайна белы колер асацыіруецца з чысцінёй, унутраным спакоем, дасканаласцю, а чорны – з негатыўнымі з'явамі, перажываннямі, неспакоем, смуткам, журбай і горам.

ЛІТАРАТУРА

1. Рац, А. П. Основы цветоведения и колористики. Цвет в живописи, архитектуре и дизайне: курс лекций / А. П. Рац ; М-во образования и науки Рос. Федерации; Моск. гос. строит. ун-т. – М. : МГСУ, 2014, – 128 с.
2. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М. : Моск. лицей : Рус. филол. вестн., 2001. – 470 с.
3. Пастушенко, Т. В. Цветовая номинация как элемент вторичной языковой картины мира (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. В. Пастушенко ; Киев. гос. лингвист. ун-т. – Киев, 1998. – 16 с.
4. Бабіч, Ю. М. Колеравая і светлавая эстэтыка ў мове твораў Якуба Коласа / Ю. М. Бабіч ; Віцеб. дзярж. ун-т імя П. М. Машэрава. – Віцебск, 2002. – 127 с.
5. Акуленка, А. А. Назвы колераў у беларускай літаратурнай мове : вучэб.-метад. дапам. / А. А. Акуленка, Г. Ф. Вештарт ; Ін-т падрыхтоўкі навук. кадраў Нац. акад. навук Беларусі, каф. беларус. мовы. – Мінск, 2003. – 34 с.
6. Маркова, Э. В. Какого цвета бывают революции? / Э. В. Маркова // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2006. – № 5. – С. 95–98.

The article deals with secondary colour nominations in the Belarusian and English languages. It characterizes the semantic models (direct and inverse), in the recipient sphere of which chromatic or achromatic colours are indicated, and in the initial sphere – qualitative characteristics. Common features of colour nominations for both languages and specific ones for each language are determined.

Поступила в редакцию 25.05.2020

Ю. В. Романчук

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЭНАНТИОСЕМИИ (на материале белорусского и английского языков)

В статье предпринята попытка теоретического обоснования сущностных особенностей энантиосемии, представлен обзор имеющихся подходов к определению этого понятия и его роли в языке, а также предложена его дефиниция. Выделены первичные и вторичные категориальные признаки энантиосемии, позволяющие считать ее самостоятельной лексико-семантической и лингвопрагматической категорией.

В лингвистической науке термин *энантиосемия* появился в конце XIX в. благодаря практически одновременной публикации работ русского филолога, профессора В. И. Шерцля (1883) и немецкого исследователя К. Абеля (1884). Однако упоминания о наличии в языке слов не только с различными, но и с противоположными значениями встречаются также в работах П. Абеляра, Р. Раска, Ф. Гегеля и др.

В дальнейшем проблема энантиосемии в языках привлекала внимание многих зарубежных (Т. Балкански, Б. Брайсон, Б. Караман, А. Клегр,

П. Лютзайер, В. Майд, Р. Майер, Т. Макартур, Э. МакМахон, Т. Нольдеке, Е. Пернишка, Р. Хогенраад и др.) и российских (Э. А. Балалыкина, Л. Е. Бессонова, М. Ю. Бродский, Б. Т. Ганеев, Я. И. Гельблу, И. Н. Горелов, Е. Х. Жаркова, Л. И. Климова, В. Ю. Кравцова, Н. Б. Лаврентьева, Е. А. Литвинова, Л. Р. Махмутова, В. Ю. Меликян, Г. Н. Острикова, В. Н. Прохорова, Н. К. Салихова, О. И. Смирнова, В. Н. Цоллер, Г. В. Яцковская и др.) лингвистов. В белорусском языкознании отдельные аспекты энантиосемии исследуются в работах Н. Ю. Павловской, Н. А. Погребной, Т. Е. Старастенко, Д. И. Тупика.

О противоречивости и неоднозначности категории энантиосемии свидетельствует отсутствие единой дефиниции, поскольку различные авторы оперируют разными номинациями для обозначения рассматриваемого явления, а именно: противосмысл (К. Абель, М. Ю. Бродский, П. Лютзайер, В. Майд, Р. Майер, Т. Нольдеке); антифразис/антифраза (О. С. Ахманова, Б. Т. Ганеев, Ш. Балли); внутренняя/внутрисловная/внутрилексемная антонимия (Л. Е. Бессонова, Я. И. Гельблу, Ф. З. Дулаева, Л. И. Климова, Т. В. Матвеева, Л. А. Новиков, Т. Г. Пономаренко, И. В. Садчикова, О. М. Соколов, Т. Е. Старастенко); омоантонимия/омонимичная антонимия/скрещение омонимии и антонимии (М. Ю. Бродский, В. В. Виноградов, И. Н. Горелов, Л. А. Новиков, И. В. Садчикова, С. Усмонов); своеобразный вид полисемии (Р. А. Будагов, Ю. Г. Скиба); антонимическая омонимия (Ю. Г. Скиба); антонимосемия (О. М. Соколов); антисемия (Е. Пернишка); автоантонимия (А. Клегр); контронимия (Б. Караман, П. Лютзайер, Р. Хогенраад); особый тип конверсии (О. М. Соколов); внутрисловная поляризация (Е. Х. Жаркова); разновидность эвфемизмов (М. М. Маковский); Janus word (Т. Макартур). Кроме того, в ряде работ встречаются и такие названия, как оппоним, энантиодромия, антагоним, (Б. Т. Ганеев, Н. Н. Ефимова, Б. Караман, А. Клегр, С. В. Огнева), энантиосемизм (Э. Космеда).

В нашей работе для наименования энантиосемичных единиц используется термин *энантионим*, который, на наш взгляд, наиболее полно отражает суть рассматриваемого явления (от греч. *en* 'в', *antios* 'противоположный', *онута* 'имя').

В лингвистической науке представлены различные подходы к определению понятия *энантиосемия* и ее статуса в языке. Согласно В. И. Шерцлю, энантиосемия – это «явление, где одно и то же слово вмещает в себя два прямо противоположных друг другу значения» [1, с. 1]. Ученый подчеркивал, что противоположность значений в рамках одного звукового комплекса характерна для начальных этапов развития языка и свидетельствует о его примитивности. Но при этом В. И. Шерцль признавал статус энантиосемии как одного из «замечательнейших и поразительнейших явлений в области семиотики» [1, с. 1]. Л. А. Новиков считает энантиосемию «недостатком языка», который в современных литературных языках должен исчезнуть

[2, с. 192]. Немецкий лингвист В. Майд называет энантиосемию «непостижимым, непонятым» явлением и полагает невозможным тот факт, что один и тот же лингвистический знак может обозначать противоречивые идеи [3].

Противники подобной трактовки энантиосемии (Е. И. Ривелис, И. Н. Горелов, М. Ю. Бродский, А. Д. Шмелев, К. В. Фёдорова, Л. В. Малаховский, Е. А. Литвинова, Н. И. Муродова, Т. Г. Пономаренко, Е. А. Косых и др.) настаивают, что в современных развитых языках данное явление встречается довольно часто и несет в себе исключительно прогрессивную тенденцию. Например, согласно А. Д. Шмелеву, энантиосемию «неправильно считать редким и непродуктивным явлением» [4], поскольку она носит регулярный характер и основана на общих принципах познавательной способности человека и общения в целом. Более того, еще Г. В. Ф. Гегель, описывая немецкий язык как развитый и обладающий значительными преимуществами перед другими языками, ссылается на энантиосемию как на явление, которое только повышает ранг языка и «доставляет радость мышлению», когда оно обнаруживает, что соединение противоположностей выражено лексически в одном слове [5, с. 82–83]. Профессор бельгийского университета Р. Хогенраад считает энантиосемию такой парадоксальной особенностью языка, без которой было бы трудно обойтись [6].

В пользу энантиосемии как достоинства языка свидетельствует и тот факт, что она способствует реализации принципа языковой экономии, который является господствующим на отдельных уровнях структуры языка [7]. Экономия в языке сводится к использованию минимального количества средств для выражения мысли, а в случае с энантиосемией даже противоположные мысли формально репрезентируются одинаково или практически одинаково. Например, предложение *The play was the bomb!* следует понимать как 'Пьеса имела успех'. Однако мысль о провальной постановке благодаря энантиосемичности лексемы *bomb* будет выражена почти идентично: *The play was a bomb!* [8].

Более того, В. К. Гак причисляет энантиосемию к языковым законам, или языковым универсалиям, поскольку, по словам лингвиста, это один из семантических процессов, встречающихся во всех языках, в которых имеет место изменение значений слов как отражение особенностей человеческого мышления [9, с. 454]. Энантиосемия как универсальная семантическая закономерность рассматривается также в исследованиях Э. А. Балалыкиной, Б. Карамана, Ю. Г. Скибы, С. Ульмана.

В Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой языковой закон в рамках семантики определяется как общая закономерность семантического изменения значения, выводимая из сходных изменений значений слов в одном или разных языках [10, с. 146]. Проведенный анализ литературы по теме исследования позволяет сделать вывод о наличии энантиосемии во всех индоевропейских языках, в японском языке, в ряде семито-хамитских, финно-угорских и тюркских языков. Этот факт однозначно оспаривает возможность рассмотрения энантиосемии как признака примитивности или упадка языка и делает обоснованным ее причисление к универсальным языковым законам.

Об устойчивости и жизнеспособности явления энантиосемии, которое возникает на всех уровнях языка, в настоящее время свидетельствуют посвященные его исследованию диссертационные работы на материале английского, французского, немецкого, украинского, русского и других языков (Л. Е. Бессонова, М. Ю. Бродский, Е. Х. Жаркова, В. Ю. Кравцова, Л. Р. Махмутова, В. Ю. Меликян, Г. Н. Острикова, Т. А. Федоренко, Г. В. Яцковская).

Важной особенностью всех энантионимов является наличие одного плана выражения и нескольких планов содержания. Так, белорусская лексема *дабро* может употребляться в значениях 'все полезное, нужное' и 'что-то непригодное, ненужное' [11]. И, соответственно, словосочетание *маё дабро* 'мое добро' может передавать мысль как о чем-то ценном и нужном, так и о чем-то совершенно бесполезном и ненужном. Получается, что один и тот же план выражения *дабро* репрезентирует полярные семы 'ценность – отсутствие ценности'. Английское прилагательное *fat* в словосочетаниях *a fat cheque* 'чек на кругленькую сумму', *fat profits* 'крупная прибыль' имеет значение 'big' ('большой'), а в словосочетании *a fat chance* 'вряд ли, маловероятно' данное прилагательное приобретает диаметрально противоположное значение – 'little' ('маленький') [8]. Как следует из примера, два антонимичных значения 'big' – 'little' имеют общий план выражения *fat*.

Более того, в ряде случаев одна и та же энантиосемичная лексема может заключать в себе две пары антонимичных значений, как например, лексемы (белорус.) *пакінуць* (1. 'оставить, сбересть' – 'отдать, дать в пользование'; 2. 'остаться' – 'уйти') [11] и (англ.) *pretty* (1. 'в некоторой степени' – 'в значительной степени'; 2. 'приятный, милостивый' – 'неприятный, немилостивый') [8]. В представленных примерах речь идет о наличии одного плана выражения и четырех планов содержания. Две пары значений имеют также белорусские энантионимы *адхадзіць, адходжваць, апасці, зняць, скруціць, стаць* [11] и английские энантионимы *airy, nice, take, some, with, well, yes* [8].

Таким образом, наличие одного плана выражения и нескольких планов содержания, связанных между собой отношениями противоположности, стоит рассматривать в качестве одного из категориальных признаков энантиосемии, на который делается акцент в исследованиях Ю. Д. Апресяна, Л. Е. Бессоновой, В. Ю. Меликян, К. В. Фёдоровой.

Важной особенностью всех энантионимов выступает наличие в структуре их значения дифференциальных и интегральных компонентов. Дифференциальные компоненты обеспечивают полярное расхождение значений энантионимов, в то время как интегральные репрезентируют наличие между противоположными значениями связи и обеспечивают их тождество.

Значения лексемы (белорус.) *дэман* 'добрый дух, который оказывает влияние на жизнь человека' – 'злой дух, который оказывает влияние на жизнь человека' [11] различаются по компоненту 'добрый – злой', т.е. по семам положительной и отрицательной оценки. Компоненты 'дух', 'оказы-

вает влияние на жизнь человека' являются общими для значений рассматриваемого энантионима. Значения глагола (белорус.) *пазганяць* 'согнать, прогнать откуда-то всех, многих' – 'согнать, заставить собраться в одном месте всех, многих' [11] противопоставлены по семам 'удаление – приближение' и тождественны по компонентам 'согнать', 'все', 'многие'. Глагол (англ.) *barrack* 'shout criticism at players in a game, speakers at a meeting, performers, etc.'/'болеть за свою команду; поддерживать, ободрять' – 'shout encouragement to a person or team that you support'/'освистывать' [8] включает полярные компоненты 'criticism'/'критика' – 'encouragement'/'одобрение', репрезентирующие семы положительной и отрицательной оценки, и имеет обобщающий компонент значения 'shout'/'выкрикивать'.

Энантиосемичные лексические единицы обладают симметрично-асимметричным характером значения. Симметричная энантиосемия предполагает диаметрально противоположность по категориальным семам и встречается реже по сравнению с асимметричной энантиосемией. В белорусском языке случаи энантиосемии с симметричным объемом значений единичны. Примерами могут послужить энантионимы *дамавік* 'добрый дух, который живет в доме' – 'злой дух, который живет в доме', *дэман* 'добрый дух, который оказывает влияние на жизнь человека' – 'злой дух, который оказывает влияние на жизнь человека', *змога* 'сила' – 'бессилье', *пазыка* 'получение денег в долг' – 'выдача денег в долг', *пазычыць* 'дать в долг' – 'взять в долг' [11] и под.

В английском языке симметричная энантиосемия встречается чаще и основывается, главным образом, на противоположности конверсивного и векторного типов и преимущественно является глагольной. Симметричная конверсивная энантиосемия представлена глаголами типа *audition* 'пробовать на роль' – 'пробовать на роль', *exempt* 'давать льготу' – 'получать льготу', *jar* 'ударить' – 'получить удар', *option* 'покупать опцион' – 'продавать опцион', *rent* 'брать внаем' – 'сдавать внаем', *score* 'набирать очки' – 'начислять очки', *tail* 'снабжать хвостом' – 'отрезать хвост' и др. Симметричная векторная энантиосемия менее распространена и встречается в глаголах типа *draw* 'поднимать' – 'опускать', *proportionate* 'увеличиваться' – 'уменьшаться', *slip* 'быстро одеваться' – 'быстро раздеваться', *enjoin* 'предписывать' – 'запрещать' [8] и др. Симметричная противоположность значений встречается также у существительных и прилагательных английского языка: *bit* 'мало' – 'много', *bribery* 'дача взятки' – 'принятие взятки', *nice* 'приятный' – 'неприятный' [8] и под.

Значения внутри энантиосемичного слова могут быть не противоположными, а противопоставленными. В этом случае главное и периферийное значения асимметричны ввиду их семантической неравнозначности, а поляризация осуществляется не по ядерным, а по вторичным семам.

Глагол (белорус.) *даважыць* имеет значения 'закончить взвешивать' и 'взвешивая, добавить некоторое количество' [11]. Семантическое противопоставление по компонентам значения 'заканчивать – продолжать действие' не является диаметрально противоположным. Но если бы главное и периферийное значения были диаметрально противоположными, то это означало бы, что глагол имеет два противоположных значения, что невозможно.

ферийное значения были симметричны, то их противоположность была бы выражена компонентами ‘заканчивать – начинать действие’. Прилагательное (белорус.) *белы* совмещает в своей структуре значения ‘ясный, светлый’ и ‘враждебный, контрреволюционный’ [11], посредством которых могут быть противопоставлены положительный (*белы дзень* ‘ясный, солнечный день’), и отрицательный (*белая армія* ‘вражеская армия’, *белая гарачка* ‘белая горячка, психическое расстройство’) признаки, но отсутствует абсолютная противоположность значений по ядерным семам. В семантической структуре прилагательного (англ.) *adventurous* присутствуют значения ‘безрассудно смелый, отважный’ и ‘опасный, рискованный’ [8]. Словосочетание *an adventurous trip* может трактоваться и как ‘смелое путешествие’, и как ‘опасное путешествие’. Компоненты ‘смелый – опасный’ противопоставлены по полюсу значения, но они асимметричны, так как не являются полностью противоположными. Диаметральная противоположность здесь имела бы место в случае выраженности компонентами ‘смелый – трусливый’ или ‘опасный – безопасный’. Аналогичными примерами асимметричных энантионимов выступают лексемы (белорус.) *дагрузіць, казытаць, адчаяцца, аслухацца, звергнуць, вырабіць, вольнасць, адчайны, глыбокі, жаласлівы, дзержкі, недзе* [11]; (англ.) *aggressive, allegiance, berserk, clever, charming, soft, abandon, want, visit, riot, buddy* [8] и др.

Представленный материал дает нам основание считать асимметричность главного и периферийного значений одним из признаков целого ряда энантиосемичных единиц. По мнению некоторых исследователей, такая неравнозначность в характере семантических противопоставлений составляет основу энантиосемичных отношений [12].

Энантионимы могут иметь разную стилистическую маркированность, которая также предполагает асимметричность полярных значений внутри слова. Например, глагол (белорус.) *заячыць* ‘вылечить, заживить’ в разговорной речи приобретает значение ‘измучить неумелым лечением’ [11]; прилагательное (англ.) *sick* ‘физически или умственно нездоровый’ в сленговом употреблении приобретает значение ‘хороший, приятный’ [8]. К энантионимам с разной стилистической маркированностью также относятся лексемы (белорус.) *адцерці* ‘растирая, вернуть чувствительность’ – (разг.) ‘навредить’, *аблажыць* ‘украсить, облицевать’ – (разг.) ‘оскорбить’, *зусім* ‘абсолютно, полностью’ – (разг.) ‘ни в коей мере, несколько’, *ідал* ‘божество; тот, кто горячо любим’ – (разг., бран.) ‘негодник’, *неяк* ‘каким-то образом’ – (разг.) ‘нельзя, нет способа’, *паніч* ‘сын пана, молодой пан’ – (разг.) ‘избалованный человек, белоручка’, *рэзаць* ‘опрерировать’ – (разг.) ‘убивать чем-то острым’ [11]; (англ.) *slate* ‘раскритиковать кого-либо’ – (разг.) ‘предложить кого-либо на должность’, *square* ‘правильный; честный’ – (разг., пренебр.) ‘мещанский, обывательский’, *walk* (разг.) ‘исчезнуть’ – (лит.) ‘появиться (о призраке)’, *top* ‘превосходить, быть первым’ – (разг.) ‘совершить самоубийство’, *wicked* ‘безнравственный, опасный’ – (сленг.) ‘очень хороший’ [8] и др.

Ключевую роль в раскрытии значения энантиосемичных единиц играет контекст. Например, энантионим (белорус.) *пазычыць* представлен парой антонимичных значений ‘дать в долг’ и ‘взять в долг’ [11]. И во фразе *пазычыць рублёў тысячу* ‘взаймы рублей тысячу’ неясно, в каком из этих двух значений он употребляется. Но если обратиться к контексту, в котором эта фраза используется, сразу становится очевидным, какое из значений в нем актуализируется: *Вось калі-б вы, прыкладам, запрапанавалі мне пазычыць рублёў трыста – ну, тады зусім што іншае: я магу ўзяць* ‘Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста – ну, тогда совсем дело другое: займы я могу взять’ (М. В. Гогаль «Рэвизор», пер. А. А. Адамовіч, 1943/ Н. В. Гоголь «Ревизор», 1836). Или еще один пример контекстного употребления энантионима *пазычыць*, где оба противоположных значения реализуются в одном предложении: *За гады сваёй маладосці Сушчэня не мог уявіць, як гэта можна, напрыклад, пазычыць і не аддаць або нават не пазычыць каму, хто прасіў, калі гэта можна было зрабіць* ‘В годы своей молодости Сушчэня не мог даже представить, как это возможно, например, одолжить и не отдать или даже не одолжить тому, кто просил и нуждался, если это можно было сделать’ (В. Быкаў «У тумане», 1988/ В. Быков «В тумане», пер. В. Быкова, 1990). Как следует из примеров, контекст превращает энантиосемию в однозначность и выступает неотъемлемым условием актуализации полярных компонентов значения энантиосемичного слова. В связи с этим можно говорить о контекстной обусловленности как одном из важнейших признаков энантиосемии.

Итак, под энантиосемией понимается совмещение внутри одной и той же языковой единицы противоположных или противопоставленных значений или оттенков значений, актуализация и раскрытие которых обусловлены контекстом или ситуацией общения.

С учетом современных исследований и собственного анализа семантики белорусских и английских лексем были выявлены *первичные* и *вторичные признаки* энантиосемии. *Первичные признаки* присущи всем энантионимам. К ним следует причислять:

- 1) наличие одного плана выражения и нескольких планов содержания;
- 2) полярное расхождение в плане содержания;
- 3) наличие общих (интегральных) сем в противоположных или противопоставленных значениях;
- 4) контекстную обусловленность.

Вторичные признаки наблюдаются лишь у отдельного ряда энантионимов. К ним относятся:

- 1) наличие нескольких пар антонимичных значений внутри одной языковой единицы;
- 2) асимметричность главного и периферийного значений;
- 3) разная стилистическая маркированность противоположных или противопоставленных значений.

Выделенные признаки дают основание рассматривать энантиосемию как отдельную самостоятельную категорию в лексической семантике, требующую тщательного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шерцль, В. И.* О словахъ съ противоположными значеніями (или о такъ называемой энантиосеміи) / В. И. Шерцль // Филологические записки. – Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1883. – Вып. 5,6. – С. 1–39.
2. *Новиков, Л. А.* Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1973. – 290 с.
3. *Meid, W.* Über konträre Bedeutung – Bemerkungen zum sogenannten „Gegensinn“ / W. Meid // *Studia Celtica*. – 1979. – Vol. XIV, XV. – S. 193–199.
4. *Шмелев, А. Д.* Когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии / А. Д. Шмелев // *Русский язык*. – 1993. – Вып. 41. – С. 3.
5. *Гегель, Г. В. Ф.* Наука логики : в 5 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 500 с.
6. *Hogenraad, R.* Smoke and mirrors: Tracing ambiguity in texts / R. Hogenraad // *Digital Scholarship in the Humanities*. – 2018. – Vol. 33, Iss. 2. – P. 297–315.
7. *Багирова, С. М.* Проблема избыточности в современной лингвистике / С. М. Багирова // *Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований*. – Пенза; М., Решт : Науч.-издат. центр «Социосфера», 2011. – С. 9–11.
8. *Oxford Advanced Learner's dictionary*. – 9th ed. – Oxford : Univ. Press, 2015. – 1755.
9. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1998. – 768 с.
10. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 597 с.
11. *Копылов, И. Л.* Толковый словарь белорусского литературного языка / И. Л. Копылов. – Минск, 2016. – 968 с.
12. *Авдевнина, О. Ю.* «Нетипичные» семантические явления в лексике со значением восприятия / О. Ю. Авдевнина // *Рус. яз. в школе*. – 2013. – № 1. – С. 65–69.

The article is devoted to the theoretical justification of the essential features of enantiosemy. It presents the available approaches to the definition of enantiosemy and describes its role in the language. Primary and secondary features of enantiosemy are distinguished, which makes it possible to consider enantiosemy an independent lexico-semantic and linguo-pragmatic category.

Поступила в редакцию 27.05.2020

СТРАТЕГИЯ СОЛИДАРИЗАЦИИ И ЕЕ ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ В СТРУКТУРЕ МОТИВАЦИОННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Будучи монологом по форме, мотивационное выступление диалогично по своей сути, а солидаризация с аудиторией является одной из стратегий, реализуемых в англоязычных лекциях на конференции TED. Указанная стратегия и воплощающие ее тактики (эмпатия, апелляция к опыту, приглашение к размышлению и др.) маркируются комплексом языковых средств. Некоторые из них выражают идею солидаризации эксплицитно (например, местоимения первого лица или лексика с семантикой общности), тогда как другие выполняют эту функцию косвенно (вопросы, цитаты, сравнительные конструкции и пр.). Маркеры стратегии солидаризации значимы на всех этапах публичного выступления, однако проведенное исследование демонстрирует определенные закономерности распределения стратегически значимых языковых элементов в структуре текста.

Публичная речь не просто передает информацию, но воздействует на слушателей (меняет их поведение, взгляды, убеждения). При этом она диалогична по своей природе, даже если произносится в форме монолога. Выступающий обращается к публике, беседует с ней, наблюдает ее обратную реакцию [1, с. 372–373]. На материале лекций конференции TED, произнесенных ораторами-американцами в 2010–2020 гг., рассмотрим языковые средства выражения солидаризации как одной из генеральных стратегий мотивационного выступления и проследим специфику их распределения в структуре сообщения.

Анализируемые выступления посвящены проблемам ведения бизнеса и профессиональному личностному развитию. По своему характеру эти речи можно определить как аргументирующие [2] или «агитационные», находящиеся на стыке убеждающих и призывающих к действию [3, с. 35–42]. Однако основным намерением оратора, его преобладающей установкой является мотивация слушателей. Речевое воздействие в подобной ситуации направлено на «поведение, поступки собеседника, заставляя его действовать в соответствии с волей и желанием говорящего» [4].

В попытке дать слушателям совет, высказать пожелание или поделиться с ними собственными размышлениями по поводу тонкостей ведения успешного бизнеса адресант прибегает к приему солидаризации с аудиторией. С одной стороны, солидаризация подразумевает поддержку, участливое отношение, одобрение. С другой стороны, это полное согласие в мыслях и даже готовность нести совместную ответственность за предпринятые действия. Для одних типов публичных выступлений солидаризация является вспомогательной речевой тактикой, тогда как в мотивационном выступлении она выходит на первый план и становится основной стратегией. В отличие от простого отождествления, демонстрирующего принадлежность к какой-либо социальной группе, солидаризация призвана создать впечатление единства взглядов и интересов: «Я с вами. Я один из вас. Я понимаю и разделяю

ваши проблемы» [5, с. 77–79]. Солидаризация как стратегия реализуется с помощью репертуара тактик: согласие, создание «Мы-общности», готовность к сотрудничеству, призыв к совместным действиям, интимизация, эмоциональная поддержка и др. [6, с. 16]. Все они направлены на демонстрацию близости и единодушия с коммуникативным партнером.

Как известно, к предпосылкам эффективности публичного выступления относится не только его содержательная насыщенность и убедительная сила аргументов, но и удачная структура. Грамотно выбранная форма «облегчает слушателям усвоение материала, придает материалу композиционное единство, обеспечивает согласование и даже известную гармонию частей выступления» [7, с. 8]. На первый взгляд исследуемые сообщения строятся по классической трехчастной схеме, однако можно заметить и некоторые особенности композиционного оформления мотивационных речей. Во вступительной части оратор привлекает внимание аудитории к теме (посредством мнемонических приемов, юмора) и частично ее раскрывает. Основная часть выступления отличается сочетанием приемов индукции, дедукции и аналогии. События могут излагаться хронологически или отвечать принципу «проблема – развязка». Для завершающей части характерны открытые призывы к действию и апелляция к эмоциям. Подчеркнем, что применительно к настоящему исследованию нас интересует не структурная схема сообщения как таковая, но стратегическая организация текста, когда говорящий размещает тактически значимые языковые единицы в соответствующих композиционных звеньях, следуя глобальному авторскому замыслу. В данном случае речь пойдет о средствах, вербализующих стратегию солидаризации, и принципах распределения ее языковых маркеров в структуре мотивационного выступления.

Стратегия солидаризации реализуется посредством ряда коммуникативных тактик, которые, в свою очередь, воплощаются в разнообразных лексических и грамматических средствах. В исследуемом материале ключевая роль отводится местоимениям первого и второго лица, способным актуализировать многочисленные тактики. Для местоимения *you* основной является тактика разъяснения: *Ask yourself where you learned to assign the meaning of wrong or abnormal to doing many things. I'll tell you where you learned it: you learned it from the culture.* Употребительны тактики эмпатии (*You're afraid if you look for your passion and don't find it, you'll feel like you're an idiot*), апелляции к опыту (*You spend more time picking out a dorm room TV set than you do picking your major and your area of study*), призыва к действию (*You can change your life*), приглашения к размышлению (*What do you love about what you do?*). В целях установления непосредственного контакта с аудиторией ораторы также выбирают местоимение *we*. Помимо уже упомянутых тактик оно способно реализовать тактику обещания, когда говорящий подчеркивает выгоду от совершения слушателями определенных действий: *We're finding it's not necessarily the reality that shapes us, but the lens*

through which your brain views the world that shapes your reality. And if we can change the lens, not only can we change your happiness, we can change every single educational and business outcome at the same time.

Несмотря на главенствующую роль местоимений в передаче идеи солидаризации, сами по себе местоимения не смогли бы обеспечить оратору достижение поставленных целей без привлечения других функционально важных средств (лексических и грамматических). Характерной чертой исследуемых публичных выступлений является лексика, семантически связанная с понятием солидаризации. В частности, обнаружены слова и словосочетания, эксплицитно выражающие готовность оратора поделиться с аудиторией определенным знанием: *I want to **share** some of those with you now.* Активно используются лексические единицы, передающие идею общности, единства, демонстрирующие глобальный характер явления (*collaboration, community, connect*). В данном случае актуализируется тактика объединения в группу: *Nobody else in the entire **population** that we surveyed could have said it; Now, you think these types of **collaborations** that I've described would be commonplace today.* Примечательно, что говорящий не просто подчеркивает принадлежность людей к некоторой социальной общности, но и указывает на их отнесенность к единому историческому периоду (*this world that we live in; women **currently** outperform their peers*). Наконец, выступающий апеллирует к повторяющемуся действию, привычному событию, распространенной ситуации: *We **usually** think about motivation and payment as the same thing; We learn things **every day**.* На то, что схожие поведенческие модели свойственны многим людям, непосредственно указывает слово *people*: *The number one reason is stress. **People** feel overwhelmed; My research shows that when you give **people** a choice among options, it lowers their defenses.* Цель использования приведенных выше групп лексики в мотивационном выступлении – добиться того, чтобы слушатели ассоциировали себя с описываемыми явлениями.

Для анализируемых речей также релевантна лексика с модальным значением. При помощи модальных глаголов реализуются тактики призыва к действию (*I think in addition to the mechanical thinking, we now **need to** master the art of biological thinking*), обещания (*The tools you learned today **can** help you with this*), апелляции к опыту (*Now, I know of course, we **have to** make a living*). В свою очередь, на уровне грамматики вклад в акцентирование идеи солидаризации вносят сравнительные конструкции (*And **the less we know** about the future, **the more we're going to need** these tremendous sources of human, messy, unpredictable skills*), глагольные формы будущего времени (*We have five tips for you that **will help make** this the best effect possible*), условные предложения (*Imagine how much better you could negotiate for a raise **if you knew** everybody's salary*), формы повелительного наклонения (***Don't hesitate** to suggest an internship*), вопросительные высказывания (*How many of you are completely comfortable with calling yourselves a leader?*). Они позволяют вербализовать тактики обещания, разъяснения, эмпатии, призыва

к действиям, приглашения к размышлению. Цитаты помогают апеллировать к опыту (*So, for example, one of your great excuses is: "Well, great careers are really and truly, for most people, just a matter of luck."*), а синтаксический повтор – разъяснить: ***You have to give to receive. You have to surrender to something... You have to conquer the desire to get what you want. ...You have to forget yourself. ...You have to lose yourself.***

Выделив основные маркеры стратегии солидаризации, обратимся к закономерностям их распределения в композиционных частях выступления. По установившейся традиции, ораторы начинают свою речь с рассказа личной истории (собственной или чужой), шокирующего заявления, обескураживающего вопроса. Подобные приемы позволяют захватить и удержать внимание аудитории, а перевести непроизвольное внимание в разряд произвольного призваны фразы-клише, сигнализирующие о намерении выступающего поделиться полезной информацией: *I'm really excited to **share with you**; I'd like to **tell you the story**; I want to **talk a little bit today about labor and work.***

Во вступительной части в большинстве случаев повествуется о самих выступающих, их детстве, семье, пережитом опыте: *So when I was a little girl, a book sat on the coffee table in our living room, just steps from our front door.* История может быть рассказана и о третьих лицах: *An evolutionary biologist at Purdue University named William Muir studied chickens.* В любом из этих случаев оратор стремится вызвать у аудитории эмоциональный отклик, заставить ее сопереживать, привлечь на свою сторону. Однако 32 % ораторов для начала выступления выбирают такой прием, как обескураживающий вопрос: *How can we get people to do more good, to go to the polls, give to charity, conserve resources, or even to do something as simple as washing their mugs at work so that the sink isn't always full of dirty dishes?* Шокирующее заявление может быть проиллюстрировано следующим примером: *I want to discuss with you this afternoon **why you're going to fail to have a great career.*** Как правило, такое заявление маркируется непосредственным обращением к аудитории: ***You have the power to change the world.***

При построении основной части выступления предпочтение отдается индуктивному методу рассуждения, подразумевающему переход от частных фактов к общим выводам. Приводятся многочисленные примеры из собственного опыта выступающего либо из опыта других. Для исследуемых текстов характерен способ организации основной части выступления по принципу «проблема –развязка», когда оратор сначала задает вопрос, приглашая аудиторию к размышлению, а затем разъясняет собственную позицию, апеллируя при этом к распространенному в обществе представлению: *What it takes to be a great leader? **Many of us carry this image of this all-knowing superhero who stands and commands and protects his followers. But that's kind of an image from another time.*** В основной части речи особый акцент делается на эмоциональной составляющей, личном отношении оратора к приводимым фактам: *I was so **consumed** by these questions and also **frustrated** by those stories...*

Согласно рекомендациям организаторов конференций TED, выступающие избегают длинного заключения, делая его достаточно кратким, но экспрессивным. Большинство из них используют (иногда неоднократно) стандартные этикетные формы выражения благодарности, позволяющие вербализовать тактику установления хороших отношений: *thank you, thank you so much, thank you very much, thanks*. Иногда выражение благодарности дополняется словами, подчеркивающими искренность говорящих и их расположение к аудитории: *Thank you very much, you've been a **great audience**; I want to thank you so much for **letting me share it with you** today; I want to thank you. **Bless you. God bless you.***

Таким образом, анализ языковых средств, выражающих идею общности и направленных на осуществление плодотворного взаимодействия оратора с аудиторией, а также поиск принципов их распределения в структуре мотивационной речи позволили установить, что стратегия солидаризации находит свое воплощение на всех этапах выступления, начиная с «затравки» и заканчивая финальными словами благодарности. Ее вербализует целый комплекс лексических и грамматических средств, в котором главная роль отводится местоимениям первого и второго лица. Однако этот комплекс был бы неполным без лексики, маркирующей принадлежность к единой социальной группе, эпохе, культуре, позволяющей продемонстрировать эмпатию, готовность поделиться «лайфхаками» или выразить доброжелательное отношение к аудитории. Наконец, несмотря на их вторичную роль, в целях трансляции идеи солидаризации используются разнообразные грамматические конструкции, которые превращают монологическое по форме сообщение в эмоциональную, убедительную и воодушевляющую беседу со слушателем. При этом в первой части выступления важно удивить аудиторию, установить с ней непосредственный контакт и подчеркнуть готовность к сотрудничеству. Основная часть должна отличаться эмоциональностью подачи фактов и предлагать не только проблему, но и ее решение, тогда как для заключительной части важны слова благодарности и другие маркеры тактики установления хороших отношений с аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб, И. Б. Риторика: учитеесь говорить правильно и красиво : учебник / И. Б. Голуб. – М. : Омега-Л, 2017. – 405 с.
2. Муштук, О. З. Основы общей риторики : учеб.-метод. комплекс / О. З. Муштук. – М. : Издат. центр ЕАОИ, 2008. – 256 с.
3. Сопер, П. Л. Основы искусства речи. Книга о науке убеждать / П. Л. Сопер ; пер. с англ. С. Д. Чижовой ; под ред. К. Д. Чижова и Л. М. Яхнича. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 448 с.
4. Федорова, Л. Л. Теория речевой коммуникации и грамматика диалога [Электронный ресурс] / Л. Л. Федорова // Коммуникационные стратегии культуры и гуманитарные технологии. – 2009. – Режим доступа :

<https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3392/3395>. – Дата доступа : 10.05.2020.

5. *Паршина, О. Н.* Российская политическая речь : теория и практика / О. Н. Паршина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

6. *Ланских, А. В.* Речевое поведение участников реалити-шоу : коммуникативные стратегии и тактики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Ланских ; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

7. *Халин, С. М.* Методика публичного выступления : учеб. пособие / С. М. Халин. – Изд. 2-е. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2006. – 70 с.

The article sheds light on lexical and grammatical means that help an orator identify with their audience in a motivational speech. It is demonstrated that such verbal markers are relevant during all the stages of communication process, though the introduction, body and conclusion of the speech are characterized by their own specific principles of strategic arrangement.

Поступила в редакцию 25.05.2020

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**И. Г. Осмоловская****НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ**

В статье анализируются коммерческие и политические рекламные тексты с точки зрения их эмотивной экологичности/неэкологичности. Выявлены такие маркеры неэкологичного общения в рекламной коммуникации, как использование в рекламных тестах бранных слов, слов со сниженной стилистической окраской, оскорблений (как обезличенных, так и направленных на определенного адресата), негативных оценок, неуважительного отношения, непосредственное и опосредованное апеллирование к негативным эмоциям, разжигание вражды в обществе на основе религиозной, национальной и иной принадлежности. В качестве эмотивно неэкологичных рассматривается и сексистская реклама, базирующаяся на превосходстве одного пола над другим.

Основатель и руководитель научной школы «Лингвистика эмоций» В. И. Шаховский в одной из своих статей справедливо подчеркнул важность, которой обладает произнесенное нами слово: «Слово является мощной энергетической сущностью, воздействующей на сознание и волю человека, мотивирующей его на социальное конструирование или социальную деструкцию» [1, с. 13]. Человек, которого только что оскорбили, вряд ли способен моментально восстановить эмоциональное равновесие и может сам начать выброс негативных эмоций. «Это как цепная реакция, ведущая к разбалансировке не одного, а сразу нескольких людей» [2, с. 29]. «Исходящие от языка импульсы и рефлексыв говорящих могут быть бесконечно негативными и могут вести, как двадцать пятый кадр, к бессознательной агрессии и разрушению эмотивной сферы людей» [2, с. 30]. Коммуниканты очень часто недооценивают ту силу, которой обладают их слова, а ведь язык – это «проводник во внутренний мир человека» [3, с. 133].

Одним из новых лингвистических направлений является эмотивная лингвоэкология, которая тесно связана с культурой речи, стилистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, с одной стороны, с эмотиологией, или лингвистикой эмоций, – с другой [4, с. 374].

Эмотивная лингвоэкология призвана сформулировать подходы и параметры, соблюдение которых позволит добиться экологичной, т.е. «здоровой», оказывающей благоприятное воздействие на человека языковой среды [5, с. 144]. Экологичная коммуникация – это общение, не оказывающее вредоносного влияния на здоровье человека, его психоэмоциональное состояние. Неэкологичная коммуникация – это любые вербальные/невербальные средства, стратегии и тактики коммуникативного поведения, противоречащие коммуникативно-прагматическим и этико-речевым нормам, снижающие комфортность речевого общения и негативно влияющие на эмоциональное здоровье человека [4, с. 375].

Объектом лингвоэкологии языка является изучение того, как язык сохраняет сам себя, т.е. свое здоровье, или (в результате его неправильного

использования человеком) приводит к лингвициду, т.е. к разрушению и самоуничтожению, а в то же время – к совершенствованию, улучшению здоровья человека или его порче и даже разрушению через язык [5, с. 144].

Важность правильного экологичного общения сложно переоценить для любой сферы человеческой деятельности: бытовой, научной, профессиональной. Рекламная коммуникация, представляя собой феномен массовой культуры, обладает огромной социальной значимостью, она является основным способом общения между производителем/продавцом и потенциальным потребителем, транслирует заложенные в ней послы на огромное количество людей. Поэтому очень важно, чтобы рекламная коммуникация соответствовала критериям экологичного общения.

Материалом исследования послужили аутентичные тексты коммерческой и политической рекламы, позаимствованные из периодических изданий и на официальных сайтах зарубежных компаний, отобранные путем сплошной выборки, которые анализировались на предмет выявления в них маркеров неэкологичности.

Представляется возможным отметить, что в рекламных текстах зафиксированы нарушения экологичности речи за счет употребления слов со сниженной стилистической окраской, как в следующих примерах [П1] (рис. 1).

	<p><i>Alles für'n Arsch!</i> <i>Toilettenpapier für 0,99 €</i></p>	<p>‘Всё для з***цы! Туалетная бумага по 0,99 евро’</p>
---	--	--

Рис. 1. Реклама туалетной бумаги фирмы «Мола»

Так, лексема *Arsch* ‘з***ца’ имеет в словаре пометку *derb* ‘грубо’ [6, S. 116], это значит, что у большей части языкового сообщества данное слово вызывает скорее негативные, чем нейтральные, эмоции. Следовательно, его употребление в контексте рекламы вряд ли можно расценивать как эмотивно экологичное.

Показателен с этой точки зрения и еще один пример [П2] (рис. 2).

	<p><i>Möbel gibt's nicht nur am Arsch der Welt.</i> <i>Das beste Möbelhaus ist bei Dir zuhaus</i></p>	<p>‘Мебель есть не только у черта на куличках (досл. ‘в з***це мира’). Лучший дом мебели у Тебя дома</p>
---	---	--

Рис. 2. Реклама интернет-фирмы посылочной торговли «home24», специализирующейся на реализации мебели

Предложение *Möbel gibt's nicht nur am Arsch der Welt* 'Мебель есть не только у черта на куличках' (досл. 'в з***це мира') также содержит словосочетание со сниженной стилистической окраской, что подкрепляется и невербальной составляющей рекламного послания – изображением на заднем плане двух шатров/холмов, напоминающих обнаженные ягодицы.

Некоторые исследователи справедливо называют неуважительное отношение, грубость, нанесение обид, оскорбления и тому подобные явления в любой сфере человеческой коммуникации «речевыми преступлениями», так как они причиняют «вред участникам коммуникативного взаимодействия», «априори относятся к неэкологичной коммуникации» [4, с. 375]. К сожалению, оскорбления встречаются и в рекламных текстах. Они могут носить обезличенный характер, имея в виду обобщенного адресата, как в следующем примере [П3] (рис. 3).

	<p><i>brand eins</i> <i>Wirtschaftsmagazin</i> KAUF, DU ARSCH <i>Die Kunst der Verführung</i> <i>Schwerpunkt Werbung</i></p>	<p>‘бренд айнс Экономический журнал ПОКУПАЙ, ТЫ З***ЦА Искусство соблазнять Тема номера – реклама’</p>
--	---	--

Рис. 3. Реклама одного из номеров журнала «бренд айнс» за 2014 год

Название темы номера журнала «бренд айнс» *KAUF, DU ARSCH* ‘ПОКУПАЙ, ТЫ З***ЦА’ содержит обращение к адресату, которое, безусловно, как и было задумано рекламистами, привлечет внимание реципиента за счет своей экспрессивности, но может в силу бранной коннотативной окрашенности нанести обиду несмотря на обезличенный характер обращения.

Оскорбления в рекламных посланиях могут быть адресными, направленными на определенную личность [П4] (рис. 4).

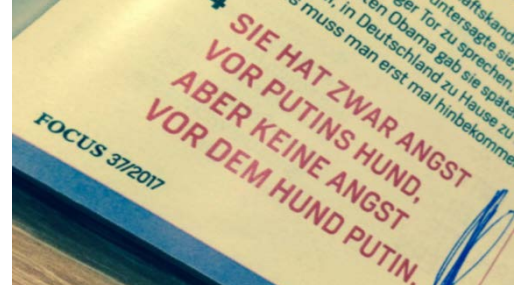
	<p><i>Sie hat zwar Angst vor Putins Hund, aber keine Angst vor dem Hund Putin.</i></p>	<p>‘Хотя она боится собаки Путина, но не боится Путина-собаки’</p>
---	--	--

Рис. 4. Анонс статьи в журнале «Фокус»

Так, анонс статьи в одном из номеров немецкого журнала «Фокус» содержит прямое оскорбление российского президента, что можно считать ярчайшим примером неэкологичной коммуникации.

Нагнетание возмущения в обществе, подстрекательство к мести, апеллирование к восстановлению исторической «справедливости» также имеют место в рекламных посланиях. Они ведут к расслоению общества, конфликтам на религиозной, расовой или национальной почве и, как следствие, разрушают эмоциональное здоровье человека. Целая серия наружной агрессивной рекламы, размещенной на автобусах в Германии, была инициирована в 2019 г. немецким фондом Джордано Бруно, ведущим борьбу за светское общество. Ниже приведен пример одного текста рекламной кампании [П5].

<p><i>Herrgott! Wie kann es sein, dass Du ein ganzes Universum erschaffst, aber dein Personal so überhaupt nicht im Griff hast?!</i></p> <p><i>In kirchlichen Einrichtungen werden hunderttausende Kinder körperlich und psychisch misshandelt und sexuell missbraucht.</i></p> <p><i>Der Staat schützt die Täter, die Opfer werden kaum entschädigt. Damit muss Schluss sein!</i></p> <p><i>Missbrauch durch Priester straffrei?</i></p> <p>SCHLUSS MACHEN. JETZT.</p> <p><i>Die säkulare Buskampagne 2019</i></p>	<p>‘Господь! Как такое может быть, чтобы Ты создал целую Вселенную, а свой собственный персонал вообще не можешь держать под контролем?!’</p> <p>В церковных заведениях сотни тысяч детей подвергаются физическим и психическим истязаниям и сексуальному насилию.</p> <p>Государство защищает преступников, жертвы едва ли получают возмещение. С этим нужно покончить!</p> <p>Насильственные действия, совершенные священниками, останутся безнаказанными?</p> <p>ПОКОНЧИМ С ЭТИМ. НЕМЕДЛЕННО.</p> <p>Автобусная компания 2019 за светское общество’</p>
--	---

Сообщение начинается с обращения к Богу : *Herrgott! Wie kann es sein, dass Du ein ganzes Universum erschaffst, aber dein Personal so überhaupt nicht im Griff hast?!* ‘Господь! Как такое может быть, чтобы Ты создал целую Вселенную, а свой собственный персонал вообще не можешь держать под контролем?!’. Далее следует описание злодеяний церковнослужителей и обвинение государства в защите преступников, что планомерно ведет к нагнетанию негативных эмоций. Использование вопросительного предложения *Missbrauch durch Priester straffrei?* ‘Насильственные действия, совершенные священниками, останутся безнаказанными?’ должно побудить адресата к размышлению и «самостоятельному» принятию решения. Однако решение в виде призыва **SCHLUSS MACHEN. JETZT** ‘ПОКОНЧИМ С ЭТИМ. НЕМЕДЛЕННО’ завершает послание и подталкивает адресата к агрессивному поведению. Изложенная и структурированная подобным образом информация приводит к появлению негативных эмоций (недовольство, раздражение, злость, ненависть, ярость и другие эмоции группы гнева), что является «здоровьеразрушающим фактором и причиной бытовых и соци-

альных неурядиц во взаимоотношениях власти с людьми и людей друг с другом» [2, с. 25]. Как справедливо отмечают эти же авторы, «коммуницирующие стороны через энергетическую мощь эмоций оказывают воздействие на ментальное, вербальное и акциональное поведение друг друга» [2, с. 34].

Подобной агрессивной рекламной кампанией отличается одна из ультраправых политических партий ФРГ «Альтернатива для Германии», для идеологии которой характерны неонацистские, евроскептические, расистские, исламофобные, антисемитские и ксенофобные тенденции [7]. Так, призыв к религиозной нетерпимости может проиллюстрировать следующий рекламный текст [П6] (рис. 5).

	<p><i>Deutsche Leitkultur! Islamfreie Schulen!</i></p>	<p>‘Немецкая культура в качестве доминирующей! Школы без ислама!’</p>
--	--	---

Рис. 5. Реклама ультраправой партии «Альтернатива для Германии»

Предложения *Deutsche Leitkultur! Islamfreie Schulen!* ‘Немецкая культура в качестве доминирующей! Школы без ислама!’ призывают к неприятию людей, исповедующих ислам, уже со школьной скамьи и, как следствие, разжиганию вражды в обществе на основе вероисповедания.

Рассмотрим еще один пример [П7] (рис. 6).

	<p><i>“Der Islam?” Passt nicht zu unserer Küche. Trau Dich, Deutschland AfD</i></p>	<p>‘«Ислам?» Не подходит для нашей кухни. Верь в себя, Германия АдГ’</p>
--	---	--

Рис. 6. Реклама ультраправой партии «Альтернатива для Германии»

В рекламном послании помимо вербальной составляющей *“Der Islam?” Passt nicht zu unserer Küche. Trau Dich Deutschland* ‘«Ислам?» Не подходит для нашей кухни. Верь в себя, Германия’ используется еще и изображение поросенка, что можно расценить как оскорбление, так как в мусульманской культуре употребление свинины в пищу запрещено.

Не менее иллюстративен и следующий пример, имеющий ксенофобную направленность [П8] (рис. 7).

Рис. 7. Реклама ультраправой партии «Альтернатива для Германии»

Директив *Bevorteilung von Asylbewerbern beenden!* ‘Прекратить выплаты пособий беженцам!’ оформлен в виде побудительного предложения, что является приемом прямого убеждения. Использование восклицательного знака, в свою очередь, выступает графическим средством передачи эмоциональности речи, что характерно и для рассмотренного выше примера [П7].

Анализ материала показал, что рекламные плакаты данной политической партии изобилуют

- бранной лексикой: *Nazis sind Scheiße! Wir auch. Alternative für Deutschland* ‘Нацисты – д***мо! Мы тоже. Альтернатива для Германии’;

- неуважительным отношением к мигрантам: *Kein Pass – kein Eintritt! Grenzen schützen!* ‘Нет паспорта – нет въезда! Защита границ’;

- призывами прекратить помогать как мигрантам, так и странам Евросоюза: *Mut zur Wahrheit. Wir sind nicht das Weltsozialamt!* ‘Мужество для правды. Мы [немцы] не социальная служба для всего мира’; *Griechen leiden. Deutsche zahlen. Banken kassieren* ‘Греки страдают. Немцы платят. Банки получают деньги’;

- евроскептическими настроениями: *Die EU raubt der Jugend die Identität* ‘Евросоюз лишает молодежь национальной идентичности’;

- исламофобными лозунгами: *Der Islam gehört nicht zu Deutschland. Die Freiheit der Frau ist nicht verhandelbar!* ‘Ислам чужд Германии. Свобода женщины не обсуждается’; *Islamisierung stoppen. AfD wählen!* ‘Остановим исламизацию. Проголосуем за АдГ!’ и другими не менее агрессивными и уничижительными призывами.

Отметим еще одну особенность, которая прослеживается в развитии немецкого языка на настоящем этапе, – это *компактность* (*kompprimierte/kompakte/kondensierte Ausdrucksweise*) [8, S. 28]. Она проявляется также и в рекламных текстах, когда расширенная информация (целого высказывания или микротекста) сжимается в одном (или двух) словах [Там же]: *Deutsche Leitkultur! Islamfreie Schulen!* ‘Немецкая культура в качестве доминирующей! Школы без ислама!’; *Kein Pass – kein Eintritt! Grenzen schützen!* ‘Нет паспорта – нет въезда! Защита границ’ и т.д. Предложения с сознательно урезанным объемом означают более эффективное преподнесение содержания,

т.е. передачу его с *сильным прагматическим акцентом*. Урезание объема с одновременным семантическим насыщением рекламной информации дополняют друг друга и создают *текстовую черту компрессии* [9, с. 78–79].

Как эмотивно неэкологичную можно расценивать всю сексистскую рекламу, так как она «построена на том, что один пол в ней имеет какие-то преимущественные характеристики перед другим» [10]. Следует сразу оговорить, что в статье не рассматриваются такие признаки сексистской рекламы, как *сексуальная объективация*, при которой женщина или мужчина описываются как товар или развлечение, или реклама товара/услуги реализуется через сексуальность человека [10], а ограничимся только анализом фраз, которые поддерживают стереотипы на счет того или иного пола. Примером может послужить серия рекламных текстов швейцарского производителя часов «IWC» («International Watch Company») класса «люкс» [П9] (рис. 8).

	<p><i>Fast so kompliziert wie eine Frau. Aber pünktlich.</i> IWC</p>	<p>‘Почти такие же сложные, как женщина. Но пунктуальные. IWC’</p>
--	--	--

Рис. 8. Реклама швейцарских часов «IWC»

Так, весь рекламный текст *Fast so kompliziert wie eine Frau. Aber pünktlich* ‘Почти такие же сложные, как женщина. Но пунктуальные’ построен на стереотипе, что все женщины – непунктуальны. Аналогично, эксплуатируя устоявшиеся стереотипы, построены некоторые другие рекламные послания данной компании:

- *Fast so schön wie eine Frau. Tickt aber richtig* ‘Почти такие же красивые, как женщина. Но тикают (функционируют) правильно’ > стереотип: все женщины – непоследовательны;

- *Fast so schön wie eine Frau. Kostet nur einmal Geld* ‘Почти такие же красивые, как женщина. Но за них [часы] Вы платите деньги один раз’ > стереотип: мужчина постоянно тратит деньги на прихоти женщин.

Выше перечисленные обобщения подчеркивают доминирующую позицию мужского пола в обществе, могут восприниматься как пренебрежение и вызывать соответствующие негативные эмоции.

Подобные стереотипы не чужды и для рекламы других компаний, при этом для раскодирования послания важную роль играет невербальный компонент, как в следующем примере [П10] (рис. 9).

	<p><i>Zwischen Himmel und Hölle.</i> Astra</p>	<p>‘Между небом (раем) и адом. Астра’</p>
---	--	---

Рис. 9. Реклама немецкого пива марки «Астра»

Так, смысл, заложенный в нейтральное словосочетание *Zwischen Himmel und Hölle* ‘Между небом (раем) и адом’, открывается только при анализе иллюстрации: мужчина, сидящий между ящиком пива «Астра» (небом) и супругой (адом). Таким образом, снова эксплуатируется стереотип, что жена превращает жизнь мужа в ад, что также способно вызвать негативные эмоции.

Подводя итог, представляется возможным сделать следующие выводы.

- Использование вопросительных предложений призвано побудить адресата к размышлению и самостоятельному или псевдосамостоятельному принятию решения, так как сама постановка вопроса зачастую подталкивает реципиента к ответу, выгодному отправителю.

- Использование побудительных предложений является приемом прямого убеждения. Восклицательный знак выступает графическим средством передачи эмоциональности речи.

- Объективная необходимость компримирования информации в рекламных текстах ведет к использованию кратких предложений, неполных предложений, обособлению частей предложения, что повышает экспрессивность рекламного послания, а следовательно, и эффект воздействия.

- При реализации неэкологичной коммуникации в рамках одного текста могут быть задействованы как вербальные, так и невербальные средства.

- К параметрам неэкологичной коммуникации в рекламных текстах можно отнести употребление бранных слов и слов со сниженной стилистической окраской, оскорблений, как обезличенных, так и обращенных к конкретному лицу.

- Использование негативных оценок, неуважительное отношение к адресату, непосредственное и опосредованное апеллирование к негативным эмоциям (гневу, страху, агрессии и т.д.), разжигание вражды на основе религиозной, национальной и иной принадлежности создают эмотивную неэкологичность рекламных посланий.

- Сексистская реклама, делающая акцент на превосходстве одного пола над другим, может расцениваться как оскорбительная и, следовательно, неэкологичная в эмоциональном плане.

В данной статье, безусловно, не удалось рассмотреть все параметры неэкологичного общения в немецкоязычной рекламе, что станет предметом дальнейших изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаховский, В. И.* Экология, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии / В. И. Шаховский, А. А. Штеба // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол. : Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 8–23.
2. *Шаховский, В. И.* Экологизация современной науки и параметры экологичного общения / В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол. : Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 23–34.
3. *Борисова, А. С.* Прагматика эмоций в современном рекламном дискурсе (на материале французского языка) / А. С. Борисова, К.Э. Рубинштейн // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 133–147.
4. *Панченко, Н. Н.* Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации / Н. Н. Панченко // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол. : Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 374–388.
5. *Врублевская, О. В.* Рекламные имена с точки зрения эмотивной лингвоэкологии / О. В. Врублевская // Изв. ВГПУ. Филол. науки. – 2019. – № 4 (137). – С. 143–147.
6. Der Duden: Das Standardwerk zur deutschen Sprache: in 12 Bd. / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion: M. Wermke (Vors.) [u.a.]. – Mannheim [u.a.]: Bibliogr. Inst. & F.A. Brockhaus AG, Dudenverlag, 2002. – Bd. 10: Das Bedeutungswörterbuch / geleitet von K. Kunkel-Razum [u.a.]. – 3., neu bearb. und erw. Aufl. – 1103 S.
7. Альтернатива для Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Альтернатива_для_Германии. – Дата доступа : 26.04.20.
8. *Polenz, P. von.* Deutsche Satzsemantik / P. von Polenz. – Berlin; N. Y.: De Gruyter, 1988. – 192 S.
9. *Горлатов, А. М.* Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке / А. М. Горлатов. – Минск : МГЛУ, 2002. – 257 с.
10. Сексизм в белорусской рекламе. Обзор marketing.by [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <https://marketing.by/analitika/razbiraem-seksizs-v-belorusskoy-reklame/>. – Дата доступа : 27.04.20.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- П1 – Alles für'n Arsch! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.by/images/search?text=deutsche%20werbung&stypе=image&lr=157&source=wiz>. – Дата доступа : 23.04.20.
- П2 – Möbel gibt's nicht nur am Arsch der Welt [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.by/images/search?text=deutsche%20werbung&stypе=image&lr=157&source=wiz>. – Дата доступа : 23.04.20.
- П3 – Kauf, Du Arsch [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.brandeins.de/magazine/brand-eins-wirtschaftsmagazin/2014/werbung>. – Дата доступа : 27.04.20.
- П4 – Sie hat zwar Angst vor Putins Hund, aber keine Angst vor dem Hund Putin // Focus. – 2013. – № 37. – S. 34.
- П5 – Die säkulare Buskampagne 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://schlussmachen.jetzt/>. – Дата доступа : 24.04.20.
- П6 – Deutsche Leitkultur! Islamfreie Schulen! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.by/images/search?text=deutsche%20werbung&stypе=image&lr=157&source=wiz>. – Дата доступа : 26.04.20.
- П7 – Der Islam? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.by/images/search?text=deutsche%20werbung&stypе=image&lr=157&source=wiz>. – Дата доступа : 27.04.20.
- П8 – Bevorteilung von Asylbewerbern beenden! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.by/images/search?text=deutsche%20werbung&stypе=image&lr=157&source=wiz>. – Дата доступа : 26.04.20.
- П9 – Fast so kompliziert wie eine Frau. Aber pünktlich [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.com/search?q=iwc+werbung+tickt+aber+richtig>. – Дата доступа : 27.04.20.
- П10 – Zwischen Himmel und Hölle. Astra [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.by/images/search?text=deutsche%20werbung&stypе=image&lr=157&source=wiz>. – Дата доступа : 27.04.20.

The article analyzes German commercial and political advertising texts from the perspective of their emotive ecological / non-ecological nature. Some of the markers of non-ecological communication in advertising are identified.

Поступила в редакцию 05.05.2020

А. Н. Чударь

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ДИМИНУТИВОВ В АВСТРАЛИЙСКОМ, НОВОЗЕЛАНДСКОМ И ЮЖНОАФРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (на материале конструкций с оценочными прилагательными)

В статье рассматриваются прагматические характеристики диминутивов в английском языке (на материале австралийского, новозеландского и южноафриканского английского), в частности, их участие в выражении оценки. Выявлены наиболее

распространенные прилагательные, определяющие диминутивы; выделены группы диминутивов, для которых характерно употребление с прилагательными положительной и отрицательной оценки.

Многие исследователи отмечают, что именно эмоционально-оценочный компонент, а не значение уменьшительности является первостепенным в значении диминутивов [1; 2]. При этом диминутивы характеризуются прагматической неоднозначностью, которая проявляется в возможности одной и той же единицы в различных контекстах выражать искренние чувства и иронию, положительную и отрицательную оценку, ласкательность и пренебрежительность [2; 3; 4; 5; 6]. Приведем несколько примеров¹, демонстрирующих прагматическую амбивалентность диминутивов.

(1) *It was YOU sonny who made the foolish statement that there were people much worse than Wilson being released* ‘Это ТЫ, сынок, сделал глупое заявление, что были освобождены люди намного хуже Уилсон’ (отрицательная оценка, ирония).

(2) *Earlier today BJ’s dad, Billy, posted a message on social media, saying: «Happy birthday BJ, from a boy to a man sonny. Wishing you many many more birthdays to come»* ‘Сегодня утром папа БиДжэй, Билли, запостил в соцсетях сообщение: «С днем рождения, БиДжэй, мальчик стал мужчиной, сынок. Желаю, чтобы у тебя было еще много-много дней рождения»’ (положительная оценка).

Прагматическая неоднозначность диминутивов зачастую воспринимается как парадоксальное явление. Вместе с тем развитие у диминутивов противоположных прагматических функций можно объяснить, если принять во внимание значения ‘малость’ и ‘ребенок’, определяемые исследователями как центральные для категории диминутивности [4; 7]. Согласно Дж. Тейлору и М. Понсонне, ассоциации с маленькими созданиями (детьми), как правило, положительны, так как дети вызывают умиление, нежные чувства [4; 8]. ‘Малость’, в свою очередь, объясняется как что-либо, не соответствующее стандарту («меньше нормы»), и, соответственно, воспринимается негативно.

Цель нашего исследования – определить прагматические характеристики (в первую очередь оценочные значения) диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском. Выбранный нами метод эмпирического исследования – анализ сочетаемости слов с использованием корпусных инструментов [9]. При выявлении прагматического потенциала диминутивов мы ограничили материал исследования единицами, обозначающими лиц, поскольку, по нашему мнению, они обладают наиболее широкими прагматическими возможностями.

С учетом типологических характеристик английского языка в нем выделяются не только синтетические, но и аналитические диминутивы [2],

¹ Здесь и далее приводятся примеры из корпуса национальных разновидностей английского языка GloWbE

выполняющие те же функции, что и синтетические: они выражают симпатию, одобрение / неприязнь, осуждение и т.п. В английском языке аналитические и синтетические диминутивы дополняют друг друга. Так, например, в силу структурных ограничений синтетический диминутив *baddy* ‘злодей’ не имеет аналитического аналога, а аналитический *little liar* ‘маленький лжец’ – синтетического. В связи с этим мы посчитали возможным включить в нашу выборку синтетические и аналитические единицы, образованные от разных основ, т.е. в большинстве случаев синтетический диминутив не имеет аналогичного аналитического, и наоборот.

Для проведения исследования из списков синтетических диминутивов, полученных из словарей национальных разновидностей (вариантов) английского «Australian Oxford Dictionary», «New Zealand Oxford Dictionary» и «South African concise Oxford dictionary» методом сплошной выборки, были отобраны диминутивы – наименования лиц (399 единиц). Затем при помощи корпуса GloWbE¹ мы выявили 100 наиболее частотных наименований, которые анализировались в данной работе. Исследовались диминутивы в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском, так как в этих идиомах диминутивы характеризуются большей продуктивностью по сравнению с другими разновидностями [10].

Аналитические диминутивы были извлечены из корпуса. При сборе материала применялся «движимый данными» корпуса (англ. *corpus-driven*) подход. По запросу типа *dm_j* NOUN*, где *dm* – маркер категории диминутивности, *_j** – прилагательное, *NOUN* – существительное, определяемое маркером категории, мы получили 100 наиболее частотных комбинаций с каждым маркером, а затем вручную исключили единицы, не являющиеся диминутивами (использование слов типа *little* в качестве квантификаторов – *little time* ‘мало времени’; устойчивые сочетания – *wee hours* ‘предзасветные часы’ и т.п.). Из полученных аналитических диминутивов были отобраны наименования лиц (81 диминутив). Таким образом, в целом анализировалась 181 единица – 100 синтетических диминутивов и 81 аналитический диминутив.

Для выявления прагматических характеристик диминутивов-существительных были проанализированы их сочетания с прилагательными. Из корпуса извлекались контексты, в которых рассматриваемые существительные определялись оценочными прилагательными. Под оценочным значением мы, вслед за Е. М. Вольф, понимаем положительное или отрицательное отношение, высказываемое говорящим, к какому-либо предмету, объекту или ситуации [11, с. 5].

Мы отобрали контексты с оценочными прилагательными для 86 синтетических и 29 аналитических диминутивов (в иных случаях контексты с оценочными прилагательными отсутствовали). Всего было проанализировано 1 962 контекста (в некоторых случаях в одном контексте присутствовало несколько прилагательных).

¹ <https://www.english-corpora.org/glowbe/>

В целом в рассмотренных контекстах зафиксировано 531 прилагательное (2 228 употреблений). Бóльшую часть составили низкочастотные единицы (439 прилагательных встретились 1–3 раза). Наиболее распространенные прилагательные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Частотность оценочных прилагательных
в конструкциях с диминутивами

Прилагательное	Частотность	Прилагательное	Частотность
<i>beautiful</i> ‘красивый’	126	<i>angry</i> ‘злой’	23
<i>poor</i> ‘бедный’	119	<i>silly</i> ‘глупый’	23
<i>good/better/best</i> ‘хороший’	94	<i>great/greatest</i> ‘великолепный’	22
<i>happy/happier/happiest</i> ‘счастливый’	67	<i>funny/funniest/fun</i> ‘смешной, забавный’	21
<i>sweet/sweetest</i> ‘сладкий’	52	<i>perfect</i> ‘прекрасный’	21
<i>cute/cutest</i> ‘милый’	51	<i>special</i> ‘особенный’	21
<i>gorgeous</i> ‘роскошный’	51	<i>adorable</i> ‘восхитительный’	20
<i>lovely</i> ‘очаровательный’	35	<i>stupid</i> ‘глупый’	19
<i>brave</i> ‘смелый’	32	<i>crazy/crazed</i> ‘сумасшедший’	18
<i>precious</i> ‘драгоценный’	32	<i>pathetic</i> ‘жалкий’	18
<i>dear</i> ‘дорогой’	31	<i>wonderful</i> ‘замечательный’	18
<i>amazing</i> ‘удивительный’	30	<i>handsome</i> ‘красивый’	16
<i>dirty</i> ‘грязный’	26	<i>clever</i> ‘умный’	15
<i>sad</i> ‘грустный’	26	<i>nice/nicest</i> ‘хороший, милый’	15
<i>nasty</i> ‘скверный’	24	<i>pretty/prettiest</i> ‘милый, симпатичный’	15

Мы также проанализировали представленность наиболее частотных прилагательных, определяющих диминутивы, в каждом идиоме. Так как объем подкорпусов по странам различается, в табл. 2 представлена частотность в ipm – количество вхождений единицы на миллион словоупотреблений (этот показатель отмечен в скобках).

Частотность оценочных прилагательных, определяющих диминутивы, в национальных разновидностях английского языка Южного полушария

Прилагательное	Австралия	Новая Зеландия	Южная Африка
<i>beautiful</i> 'красивый'	86 (0,58)	28 (0,34)	12 (0,26)
<i>poor</i> 'бедный'	84 (0,57)	23 (0,28)	12 (0,26)
<i>good/better/best</i> 'хороший'	57 (0,38)	26 (0,32)	11 (0,24)
<i>happy/happier/happiest</i> 'счастливый'	39 (0,26)	20 (0,25)	8 (0,18)
<i>sweet/sweetest</i> 'сладкий'	35 (0,24)	8 (0,1)	9 (0,2)
<i>cute/cutest</i> 'милый'	26 (0,18)	17 (0,21)	8 (0,18)
<i>gorgeous</i> 'роскошный'	36 (0,24)	9 (0,11)	6 (0,13)
<i>lovely</i> 'очаровательный'	20 (0,13)	11 (0,14)	4 (0,09)
<i>brave</i> 'смелый'	25 (0,17)	6 (0,07)	1 (0,02)
<i>precious</i> 'драгоценный'	18 (0,12)	8 (0,1)	6 (0,13)
<i>dear</i> 'дорогой'	16 (0,11)	12 (0,15)	3 (0,07)
<i>amazing</i> 'удивительный'	22 (0,15)	4 (0,05)	4 (0,09)
<i>dirty</i> 'грязный'	14 (0,1)	11 (0,14)	1 (0,02)
<i>sad</i> 'грустный'	13 (0,09)	9 (0,11)	4 (0,09)
<i>nasty</i> 'скверный'	18 (0,12)	4 (0,05)	2 (0,04)

Чтобы выявить, насколько существенны различия в распределении оценочных прилагательных в рассматриваемых идиомах, была использована логарифмическая функция правдоподобия (англ. *log-likelihood*) [12]. Анализ показал, что отличия между исследуемыми разновидностями не являются статистически значимыми. В целом наши исследования [13; 14] демонстрируют, что специфика диминутивов в национальных разновидностях английского языка наблюдается скорее в структурно-семантическом аспекте, чем в прагматическом.

Что касается качественных характеристик анализируемых конструкций, в первую очередь необходимо отметить, что сочетания диминутивов с прилагательными могут выражать общую и частную оценку. Так, помимо конструкций с прилагательным *good* 'хороший', для выражения общей положительной оценки в нашей выборке также были использованы сочетания с *amazing* 'удивительный', *wonderful* 'замечательный', *cool* 'классный', *brilliant* 'блестящий' и т.п.:

(3) *She has no children of her own but has dedicated her working life to children (she's an awesome teacher) and she is a wonderful auntie to my kids* 'У нее нет своих детей, но она посвятила свою рабочую жизнь детям (она превосходная учительница), и еще она замечательная тетя моих детей'.

(4) *I love watching this **amazing little guy** figure things out about the world around him* ‘Мне нравится наблюдать, как этот удивительный малыш познает окружающий его мир’.

Для выражения общей отрицательной оценки наряду с прилагательным *bad* ‘плохой’ использовались такие единицы, как *nasty* ‘скверный’, *negative* ‘отрицательный’, *disgusting* ‘омерзительный’ и т.п.:

(5) *Just remember the **nasty whitey**'s invented the computer, internet and electricity you are using to write such rubbish* ‘Просто помните, скверные белые изобрели компьютер, интернет и электричество, которыми вы пользуетесь, чтобы писать такую чушь’.

(6) *The **bad little boy** next door froze his tongue to the iron mail-box* ‘Плохой маленький мальчик по соседству приморозил язык к железному почтовому ящику’.

Среди частнооценочных значений прилагательных, определяющих диминутивы, можно выделить значения сенсорно-вкусовой (*pleasant* ‘приятный’, *attractive* ‘привлекательный’ и т.п.), психологической (*interesting* ‘интересный’, *silly* ‘глупый’ и т.п.), эстетической (*beautiful* ‘красивый’, *ugly* ‘уродливый’ и т.п.), этической (*honest* ‘честный’, *spoilt* ‘испорченный’ и т.п.), утилитарной (*dangerous* ‘опасный’, *useless* ‘бесполезный’ и т.п.), нормативной (*normal* ‘нормальный’, *robust* ‘крепкий, здоровый’ и т.п.) и телеологической (*successful* ‘успешный’, *unfortunate* ‘неудачный’) оценки [15, с. 198–200].

Прилагательных, выражающих отрицательную оценку, в нашей выборке оказалось больше (330 негативно-оценочных лексем vs 199 позитивно-оценочных), однако их частотность ниже, чем у прилагательных положительной оценки (851 случай использования негативно-оценочных лексем vs 1243 позитивно-оценочных). Таким образом, несмотря на большее разнообразие прилагательных отрицательной оценки, определяющих диминутивы-наименования лиц, несколько чаще такие единицы все же используются в позитивно-оценочных конструкциях.

В то время как большинство конструкций с прилагательными выражают исключительно положительную (*perfect* ‘прекрасный’, *adorable* ‘восхитительный’) или исключительно отрицательную (*vicious* ‘злой’, *lazy* ‘ленивый’) оценку во всех контекстах, некоторые сочетания могут интерпретироваться двояко. В таком случае определение выражаемого ими оценочного значения возможно только в контексте. В нашей выборке к прагматически неоднозначным были отнесены сочетания с прилагательными *crazy* ‘сумасшедший’ и *poor* ‘бедный’.

В большинстве отобранных контекстов прилагательное *crazy* имеет негативную окраску – используется для критики обозначаемых им лиц:

(7) *So next time you hear the phrase «comrade», don't think that you have been invaded by some **crazy commie!*** ‘Так что в следующий раз, когда услышите слово «товарищ», не думайте, что на вас напали сумасшедшие коммунисты’.

В некоторых случаях, однако, прилагательное *crazy* не выражает отрицательную оценку. В следующем примере *crazy* не указывает на негативные характеристики, а только подчеркивает необычность лиц, их уникальность:

(8) *You have been blessed with two **crazy grannies**. Both very different but they share a unique eccentricity you are going to have to learn how to handle. The both love you – differently but fiercely* ‘Вам повезло иметь двух сумасшедших бабуль. Они очень разные, но у них обеих есть уникальная эксцентричность, с которой вам придется научиться справляться. Они обе любят вас – по-разному, но очень сильно’.

Интересным представляется использование с диминутивами прилагательного *poor* – одного из наиболее частотных в нашей выборке. В большинстве контекстов *poor* употребляется для выражения симпатии и сочувствия к обозначаемому объекту:

(9) *who will protect **poor grannies** from this evil boys* ‘кто защитит бедных бабушек от этих злостных мальчиков’.

Однако в некоторых случаях сочетания с *poor* выражают отрицательную оценку, прежде всего, в ироничных контекстах:

(10) *Oh Kika, you **poor little leftie**, to focus on this single comment and call people names is typical childish acts* ‘Ах вы, бедный левак, Кика, заиклиться на этом одном комментарии и обзывать – это типичное детское поведение’.

Среди других прилагательных такого типа можно выделить также *dainty* (изысканный vs привередливый), *inquisitive* (любопытный vs излишне любопытный, дотошный), *unabashed* (невозмутимый, не растерявшийся vs беззастенчивый, бессовестный) и т.п. В нашей выборке, однако, сочетания с данными прилагательными встретились только один раз и, соответственно, были распределены по категориям в зависимости от выражаемой оценки.

Что касается прагматических характеристик диминутивов, определяемых прилагательными (115 диминутивов, в контекстах которых присутствовали оценочные прилагательные), большая часть единиц (48 %) сопровождалась как позитивно-, так и негативно-оценочными прилагательными (*kiddo* от *kid* ‘ребенок’, *tiny baby* от *baby* ‘малыш’). 29 % диминутивных единиц нашей выборки использовались в конструкциях, выражающих исключительно положительную (*girlie* от *girl* ‘девочка’, *little daughter* от *daughter* ‘дочь’), а 23 % – отрицательную оценку (*commie* от *communist* ‘коммунист’, *little prince* от *prince* ‘принц’). Несмотря на небольшое преобладание в нашей выборке положительно-оценочных единиц, разница между двумя данными категориями не является существенной. Стоит также отметить, что многие диминутивы в иных контекстах могли бы выражать противоположную оценку. Кроме того, некоторые единицы, представленные в словаре с пометами *derogatory* ‘уничижительное’ (*greenie* от *green* ‘зеленый’, *hussy* от *housewife* ‘домохозяйка’) или *offensive* ‘оскорбительное’ (*darkie* от *dark* ‘темный’, *reffo* от *refugee* ‘беженец’), в контекстах нашей выборки использовались также с прилагательными положительной оценки.

Таким образом, анализ контекстов с оценочными прилагательными показал, что в исследуемых идиомах диминутивы-наименования лиц несколько чаще участвуют в выражении положительной оценки. В то же время негативно-оценочные конструкции, в которые входят диминутивы, более разнообразны в качественном отношении. Что касается самих диминутивов, большая часть рассмотренных единиц используется как с позитивно-, так и с негативно-оценочными прилагательными, и это в очередной раз демонстрирует прагматическую амбивалентность большинства диминутивов.

Количественный (статистический) анализ не выявил значимых различий в частотности оценочных прилагательных, определяющих диминутивы, а качественный (контекстуальный) анализ показал функциональную близость сочетаний диминутивов с оценочными прилагательными в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском, что позволяет говорить об одинаковых прагматических характеристиках диминутивов в рассматриваемых идиомах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Biały, P.* On the priority of connotative over denotative meanings in Polish diminutives / P. Biały // *Studies in Polish linguistics*. – 2013. – Vol. 8, № 1. – P. 1–13.
2. *Schneider, K.* Diminutives in English / K. Schneider. – Tübingen : Max Niemeyer, 2003. – 254 p.
3. *Буряковская, А. А.* Диминутивность в английской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Буряковская. – Тула, 2008. – 154 л.
4. *Ponsonnet, M.* A preliminary typology of emotional connotations in morphological diminutives and augmentatives / M. Ponsonnet // *Studies in language*. – 2018. – Vol. 42, № 1. – P. 17–50.
5. *Augustyn, R.* Irony behind diminutives: a cognitive linguistic analysis of popular technical terms / R. Augustyn, A. Gniecka // *Lublin studies in modern languages and literature*. – 2011. – № 35. – P. 31–49.
6. *Derkacz-Padiasek, T. I.* Expressive word-formation (diminutives) in the language of newspapers (on the base of Rzeczpospolita and Gazeta Wyborcza) / T. I. Derkacz-Padiasek // *Наукові записки Нац. ун-ту «Острозька академія»*. – 2011. – Вып. 20. – С. 63–72.
7. *Jurafsky, D.* Universal tendencies in the semantics of the diminutive / D. Jurafsky // *Language*. – 1996. – Vol. 72, № 3. – P. 533–578.
8. *Taylor, J. R.* Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory / J. R. Taylor. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1995. – 328 p.
9. *Louw, B.* Irony in the text or insincerity in the writer? – The diagnostic potential of semantic prosodies / B. Louw // *Text and technology* / ed.: M. Baker, G. Farcis, E. Tognini-Bonelli. – Philadelphia ; Amsterdam : John Benjamins, 1993. – P. 157–176.
10. *Trudgill, P.* New-dialect formation: the inevitability of colonial Englishes / P. Trudgill. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2004. – 180 p.

11. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
12. *Rayson, P.* Extending the cochran rule for the comparison of word frequencies between corpora // P. Rayson, D. Berridge, B. J. Francis // *Le poids des mots: proc. of the 7th intern. conf. on statistical analysis of textual data (JADT 2004)*, Louvain-la-Neuve, Belgium, March 10–12, 2004. – Louvain-la-Neuve, 2004. – Vol. 2. – P. 926–936.
13. *Chudar, A.* Diminutives in Southern Hemisphere Englishes / A. Chudar // *JournalLIPP*. – 2019. – № 7. – P. 60–71.
14. *Чударь, А. Н.* Синтетические диминутивы в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском: структурные особенности / А. Н. Чударь // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки*. – 2020. – № 2. – С. 115–121.
15. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.

The article deals with pragmatic characteristics of diminutives in the Southern Hemisphere Englishes. The analysis of contexts with adjectives shows that diminutives referring to people express positive attitude more often. At the same time, the majority of diminutives can be used both with positive and negative adjectives, which demonstrates their pragmatic ambivalence.

Поступила в редакцию 02.06.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

М. А. Гладко

«НАШИ» – ЦЕННОСТНАЯ ДОМИНАНТА
МЕДИАДИСКУРСА БЕЛАРУСИ XXI ВЕКА

Анализ медиадискурса Беларуси позволил выявить тематические доминанты – маркеры белорусской культуры, представленные в теледискурсе периода 2014–2020 гг. Ключевым вектором информационных потоков является формирование образа «наших» (беларусов) в целом, а также относительно других государств. Культурно-тематическая доминанта «Наши» в современном медиадискурсе используется как идеологема, которая поддерживает существование национальных ценностей, позволяет человеку структурировать понимание себя как представителя конкретной нации. Статья формулирует модель «Наши», наполняющие ее ценностные доминанты: концептуальные; стратегические сценарии; личностного бытия.

Медиадискурс является той универсальной системой, с помощью которой в индивидуальном и массовом сознании формируется картина окружающего мира. По причине огромного количества происходящих в мире событий, мы вынуждены строить свое знание о действительности на медиареконструкциях и интерпретациях, которые в силу самой своей природы идеологичны и культуроспецифичны [1, с. 22]. В XXI в. «глобализация стремится растворить национальную идентичность в общемировых процессах экономизации, демократизации, информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации» [2, с. 26]. Поэтому особое значение приобретает возможность национальных государств, этнических сообществ реконструировать свою историю, формировать или очертить идентичность, чему во многом способствует медиадискурс. Проблема его ценностного содержания выходит на первый план и становится компонентом национальной безопасности страны [3, с. 128].

Медиадискурс вбирает индивидуальное и коллективное сознание. Автор-журналист одновременно демонстрирует возможности своего личностного потенциала и транслирует модели национального мировидения. Обработывая фактуру, соавторы (журналист и герои телепередачи) медиатекста задействуют фоновые знания, которые являются результатом многовекового развития нации. И именно «коллективное знание задает те ориентиры, в соответствии с которыми продуцент текста придает последнему определенную структуру» [4, с. 353].

Проанализировав познавательные, публицистические и хроникально-документальные телепередачи, выпущенные Белтелерадиокомпанией в период 2014–2020 гг., удалось установить, что медиапространство Беларуси наполнено культурно-значимыми ценностно нагруженными темами, которые цементируют прошлое и настоящее нации, являются способом хранения

национальных ценностей, транслируют, очерчивают идеалы и культурное наследие страны: «Беларусь», «Беларусь – Страны мира», «Наши», «Победа – Память». Были выявлены ключевые маркеры белорусского самосознания, закрепленные в медиадискурсе, которые указывают (маркируют) на доминантные установки и ценности современного медиадискурса.

В фокусе внимания данной статьи – знаковая культурно-тематическая доминанта «Наши», которая посредством ресурсов языка, с одной стороны, фиксирует, тиражирует идеалы и систему духовных ценностей социума, формирует у адресата ощущение себя как части нации, с другой – задает конкретный сценарий поведения, отражая типичную модель поведения телегероя. Репрезентация национальных ценностей, стереотипов в СМИ позволяет защищать взгляды и убеждения людей, традиции страны, она создает плодотворную почву для идентификации – конструирования и сохранения важного для нации образа «Мы».

Медиадискурс соткан из «сплава» нарративов, разворачивающихся в его текстовом пространстве. Нарратив – это рассказ, история с определенным сюжетом, с конкретными персонажами [5, с. 57–58]. Через выстраивание линейных нарративов образуется единая уникальная система, внутренние процессы в которой отражают максимально возможное объективное познание мира (через познание авторов-журналистов, очевидцев, «героев», экспертов), т.е. сказывается современное понимание объективной реальности [6, с. 59]. Философы нарратива Ж-Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон отмечают, что нарратив говорит, в каком направлении следует думать о событиях, придавая им определенную эмоциональную окраску [7, с. 61].

Культурно-тематическая доминанта «Наши» (далее КТД) конструируется нарративами, которые повторяются в многочисленных сюжетах белорусских телепередач. Она является ядерным элементом концептуальной структуры медиатекста, используется как средство оказания влияния: данная когнитивная схема выполняет роль ментального средства национальной идентификации, является ключевой для осознания идентичности, помогает очертить особенный облик белорусской нации. Посредством нарративов о героях (персонажах) и их действиях, событиях, актуальных и интересных национальному социуму, в подаче через апелляции к национальным ценностям, в вербальной прорисовке черт характера сознательно выбранных автором «героев», создается образ белоруса. Героями белорусской нации, задающими модель поведения, традиционно являются завоевавшие признание представители искусства, спортсмены, ученые, врачи, бизнесмены, а также сельские труженики, военные, молодые таланты.

Образ «наших» осмысливается через судьбы, лица, складывается из множества «голосов», дополняющих друг друга, подтверждающих правильность мнений и оценок. За счет нарративной полифонии – рассказ героя, близких людей, журналиста – создается «эффект присутствия», который позволяет телезрителю проникнуть в микромир героя. Как правило, многоголосие создается близкими родственниками (родители, преимущественно

мать героя, друзья, реже – коллеги, которые дают оценку личности, действиям героя). Таким образом, как мозаика, собирается воедино характеристика типичного представителя белорусской нации, обрисовываются его типичные переживания.

На основе анализа материала можно сформировать модель КТД «Наши», которую наполняют ценностные доминанты следующих типов: 1) концептуальные; 2) стратегические сценарии; 3) личностного бытия (таблица).

Культурно-тематическая доминанта «Наши»		
стратегические сценарии	концептуальные доминанты	доминанты личностного бытия
покорение мирового пространства	любовь к делу (профессии)	душевность
трудная жизнь – покорение вершин	любовь к Родине	интеллигентность
	верность Родине	ответственность
	семья (мать)	доброта
	единение	трудолюбие
	учение	поддержка
	успех	целеустремленность
		миролюбивость

К о н ц е п т у а л ь н ы е д о м и н а н т ы демонстрируют «совокупность смыслов и всей суммы представлений о важных категориях человеческого бытия» [8, с. 129]. Ценностная детерминация коммуникации обеспечивается на когнитивном уровне языковой личности соответствующими ментальными ресурсами – ценностно мотивированными когнитивными единицами – концептами [9, с. 482]. Создавая нарратив, журналист, герой рассказывают о реальном мире, о собственном и неповторимом опыте. Одновременно журналист, как автор медиатекста, предлагает категориальную канву изложения событий, демонстрирует расстановку «приоритетов языковой личности, которая руководствуется определенными ментальными схемами» [8, с. 129]. Они выступают как «единицы коллективного знания/сознания», позволяющие обрабатывать, хранить и передавать ментальную информацию, закреплённую в национальной культуре [8, с. 129].

Среди концептов, формирующих КТД «Наши», активно представлены «любовь к делу (профессии)»; «любовь к Родине»; «преданность Родине»; «семья» (мать); «единение»; «учение»; «успех». Они отражают специфическое отношение к действительности его носителей, демонстрируют национальные особенности видения себя, собственной значимости и назначения.

Медиапространство тиражирует и фиксирует в национальной картине мира модель, представленную пересечением ценностно значимых концептов «наши (белорусы) – любовь – дело (работа)», «наши – любовь – Родина».

Благодаря многократному повторению этих концептов медиагероями, трансформируется информационный поток в действительно ценную информацию для адресата. При этом ключевым моментом является их языковая репрезентация, артикулированная героями телепередач. Для нее характерна неизменная положительная ассоциативно-семантическая парадигма, построенная преимущественно на эмоциональной лексике, передающей психоэмоциональное состояние человека – *любовь, увлеченность, влюбленность, счастливый*: *Мне помогает в работе большая глубинная любовь к работе* («Беларусы», 06.03.20), *он любит свое дело* («Знай наших», 6.11.14), *Смысл жизни я вижу – любить свою семью, любить свою Родину* («Смысл жизни», 22.02.20), лексике интенсифицирующего содержания: *наша Родина – самая лучшая* («Беларусы», 06.03.20). Сильное внутреннее влечение к своему делу, Родине служит не только индивидуальным концептом в языковой картине медиагероя, но и является своеобразным ключом к созданию образа белоруса, который счастлив своей увлеченностью работой, живет в любимой стране.

Концепты встраиваются в медиаконтент, демонстрируя некий конкретный вектор видения окружающей действительности. Так, в информационном пространстве распространенным является концепт «учение», который подчеркивает необходимость приобретения знаний в процессе становления личности «наших», выделяет важность связи между обучением и достижением успеха: *учился жить, научил наших играть в футбол* («Знай наших», 5.11.14), *жизненный экзамен; Самообразование – это главное, что есть в нашей профессии* («Камертон», 27.05.17).

Характерным для медиадискурса является наличие стержневых ценностных триад «учение – страна (Беларусь) – успех», «учение – наши – успех»: *Это пример нашим людям, которые могут увидеть, что и у нас можно научиться тренироваться* («Наши», 2.05.15); *Я считал, что достаточно получить хороший багаж знаний в Беларуси* («Знай наших», 05.11.14); *Он научил наших играть в футбол* («Знай наших», 5.11.14). Таким образом, медиапространство насыщается смыслом важности обучения, самообразования, и, более того, успешного качественного обучения своих соотечественников – *научил наших, вырастил плеяду лучших, ведущих*. Данные ценностные кластеры позволяют обогатить медиатекст дополнительным смысловым уровнем, формируя образ успешной нации, страны, которые добиваются результатов.

Рекуррентным, дополняющим концепт «любовь к Родине», в медиадискурсе является концепт «верность Родине», понятийная составляющая которого неизменно представлена оппозицией «возможность уехать за границу – предпочтение жить здесь». Особенностью языковой репрезентации «жизни здесь» является сенсорная лексика *ощущать, дышится*, демонстрирующая значимость чувственного опыта говорящего в восприятии родины: *Мне и в Америку предлагали уехать, но для меня мой учитель – все... Меня все спрашивали: Почему ты не уезжаешь? А как я уеду? У меня же сердце здесь* («Камертон», 27.05.17), *Я давно мог бы уехать. Но тут как-то*

дышится по-другому («Смысл жизни», 11.01.20). Особенностью репрезентации концепта «верность Родине» является то, что для номинации объекта не используется лексема *Беларусь*, а, преимущественно, неопределенные пространственные наречия *тут, здесь*, дескриптивные конструкции *там, где родился, там, где живешь*, что, вероятно, свидетельствует о том, что для белорусов ценностно значимо место проживания, а не страна.

В медиасюжетах последних четырех лет (2016–2020) архитектура «Наших» все более активно складывается из вкрапления ценностно нагруженного концепта «единение», который отражает национальный характер белорусского общества: *Если надо что-то сделать для своей alma mater, моментально все объединяются, все болеют за дело – это сближает* («Беларусы», 06.03.20); *Мы едины, единой целью живем* («Беларусы»,); *Он работает в команде, поэтому переживает за команду* («Наши», 29.04.19). Как видим, языковыми маркерами являются глаголы семантики объединения, защиты *объединяются, сближаются, защитит (себя, свою семью)*, эмотивные глаголы. Единение белорусы демонстрируют при достижении целей в процессе труда, в сложных ситуациях. При этом наблюдается глубокая связь ценностных доминант, формирующая дуплеты: «семья – единение», «труд – единение», «единение – достижение цели».

Стратегический сценарий представляет собой описание хода событий, которое фактически является рекомендацией о том, как себя вести, чтобы достичь той или иной цели. Это правила поведения в обществе, выражающие его ценностные ориентиры. Согласно концепции М. Е. Литвака сценарии формируются культурно заданными жизненными моделями и выбором [10, с. 356].

Медиадискурс Беларуси отражает идеологические предписания обществу: достижение целей, успеха, борьба с трудностями на этом пути, покорение мирового пространства (вывод страны на общемировую арену).

Проанализированные медианарративы описывают личность, достигшую жизненного успеха благодаря учению, интенсивному труду, целеустремленности и поддержке семьи. Иными словами, в современном информационном пространстве Беларуси конструируется и тиражируется нарратив успеха, преодоления жизненных трудностей путем интенсивной работы, а также демонстрации преимущественно душевных качеств (доброта, душевность), связанных с моральными ценностями и ценностями самовыражения.

Ценностно нагруженный сценарий «трудная жизнь – покорение вершин» повествует о динамичности жизненного пути конкретного человека, выборе и принятии им жизненно важных решений. В своем исследовании психолог В. В. Нуркова отмечает, что культурный жизненный сценарий личности обусловлен культурным контекстом, отражает социальную типизацию жизненного пути. Жизненный сценарий воплощается в биографическом нарративе, «в котором слиты воедино типизированные, культурно специфические сценарные воспоминания, воспринимаемые субъектом как собственные, и индивидуальные события и ситуации его жизненного опыта» [11, С. 2].

Стратегический сценарий «трудная жизнь – покорение вершин» отличается высокая номинативная плотность отрицательно заряженных лексических маркеров с семантикой «борьба», «трудности», создающих кластер с лексикой боли и страдания: *были тяжелые моменты в жизни, боролась за мечту, преодоление страха и боли ради новой жизни, мои старания и страдания*. При этом данные темы создают сценарную дихотомию «трудности, тяжелая жизнь – достижения/успех», формирующую в итоге положительный сенсорный фон. Таким образом, задается сценарий поведения белоруса: преодолевая трудности, он все-таки добивается успеха, поставленных целей. Окончательная победа «героя» над трудными обстоятельствами формируется посредством лексического кластера «глаголы покорения (содержат семы преодоления, борьбы) + существительные семантики наибольшей результативности»: *добился великих результатов, мне хотелось чего-то добиться, покорил вершины; Если он поставит какую-то цель, то обязательно достигнет* («Наши», 2.05.15).

В информационном пространстве Беларуси периода 2016–2020 гг. прочно закрепляется метафора «покорение белорусами мирового пространства»: *покоривший поклонников американской легенды* («Наши», 20.11.2015), *сумел покорить сердце одной из самых ярких актрис России* («Наши», 08.11.2015); *Ей удалось покорить крупнейший конкурс по боди-арту, а ее маски мечтают примерить мировые модели* («Наши», 16.12.2016). Как отмечает белорусский философ В. Акудович, «никогда прежде белорусы не имели своего государства, отсюда и размытая идентичность, которая только теперь начинает приобретать четкие формы» [12]. Республика Беларусь – молодая независимая страна, для которой значимо признание на международной арене в различных областях жизнедеятельности человека, что активно выделяется смысловым полем медиапространства. Подобные повторяющиеся когнитивно-языковые структуры позволяют зрителю соотнести привлекательный медиаобраз с собственной жизнью и уподобить свое существование предлагаемому образцу.

Подводя итог, отметим, что выявленные культурно-тематические доминанты демонстрируют национально-культурную специфику структурирования медиадискурса Беларуси. В настоящее время Беларусь находится на стадии формирования национальных интересов. Ключевым вектором информационных потоков является формирование образа самой Беларуси, образа «наших» (белорусов) в целом, а также относительно других государств. Культурно-тематическая доминанта «Наши» в современном медиадискурсе используется как идеологема, представляет собой важный ценностно значимый конструкт, который поддерживает существование национальных ценностей, позволяет человеку структурировать понимание себя как представителя конкретной нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 202 с.
2. *Коротин, В. О.* Национальная идентичность в современно обществе в условиях глобализации // Вестн. Поволж. ин-та управления. – 2015. – № 2(47). – С. 109–111.
3. *Ерофеева, И. В.* Маркеры русской культуры в современном медиатексте / И. В. Ерофеева // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 127–136.
4. *Залевская, А. А.* Психоллингвистические исследования. Слово / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
5. *Клушина, Н. И.* Медиастилистика : как устроен современный медиастиль / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 55–60.
6. *Брокмейер, Й.* Нарратив : проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
7. *Качанов, Д.* Нарратив в мультимедийных журналистских проектах : от вербальной к поликодовой технике / Д. Качанов // Медиаальманах. – 2019. – № 1. – С. 59–69.
8. *Ерофеева, И. В.* Нарратив «Восток – Запад» как способ национальной идентификации в российских СМИ / И. В. Ерофеева // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7, № 1. – С. 76–86.
9. *Сидорова, Н. А.* Ценностно-когнитивные основания речевой коммуникации / Н. А. Сидорова, Ю. Д. Лопатина // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр. Вып. 2. – М. : КДУ, Добросвет, 2018. – 200 с.
10. *Литвак, М. Е.* Как узнать и изменить свою судьбу / М. Е. Литвак. – Ростов н/Д, 1997. – 494 с.
11. *Нуркова, В. В.* Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, № 25. – С. 2.
12. *Акудович, В.* Особенности белорусской национальной идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dw.com/ru>. – Дата доступа : 2.03.2020.

The analysis of the media discourse in Belarus revealed the cultural thematic dominants, which are markers of Belarusian culture, presented in the television discourse during the period between 2014 and 2020. The cultural and thematic dominant “Us (Belarusians)” is used as an ideologeme that supports the existence of national values, allows a person to shape their understanding of themselves as a representative of a particular nation.

Поступила в редакцию 17.04.2020

Т. В. Скрёбнева

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО ИМЕННИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье устанавливаются особенности именника жителей Витебского района (Республика Беларусь) в гендерном аспекте. Сопоставляется статистическая структура женской и мужской подсистем сельского и городского антропонимикона во 2-й половине XX в., определяется их региональное своеобразие как части языковой системы приграничной территории.

Вопросы, связанные с исследованием гендера, актуальны в различных научных областях – философии, социологии, экономике, истории, культурологии, психологии, дискурсологии, лингвистике.

Историей становления и изучения гендерных проблем и понятий в языкознании занимались многие исследователи (А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, Е. С. Зиновьева, А. Г. Шилина, Е. И. Семиколенова, А. Г. Кирова, Т. А. Зиновьева, Т. П. Дежина, Н. Г. Божанова и др.). Признанным авторитетом в области гендерной лингвистики пользуются труды проф. А. В. Кирилиной, отсылку к ним можно обнаружить во многих статьях теоретического толка. А. В. Кирилина выделяет 3 этапа в формировании гендерных исследований: 1) алармистский, когда фокус внимания был сконцентрирован на андроцентрическом отклонении в общественных науках, акцентировалась дефектность патриархатной эпистемологии; 2) период феминистской концептуализации, основной задачей которого выступало разоблачение мужского доминирования в общественной и культурной жизни. В этот период возникает понятие «гендер» как концепт, призванный подчеркнуть социальный характер отношений между полами и исключить биологический детерминизм; 3) постфеминистский, характеризующийся проверкой гипотез, выдвинутых представителями феминистской лингвистики, появлением «мужских исследований», кросскультурной и лингвокультурологической ориентированностью исследований гендера [1, с. 4–7]. Автор подчеркивает, что практически все области языка как системы и языка в его функционировании поддаются изучению в гендерном аспекте [1, с. 10].

Ономастический материал, насыщенный национально-культурной, социальной, а также индивидуально-личностной информацией, в современных научных работах также выступает объектом анализа с позиций гендерного подхода. Изучению гендерных отношений в виртуальном антропонимиконе англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов посвящена диссертация Т. В. Аникиной [2]. Описывая и систематизируя гендерно маркированные языковые средства в поэтических текстах М. Цветаевой, исследователь Л. А. Ермакова [3] уделяет внимание репрезентации гендерных оппозиций в ономастическом пространстве лирики поэта.

В статье И. А. Лисовой [4] прослеживается то, как гендерный фактор влияет на формирование функциональных парадигм неофициальных форм парных имен (*Александр – Александра, Евгений – Евгения* и др.) жителей

Белорусского Поозерья. Семантические и грамматические характеристики неофициальных антропонимов Смоленска (на примере прозвищ), сформировавшиеся в связи с проявлениями гендера, рассмотрены в исследованиях Н. А. Родиной [5].

Особенности проявления гендера в виконимии Беларуси на материале Гомельской и Гродненской областей представлены в работе М. Л. Дорофеевко: мемориальные отантропонимные виконимы, мотивированные женскими и мужскими именованиями, распределены по смысловым группам [6]. И. А. Лисова, М. Л. Дорофеевко – ученицы профессора А. М. Мезенко, руководителя витебской научной школы «Актуальные проблемы ономастики». Среди многочисленных исследований проф. А. М. Мезенко также встречаются работы, выполненные в русле рассматриваемого направления: в частности, одна из них посвящена репрезентации гендерных отношений в годонимии Витебщины [7].

На Полотчине проблемами гендерной лингвистики и ее раздела ономастики активно занимается М. Д. Путрова; в ряде исследований автора прослеживаются особенности использования антропонимов в коммуникативном процессе представителями обоих полов [8].

Кроме того, в современном научно-информационном пространстве представлены изыскания, связанные с отражением гендерных представлений и стереотипов в ономастических системах зарубежья (в частности, в антропонимии немецкого языка – работы Ю. Г. Куровской, Л. М. Сапожниковой; в китайской антропонимии – Ван Юйхуна и др.).

Очевидно, что применение гендерного подхода в ономастике способствует расширению ее методологических возможностей и углублению содержательной интерпретации процесса номинации, однако комплексные обобщающие исследования по обозначенной проблематике к настоящему времени пока не реализованы, имеющиеся научные работы, как правило, регионально ориентированы и узконаправлены.

В данной статье мы ставим целью установить особенности сельского именника Витебщины во второй половине XX в. в рамках гендерного подхода.

Актуальность исследования определяется его соответствием лингвосоциологической и лингвокультурологической «малым» парадигмам языкознания, включенным в общую антропоцентрическую парадигму; недостаточной изученностью сельских антропонимиконов Витебского региона.

Материалом исследования послужил список личных имен жителей Витебского района – административно-территориальной единицы на востоке Витебской области Республики Беларусь. Методом сплошной выборки из книг записи актов гражданского состояния (Архив органов ЗАГС Главного управления юстиции Витебского облисполкома) (6 годовых контрольных срезов) нами было выделено 80 мужских и 96 женских личных имен. Общее количество проанализированных актов записей – 3 629, из них за новорожденными девочками закреплено 1 776, а за мальчиками – 1 853 записи. Хронологические рамки исследования охватили 50-летний период в новейшей истории (1944–1994), насыщенный социальными потрясениями и переменами.

Изучение статистической организации регионального сельского антропонимикона основывается на частном приеме количественно-качественного метода, предложенном В. Д. Бондалетовым [9]. Деление числа рожденных за тот или иной отрезок времени на количество именованных этого временного промежутка позволяет вычислить СКО (средний коэффициент одноименности), в соответствии с которым осуществляется разбивка массива личных именованных на частые / популярные (число именованных совпадает либо превышает СКО), редкие (число именованных меньше СКО), единичные.

Ранее нами были исследованы особенности антропонимикона г. Витебска во второй половине XX в. в динамическом и социолингвистическом аспектах [10], имеющиеся результаты будем использовать в сопоставительных целях.

Представим количественные параметры женской и мужской подсистем антропонимиконов города и села во второй половине XX в. в табл. 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Изменение состава и СКО мужских подсистем антропонимиконов жителей г. Витебска и Витебского района (соответственно)

Срезы по годам	Новорожденные мальчики, кол-во	Кол-во именованных	СКО (Витебск)	Новорожденные мальчики, кол-во	Кол-во именованных	СКО (Витебский р-н)
1944	487	65	7	210	43	4
1954	1562	62	25	388	41	9
1964	1759	66	26	482	41	11
1974	2137	59	36	259	32	8
1984	1979	68	29	298	38	7
1994	1120	77	14	216	47	4

Т а б л и ц а 2

Изменение состава и СКО женских подсистем антропонимиконов жителей г. Витебска и Витебского района (соответственно)

Срезы по годам	Новорожденные девочки, кол-во	Кол-во именованных	СКО (Витебск)	Новорожденные девочки, кол-во	Кол-во именованных	СКО (Витебский р-н)
1944	471	83	5	190	49	3
1954	1579	81	19	356	42	8
1964	1706	73	23	444	47	9
1974	1996	72	27	310	41	7
1984	1851	83	22	288	41	7
1994	1005	99	10	188	46	4

Как можно заметить, мужской именник села на пяти контрольных срезах количественно уступает женскому, при этом разница между числом имен новорожденных мальчиков и девочек составляет от 9 (срез 1974 г., максимум) до 1 (срез 1954 г., минимум) единицы. В 1994 г. мужской антропонимный репертуар на 1 единицу превосходил женский.

Если говорить о городской антропонимии, то там суммарный разрыв между числом мужских и женских именованных более выражен в пользу последних, его максимум – 22 единицы – приходится на 1994 г., а минимум – 7 единиц – на срез 1964 года. В Витебске в 70–90-е гг. XX в. разница в количестве мужских и женских личных имен неуклонно увеличивается, тогда как в Витебском районе она фактически сводится на нет.

Наблюдение за изменением СКО показывает, что направленность тенденции к концентрации именника на определенных исторических этапах в городе и селе аналогична. Различие состоит в том, что: 1) снижение концентрации отмечено в селе на десятилетие раньше (с 1974 г., в г. Витебске – с 1984 г.); 2) в мужских антропонимиконах показатель одноименности, как правило, выше, нежели в женских, что свидетельствует о большей номинативной нагрузке на личное имя, однако в Витебском районе это числовое превалирование незначительно, максимально составляло 2 единицы в 60-е гг., а в 80-е и 90-е гг. СКО в группах мужских и женских имен одинаков (1984 г. – 7, 1994 г. – 4).

В мужском антропонимиконе более весомой является группа «сквозных» именованных – 18,7 % (15 единиц); они отмечены на каждом контрольном срезе и поддерживают преемственность традиций номинации среди разных поколений сельчан: *Александр, Алексей, Анатолий, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Дмитрий, Иван, Леонид, Михаил, Николай, Павел, Сергей*. В женском антропонимиконе Витебского района к «сквозным» относятся 12,5 % (12) имен: *Анна, Валентина, Екатерина, Елена, Жанна, Людмила, Мария, Надежда, Наталья, Ольга, Светлана, Татьяна*.

В антропонимной системе г. Витебска диспропорция и процент «сквозных» мужских (19,04 % – 28 единиц) и женских (11,84 % – 25) именованных в общем соответствуют показателям по Витебскому району.

В качестве официальных женских имен в Витебском районе зафиксированы гипокористики: *Лена* (1964), *Лида* (1944, 1954), *Лиля* (1944), *Люба* (1944), *Феня* (1944), *Наташа* (1954), квалитатив *Марфуша* (1944). В основной массе они отмечены в период немецкой оккупации и первое послевоенное десятилетие, когда вопросы грамотности административных работников были не первостепенными и в официальное употребление проникали фонетические, морфологические варианты имен. Устойчивостью в сельском именнике отличается сокращенная форма *Рита*, закрепленная за новорожденными девочками в 1964, 1974, 1984 и 1994 годах. В мужской подсистеме официального именника мы обнаружили всего две уменьшительные формы – *Алекс* (1944) (вероятнее всего, производное от имен *Александр* либо *Алексей*) и *Гера* (1964). Возможно, диспропорция в числе

мужских и женских гипокористических имен связана с традиционными представлениями о маскулинности и фемининности. По наблюдениям А. Вежбицкой, полные имена включают в свой семантический инвариант компонент серьезный (*я хочу говорить с тобой так, как не говорят с детьми...*, маркированные формы) либо квазисерьезный (*я не хочу говорить с тобой так, как говорят с детьми*, немаркированные формы) [11, с. 111–112]. В официальном контексте они полностью вписываются в стереотип маскулинности, так как не маркируют близость. Семантический инвариант кратких основ включает отсылку к детям, что, думается, нехарактерно для именованной мужчины в официальной ситуации, не согласуется со стереотипизированными представлениями о «мужском».

Витебщина является приграничным регионом, история и современность которого тесно связаны со Смоленщиной. В Смоленском государственном университете под руководством профессора И. А. Королёвой проводится широкий спектр исследований в области ономастики. В частности, И. В. Данилова осуществила изучение динамики личных имен смолян в XX веке. Контрольные срезы, выделенные И. В. Даниловой, отстоят от срезов по г. Витебску на 4 года. Это дает возможность сопоставить количественные параметры женских и мужских подсистем антропонимиконов жителей Витебщины (см. табл. 1 и 2) и Смоленщины (данные почерпнуты из коллективной монографии смоленских ученых [12, с. 162–187]). Для мужского именника смолян во второй половине XX в. характерны следующие показатели: 1948 г. – общее количество имен 44 / СКО 43; 1958 г. – соответственно 45 / 67; 1968 г. – 63 / 40; 1978 г. – 63 / 53; 1988 г. – 69 / 51; 1998 г. – 78 / 25. В женском именнике Смоленщины количественные характеристики такие: 1948 г. – общее количество имен 67 / СКО 27; 1958 г. – соответственно 59 / 47; 1968 г. – 75 / 31; 1978 г. – 80 / 39; 1988 г. – 93 / 38; 1998 г. – 106 / 17. Находясь под воздействием общих антропонимных тенденций, имея сходные характеристики (в частности, большее разнообразие и меньшую концентрацию женского репертуара имен по отношению к мужскому), сравниваемые антропонимиконы имеют и региональные отличительные особенности, одна из которых – существенно более низкая концентрация женской и мужской подсистем антропонимиконов у жителей Витебского района и витеблян, нежели у смолян.

Интересные данные о влиянии гендерных представлений на функционирование имен в сельских регионах России можно найти в энциклопедии «Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре» (2005). Жизненно необходимым для младенца было не только иметь имя, но и знать свое родство – родителей, их имена. С этой целью совершался обряд «откликания» новорожденных путем выкрикивания имен родителей. В разных губерниях он мог иметь отличия по форме, но суть была одна – ввести новорожденного в систему родственных связей. Например, в Астраханской губернии «бабка топает ногою и называет отцово имя, отчего малютка должен показать признаки жизни» [13, с. 410–411]. Как правило,

детей начинали называть по имени с подросткового возраста, а до этого доминировали обращения, в которых отсутствовало указание на пол: *детка, ребятня, мелочь, челядь, горох*. В номинациях подростков присутствовали суффиксы с уменьшительным и ласкательным значением: *Дунька, Клавдюшка, Машуня*. Взрослых девушек на выданье называли полным именем, иногда с отчеством [13, с. 169].

Во время полевых исследований Н. Сивицкая в деревнях Глубокского района Витебской области зафиксировала народные наименования замужних женщин, которые выступают своего рода показателем социального благополучия брака. Если брак в глазах социума был удачным, к личному имени женщины добавлялось имя мужа: *Иванава Стася, Мішава Надзя, Петрачкова Аня*. Женщины, чей муж отличался психофизическими особенностями, отрицательными моральными качествами, а также вдовы именовались по следующей модели: фамилия мужа плюс дериват **-ых / -их** (так называемые андронимы): *Пачочыха, Будчыха, Кастыліха* [14]. Проблема отражения системы представлений белорусов об окружающем мире в неофициальной онимии занимается Г. К. Семенькова. Исследователь утверждает, что наиболее распространены на Витебщине являются отыменные и отфамильные прозвища. Многие женские прозвища образованы от имен, фамилий и прозвищ их мужей, например: *Пеціха* ('жена Пети'), *Сеньчыха* ('жена Сеньки'), *Каніха* ('жена мужчины с прозвищем Конь Деревянный'). Зафиксированы прозвища женщин, образованные от имени отца (*Сцепанішка, Цімхоўна, Паўлючкова*), а если ребенок воспитывался без отца – от имени матери (*Марылішка* – 'дочь Марыли') [15, с. 92]. Очевидно, что в этой группе ономастической лексики проявляется приоритетность мужского начала: женские номинации выступают производными от мужских.

Перспектива дальнейшего исследования сельского именника жителей Витебщины в гендерном аспекте видится в анализе функционирования мужских и женских именовании в различных коммуникативных сферах.

Таким образом, сельский официальный именник во 2-й половине XX в., если рассматривать его сквозь призму гендерного подхода, проявляет сходство с городским, сохраняя при этом свою специфику. Как и в городе, мужской именник в селе, казалось бы, более концентрирован и количественно уступает женскому, в нем весомее группа «устойчивых» личных именовании, однако диспропорция численного состава и показателя одноименности в его мужской и женской частях менее выражена, а на некоторых срезах незначительна. На зависимость функционирования антропонимии в регионе от гендерных проявлений указывают полевые лингвистические исследования, в которых косвенно затрагивается данный вопрос. Проявление гендерных особенностей можно наблюдать как на уровне статистической структуры именовании, так и в его качественном наполнении (в частности, на примере имен-гипокористик). Рассматриваемая проблема, безусловно, имеет широкие перспективы исследования и требует дальнейшей углубленной междисциплинарной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирилина, А. В.* Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А. В. Кирилина // Гендер и язык. Антология / науч. ред. и сост. А. В. Кирилина. – М. : Яз. слав. культуры, 2005. – 624 с. – С. 1–11.
2. *Аникина, Т. В.* Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Т. В. Аникина; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 25 с.
3. *Ермакова, Л. А.* Гендерно маркированные языковые средства в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. А. Ермакова. – Ярославль, 2018. – 22 с.
4. *Лисова, И. А.* Особенности функциональных парадигм парных имен жителей Белорусского Поозерья / И. А. Лисова // Вестн. НГУ. Сер. История. Филология. – 2014. – Т. 13, вып. 2: Филология. – С. 99–102.
5. *Родина, Н. А.* Гендерный аспект бытования молодежных прозвищ (на примере прозвищ г. Смоленска) / Н. А. Родина // Вестн. МГОУ. Сер. Русская филология. – 2014. – № 1. – С. 71–75.
6. *Дорофеенко, М. Л.* Виконимия Гомельской и Гродненской областей в гендерном аспекте / М. Л. Дорофеенко // Слова ў мове, маўленні, тэксце : зб. навук. арт. маладых вучоных-філолагаў. – Брэст, 2012. – С. 43–45.
7. *Мезенко, А. М.* Реализация гендерных отношений в годонимии / А. М. Мезенко // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 2007. – № 3 (45). – С. 53–58.
8. *Путрова, М. Д.* Ужыванне імя ўласнага на Полаччыне // Мова – літаратура – культура: матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Мінск, 16–17 ліст. 2006 г. / Бел. дзярж. ун-т ; у аўтар. рэд. – Мінск : Права і эканоміка, 2007. – С. 178–181.
9. *Бондалетов, В. Д.* Русская ономастика: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
10. *Скребнева, Т. В.* Антропонимикон современного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах (на материале русскоязычных личных имен г. Витебска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. В. Скребнева; БГУ. – Минск, 2010. – 23 с.
11. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание : сб. ст. / А. Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М. : Рус. слов., 1997. – 411 с.
12. *Королёва, И. А.* Имена на Смоленщине: история и современность: учеб. пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / И. А. Королёва, И. В. Данилова, А. Н. Соловьёв ; отв. ред. И. А. Королёва. – Смоленск : СГПУ, 2005. – 196 с.
13. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энцикл. / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина [и др.] ; науч. ред. И. И. Шангина. – СПб. : Искусство, 2005. – 688 с.

14. *Сівіцкая, Н.* Уплыў гендарных стэрэатыпаў і міфалагічных уяўленняў на фармаванне беларускіх народна-дыялектных назваў асобы / Н. Сівіцкая // Шосты Міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы. – Каўнас, Lithuania, 2017. – Т. 6 – С. 238–242.

15. *Семянькова, Г. К.* Неафіцыйнае імянаванне жыхароў Віцебшчыны і светапогляд беларусаў / Г. К. Семянькова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 2002. – № 2. – С. 89–94.

The article establishes the gender characteristics of the residents of Vitebsk region (Belarus). The statistical structures of the female and male subsystems of rural and urban anthroponymicons in the 2nd half of the 20th century are compared, their regional originality is determined as part of the language system of the border territory.

Поступила в редакцию 29.04.2020

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**Н. Г. Швец****СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА**

В статье решаются задачи построения семантической модели взаимосвязи вербальных и невербальных составляющих рекламного объявления. Предлагается верифицированная методика установления корреляций между вербальным и невербальным (изображением) компонентами креолизованного текста, основанная на определении их близости через максимальное число совпадений опорных слов вербальной составляющей и дескрипторов, описывающих изображение. Продемонстрирована эффективность применения тезаурусного подхода к формализации содержания изображения.

Исследование механизмов порождения и восприятия смысла креолизованных текстов представляет особый интерес в связи со стремительным развитием современных информационных технологий, направленных на решение проблем автоматизированной обработки семиотически неоднородных массивов информации.

Текст и изображение по физической структуре представляют собой два разных типа информации: прерывный (знаковый) и непрерывный (аналоговый) соответственно. Принципы восприятия человеком знаковой и аналоговой информации во многом отличаются. На расшифровку текста требуются время и усилия, а аналоговая информация (образ), напротив, быстро «узнается» на уровне сознательного внимания и напрямую (без декодирования) воспринимается подсознанием. При этом восприятие аналоговой информации не носит четко обусловленного характера и не подчиняется определенно заданным правилам [1, с. 16].

Начало научному осмыслению креолизованных текстов было положено в работах по семиотике, в которых изображения рассматривались как особая знаковая система. Объектом исследования семиотики текста, помимо изучения невербальных средств письменного текста, является и «весь этот текст как единое целое, образуемое из синтеза вербальных и невербальных знаков, а также характер взаимоотношений и взаимодействий этих знаков в оптимальном изображении и передаче информации» [2, с. 39].

К креолизованным текстам относится и печатное рекламное объявление (РО), в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата. Исследователи отмечают, что эффективное сочетание в рекламе вербального знака и иллюстрации возможно лишь в результате длительной работы по разработке композиции РО. И проблема такого эффективного сочетания остается серьезной проблемой для современной лингвистической науки.

Цель настоящего исследования – найти оптимальный способ взаимосвязи вербальной составляющей РО и иллюстрации этого РО и представить ее в виде алгоритма.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена, во-первых, неослабевающим интересом к анализу самых разных аспектов рекламного дискурса, который во многом стимулирует современные исследования в области анализа дискурса в целом; во-вторых, значимостью исследований механизмов порождения и восприятия смысла креолизованных текстов, в которых в рамках единого сообщения сплетены элементы различных семиотических кодов; в-третьих – необходимостью разработки способов формального представления содержания таких текстов.

Материалом исследования послужили печатные РО на русском языке, взятые из различных журналов за 2000–2019 годы. В качестве источников использовались русскоязычные версии журналов “Cosmopolitan”, “Woman”, “ELLE”, “Burda”, журналы «Натали», «Домашний очаг», «Лиза» и др. Всего для анализа было отобрано 1 000 РО по теме «Косметика и парфюмерия», содержащих изображение и достаточно большую вербальную часть (длиной от трех и более абзацев).

Гипотезой исследования стало предположение о том, что, представляя содержание текста РО в виде определенного набора главных и второстепенных опорных слов, а содержание иллюстрации РО – в виде многоуровневого комплекса дескрипторов, можно определить близость этих содержаний через максимальное число совпадений опорных слов и дескрипторов с учетом их степени важности.

Для того, чтобы проверить данную гипотезу, нужно построить семантическую модель взаимосвязи вербальных и невербальных составляющих РО, решив следующие задачи:

- 1) выделить основные составляющие РО;
- 2) найти наиболее оптимальный для достижения поставленной цели формальный способ представления основного содержания текста РО;
- 3) выявить наиболее эффективный для достижения поставленной цели способ формального представления содержания иллюстрации РО;
- 4) разработать лингвистическую базу знаний, содержащую формальные описания текстов и изображений исследуемых РО;
- 5) разработать формальную модель, позволяющую автоматически выбирать для заданного текста РО возможную по содержанию иллюстрацию;
- 6) проверить эффективность работы созданной модели с помощью компьютерной программы.

Конкретизируя в целях нашего исследования понятие *рекламное объявление*, будем называть им семиотически неоднородный текст, содержащий вербальный (словесный) компонент (непосредственно рекламный текст) и визуальный (невербальный) компонент (изображение), представленный в письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, направленный на донесение до адресата определенной информации с целью привлечения внимания к тому или иному виду товара.

С точки зрения композиционной организации в тексте РО можно выделить следующие основные логико-семантические составляющие:

1) привлекающий компонент – заголовок, который выражает основную идею текста;

2) разъясняющая часть – основной рекламный текст (или информационный блок), который развивает положения, выдвигаемые в заголовке;

3) управляющий компонент – слоган и эхо-фразу, которые задают алгоритм действий адресата.

Невербальный компонент РО могут составлять: фотографии, рисунки, фирменный знак, национальная символика, схема, чертеж, диаграмма, шрифт, цветовое оформление, декоративные элементы, а также сегментация текста, пробелы, знаки препинания, заглавные буквы, искажения орфографии, т.е. все то, что придает тексту прежде всего зрительную выразительность. В настоящем исследовании во внимание принимается лишь одна невербальная составляющая РО – иллюстрация, которая может быть представлена в виде фотографии, рисунка, схемы.

В большинстве случаев в изображениях РО используется конкретная внешняя наглядность, представляющая определенные предметы рекламы, людей, ситуации (например, демонстрация товара в процессе его использования, иллюстрирование характеристик товара и т.д.) [3].

Однако изображение в РО может иллюстрировать передаваемый смысл не только прямо, но и косвенно, например, когда изображенные предметы или ситуации не имеют «портретного» сходства с передаваемым содержанием, а являются его образным эквивалентом. Кроме того, в рекламе могут быть использованы рисунки с намеком на какое-то действие, т.е. с неразвернутой ситуацией. В таких случаях мы имеем дело с внутренней наглядностью, которая представляет собой сумму индивидуального опыта реципиента и в силу этого его персонального осмысления изображенной ситуации. Внутренняя наглядность основывается на образе представления и домыслах во всем их богатстве и разнообразии, так как неразвернутость ситуации является предпосылкой для самого широкого использования домысла, фантазии.

Таким образом, можно выделить РО с жестким (прямолинейным) смыслом, в которых используется конкретная внешняя наглядность изображения и РО с многозначным (неясным, расплывчатым) смыслом, в которых приводятся изображения с неразвернутой ситуацией.

Для решения следующей задачи нашего исследования необходимо, прежде всего, определить понятие *основное содержание текста*. Под ним понимается совокупность знаменательных слов, несущих основную семантическую нагрузку в тексте, формирующих в сознании адресата то же представление об описываемом фрагменте ситуации, которое вложил в текст автор [4].

Детальный анализ различных современных подходов к способам формального представления основного содержания текста позволил нам сделать вывод, что формальное представление основного содержания текста является эффективным и легко реализуемым на компьютере при учете общей частоты употребления знаменательного слова и всех его словарных и контекстуальных замен в тексте и его абзацах.

Вследствие того, что определение основного содержания текста путем использования одной группы методов не обеспечивает удовлетворительного качества результатов, такие методы, как правило, дополняют друг друга. Методика комбинированного подхода к представлению основного содержания текста, сочетающая в себе элементы статистического и позиционного методов извлечения основной смысловой информации, позволяет существенно повысить корректность автоматического извлечения ключевых слов.

Тема текста (или его основное содержание) может быть представлена в виде таблицы основного содержания текста, основными компонентами которой являются опорные слова, разделенные в соответствии с предметными свойствами своих референтов на группы слов (слова-объекты, слова-признаки, слова-действия и прочие слова). В результате были получены такие таблицы для текстов 1000 РО.

Таким образом, в нашем исследовании основное содержание анализируемых текстов РО представлено формальным образом с помощью набора главных и второстепенных опорных слов, дополненных ключевыми словами из заголовков РО. Эти слова несут основную семантическую нагрузку в тексте, обеспечивая становление и развитие темы. Преимущество выбранной нами методики состоит в возможности классифицировать слова конкретного текста в зависимости от степени их важности для семантической структуры текста по нескольким группам, а также в гибкой применимости данной методики к текстам РО с разным количеством абзацев.

Среди возможных способов формального представления иллюстрации нами используется тезаурусное представление изображения как способ, позволяющий учесть не только доминирующие, но и второстепенные черты изображения. Оно позволяет описать иллюстрацию в виде некоторого набора слов (дескрипторов) и отношений между этими словами в рамках некоторой предметной области.

В настоящем исследовании разработана методика тезаурусного описания изображений РО по теме «Косметика и парфюмерия», включающая следующие этапы [5].

1. Выявление языкового, денотативного и коннотативного содержаний для каждого изображения исследуемых РО.

2. Определение дескрипторов, образующих первый уровень тезауруса.

3. Выделение следующих типов отношений между дескрипторами: ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, СОМАТЕМА – ПРИЗНАК, СОМАТЕМА – ДЕЙСТВИЕ, ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК, ОБЪЕКТ – ДЕЙСТВИЕ, АССОЦИАЦИЯ.

4. Систематизация отношений типа СОМАТЕМА – ПРИЗНАК по ряду параметров (цвету форме и т.п). Такие параметры были выделены для описания следующих соматем: «Женщина», «Волосы», «Глаза», «Губы», «Зубы», «Кожа», «Лицо», «Нос», «Ресницы», «Тело (Фигура)».

5. Систематизация отношений типа ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК по следующим параметрам: «форма», «цвет», «содержимое», «название», «фирма-изготовитель».

В результате использования тезаурусного подхода были построены многоуровневые тезаурусные описания изображений 1 000 РО в виде некоторого набора слов (дескрипторов) и отношений между этими словами. Пример одного из таких описаний представлен в табл. 1.

Таблица 1

Пример тезаурусного представления иллюстрации РО

Дескриптор (уровень тезауруса)	Мероним (уровень тезауруса)	Признак (уровень тезауруса)	Действие (уровень тезауруса) (ассоциация)
Женщина (1)	Голова (2) Руки (2)		
Фрукты (1)	Апельсины (2) Лимоны (2) Черника (2) Витамины (2)		
Баночка (1)	Крем (2)	Белая (2) Цилиндрическая (2) Раскрытая (2)	
Голова (2)	Лицо (3) Волосы (3)		
Руки (2)	Персик (3)		
Витамины (2)			Воздействуют на кожу (3) (эластичность и молодость кожи)
Крем (2)		Synergie – Сияние Витаминов (Сияние Витаминов Synergie) (3) Garnier Paris (Гарнье Париж) (3)	
Лицо (3)	Кожа (4) Улыбка (4)		
Персик (3)	Витамины (4)	Румяное (4) Свежее (4)	Соприкасается с кожей лица (5) (свежесть лица; лицо румяное, как персик)
Кожа (4)		Молодая (5) Свежая (5) Эластичная (5) Нежная (5) Увлажненная (5) Красивая (5) Румяная (5) Сияющая (5)	

Следующая задача исследования была связана с поиском наиболее эффективного формального способа взаимосвязи содержания вербальной составляющей и иллюстрации РО. Для этого был предложен принцип максимального совпадения семантических вех вербального компонента (опорных слов) и изображения (дескрипторов) на разных уровнях семантической значимости этих единиц. Этот принцип и стал основой формальной модели семантической взаимосвязи двух исследуемых частей РО.

Под формальной моделью взаимосвязи текста и иллюстрации РО в настоящем исследовании принято представление этой связи на лексико-семантическом уровне в виде алгоритма [6].

Для реализации алгоритма в виде компьютерной программы была создана база знаний, состоящая из следующих компонентов:

1) текстов РО, отобранных для компьютерного эксперимента, относящихся к трем предметным областям «Крем для лица», «Шампунь», «Краска для волос»;

2) изображений к текстам исследуемых РО;

3) таблиц основного содержания исследуемых рекламных текстов, заданных в виде перечня главных и второстепенных опорных слов каждого такого текста;

4) формальных представлений изображений исследуемых РО, заданных в виде тезаурусных описаний этих изображений.

Построенный алгоритм был реализован в виде компьютерной программы, написанной на языке C#.

В процессе тестирования работы программы были получены результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Результаты тестирования компьютерной программы

Предметная область	Кол-во проанализированных текстов РО	Кол-во безошибочно выбранных иллюстраций, %
Шампунь	74	85
Крем для лица	66	88
Краска для волос	60	86
Всего	200	86

Анализ результатов работы программы свидетельствует о достаточно высокой эффективности разработанной формальной модели: количество случаев, когда пара «текст – изображение» была точно восстановлена, составило 86 %.

В предложенной нами схеме есть два важных субъективных фактора: первый – это тот, кто создает изображение РО (назовем его Иллюстратор), и тот, кто описывает изображение с помощью тезауруса (назовем его Эксперт).

Если и Иллюстратор, и Эксперт профессионально выполняют свои функции (хорошо обучены), то пара «текст – изображение» восстанавливается. Именно это и показал эксперимент. Однако возможны погрешности при сравнении формальных представлений текста и изображения РО, которые составили 14 %.

Если Иллюстратор плохо обучен, то содержание иллюстрации РО плохо соответствует содержанию текста. В связи с этим пара «текст – изображение» не восстановится, даже если Эксперт справится со своей задачей хорошо.

Если Иллюстратор обучен хорошо, то содержание иллюстрации соответствует содержанию текста РО. И тогда все зависит от компетентности Эксперта. Если тезаурусное описание будет хорошим, то пара «текст – изображение» восстановится. Если Эксперт плохо обучен, то возникает большее количество ошибок в выборе иллюстрации. Именно об этом говорят результаты второго проведенного нами эксперимента (табл. 3), когда в роли Экспертов выступали студенты 5 курса факультетов английского, немецкого, романского языков и межкультурных коммуникаций МГЛУ, которые описали с помощью тезаурусного подхода 200 изображений РО, используя разработанную нами методику.

Таблица 3

Результаты второго эксперимента

Предметная область	Кол-во проанализированных текстов РО	Кол-во безошибочно выбранных иллюстраций, %
Шампунь	74	75
Крем для лица	66	77
Краска для волос	60	74
Всего	200	75

Таким образом, экспериментально-опытная проверка предлагаемой модели показала, что существует взаимосвязь вербального текста и иллюстрации РО продемонстрировала эффективность применения тезаурусного подхода к формализации содержания изображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенкин, Ю. Ю. Психотехнологии в рекламе / Ю. Ю. Гребенкин. – Новосибирск: Издат. дом «РИФ-плюс», 2000. – 214 с.
2. Плотников, Б. А. Семиотика текста: Параграфемика: учеб. пособие / Б. А. Плотников. – Минск.: Высш. шк., 1992. – 190 с.
3. Ромат, Е. Реклама / Е. Ромат. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
4. Швеиц, Н. Г. Определение основного содержания текстов рекламных объявлений / Н. Г. Швеиц // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 16–17 апр. 2002 г.: в 3 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т; отв. редактор Н. П. Баранова. – Минск, 2003. – Ч. 2. – С. 82–87.

5. Швец, Н. Г. Формальный способ представления изображений рекламных объявлений в виде тезауруса / Н. Г. Швец // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 2. – С. 161–171.

6. Швец, Н. Г. Информационная система семантического поиска изображения к тексту рекламного объявления / Н. Г. Швец // Системный анализ и прикладная информатика. – 2019. – № 4. – С. 62–68.

The article addresses the problem of constructing a semantic model of the relationship between verbal and non-verbal components of an advertisement. A verified method is proposed for establishing correlations between the verbal and non-verbal (image) components of a creolized text, based on determining their similarity through the maximum number of matches of the reference words of the verbal component and descriptors describing the image. The effectiveness of applying the thesaurus approach to formalizing image content is demonstrated.

Поступила в редакцию 09.06.17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

П. П. Жаўняровіч

ЛІНГВІСТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ РЭДАГАВАННЯ ЭСЭ У. КАРАТКЕВІЧА

В статье рассматриваются лингвистические аспекты редактирования эссе В. Короткевича, напечатанных в 1960–1980 гг. и претерпевших значительные текстовые изменения. Исследование показало, что они, кроме экстралингвистических причин, свидетельствуют о субъективном подходе редакторов к лингвистической правке, о нивелировании авторского стиля, о желании перестраховаться, если речь шла о критике существующего порядка вещей. В результате исследования обнаружены многочисленные правки на лексическом, грамматическом, орфографическом уровнях, которые были сделаны без соответствующего редакторского анализа и учета авторского стиля.

Творчасць Уладзіміра Караткевіча ахоплівае шырокі жанравы дыяпазон, а публіцыстычная спадчына не мае аналагаў у беларускай літаратуры. Пісьменнік практычна першы звярнуўся да жанру эсэ, імкнучыся праз яго распавесці пра гісторыю і сучаснасць Беларусі, выказаць сваё меркаванне наконт наяўных у грамадстве праблем. Аднак моўнае афармленне эсэ У. Караткевіча не заўсёды адпавядала рэдактарскаму бачанню, у выніку чаго ў творах праводзіліся шматлікія праўкі, якія разбуралі і нівельвалі аўтарскі стыль. Мэта даследавання – выявіць нематываваныя праўкі і паказаць іх уплыў на вербальную прэзентацыю аўтарскай інтэнцыі.

Стварэнне і публікацыя эсэ У. Караткевіча адносіцца да перыяду 1960–1980-х гадоў. Не выклікае сумненняў, што большасць змяненняў (скарачэнняў фрагментаў, абзацаў, сказаў і іх частак) мае ідэалагічныя прычыны, г. зн. носіць экстралінгвістычны характар. Напрыклад, эсэ «Казкі Янтарнай краіны» скарочана больш чым на 30 %, эсэ «Званы ў прадоннях азёр» – на 20 % па патрабаваннях цэнзараў Галоўліта (Галоўнага ўпраўлення па ахове дзяржаўных тайн у друку пры Савеце Міністраў БССР). Прывядзем толькі адзін прыклад скарачэння: у эсэ «Казкі Янтарнай краіны» антырэлігійную прапаганду ў СССР пісьменнік з уласцівай яму іроніяй характарызуе наступным чынам: *Мы ўпарта змагаемся з сектамі і з опіумам рэлігіі: выпускаем фільмы, якіх веруючыя не глядзяць, чытаем антырэлігійныя лекцыі, на якіх дыхаюць ад нудоты мужі* (К4, с. 42), і такое выказванне не застаецца па-за ўвагай цэнзараў і ліквідуецца (К3, с. 39).

Аднак іншыя змяненні праводзіліся ў часопісах, газетах, зборніках рэдактарамі, якія ажыццяўлялі рэдактарскі аналіз і на падставе яго – наступную праўку мовы і стылю твора. Як адзначаў М. М. Сікорскі, вучэбны дапаможнік якога «Тэорыя і практыка рэдагавання» (1980) можна лічыць заключным этапам распрацоўкі гэтай комплекснай навуковай галіны ў савецкі час, «паспяхова праўцы перашкаджаюць у роўнай ступені і грэбаванне ўсталяванымі правіламі граматыкі, нарматыўнай сталістыкі; і дагма-

тычнае прытрымліванне іх без уліку канкрэтных акалічнасцей, без глыбокага ведання, разумення, тонкага пачуцця мовы, правільных да яе адносін» [1, с. 267]. З улікам таго, што моўна-стылістычная праўка часта мела суб'ектыўны характар (праз разнастайныя адносіны асобных рэдактараў), эса У. Караткевіча зведвалі такія змены, якія з сённяшняга пункту гледжання часам немагчыма растлумачыць, а вот класіфікаваць іх можна наступным чынам.

1. Скарачэнне частак сказаў. Па-першае, такія змены ліквідуюць дакладнае апісанне падзеі, характару, краявіду – тое, што аўтар шляхам вербальнай прэзентацыі думкі перадае праз тэкст. Напрыклад, *Ля магілы галосяць і разгойдваюцца* (К4, с. 132); *Ля магілы галосяць* (К3, с. 70) (наведванне цыганамі магілы свайго вярхоўнага суддзі, падчас якога яны не толькі *галосяць*, але і, паводле свайго звычаю, *разгойдваюцца*); *Аж тры замкі на невялічкі кавалак сігулдскай даліны: у Сігулдзе, на Турайдскай гары і яшчэ на нейкім узгорку, назву якога я забыў* (К4, с. 50); *Аж тры замкі на сігулдскую даліну: у Сігулдзе, на Турайдскай гары і яшчэ на нейкім узгорку, назву якога я забыў* (К3, с. 42) (знята інфармацыя пра велічыню даліны або толькі пра частку яе). Нельга выключыць і тое, што гэтыя скарачэнні дыктаваліся загадзя абгавораным аб'ёмам публікацыі.

Па-другое, ліквідаваны часткі сказаў, якія маглі пэўным чынам закрануць рэдакцыі часопісаў (выяўлялася самацэнзура). Дарэчы тут прывесці словы З. П. Матузава, тады дырэктара выдавецтва «Мастацкая літаратура», «асноўны вытворчы прынцып якога гучаў так: “Нас ніколі не білі за тое, што мы выкінулі, б'юць за тое, што пакідаем”» [2, с. 94]. Напрыклад, верагодна, праз нежаданне наклікаць на сябе крытыку, што не выконваюцца пастановы Камуністычнай партыі і ўрада аб антыалкагольнай прапагандзе, скарачаецца сказ: *Тут некалькі прадпрыемстваў, у прыватнасці спіртзавод* (К4, с. 213); *Тут некалькі прадпрыемстваў* (К2, с. 395). Пісьменнік часта звяртаецца да стану помнікаў гісторыі і культуры, і рэдактары, пабойваючыся, скарачаюць частку сказа, у якім гаворыцца пра знікненне ахоўнай шыльды: *Як быццам справа ў шыльдзе, а не ў справе рукатворнай і чалавечай* (К4, с. 134); *Як быццам справа ў шыльдзе, а не ў справе* (К3, с. 72).

2. Праўка на лексічным узроўні. Яна, з аднаго боку, закранае недакладна выкарыстаныя У. Караткевічам словы (у асноўным русізмы), а з другога – сведчыць пра самавольства рэдактараў, пра няўменне зразумець аўтарскі стыль і прапанаваць праўку, якая будзе арганічна ўпісвацца ў тэкставую тканіну.

2.1. Ліквідацыя аўтарскіх неалагізмаў. Узнікненне кожнай новай лексемы ў нацыянальнай мове выклікаецца ў першую чаргу неабходнасцю даць найменне пэўнаму прадмету, з'яве, прымеце, дзеянню, якія функцыянуюць у ментальным кантэксце народа і патрабуюць адпаведнай рэалізацыі ў якасці знакавага комплексу – слова з адпаведным семным нападуненнем. Калі ж падобнае слова належыць пярэдняму творцы і не адзін раз зафіксавана ў яго тэкстах, гэта дае падставы для даследавання

такога феномена і выяўлення месца лексемы ў слоўнікавым складзе беларускай мовы. Наш паэт-мысляр Алесь Разанаў у скандэнсаванай форме выказаў слушныя думкі адносна семантыкі ў сваіх зномах: «Не толькі паняцце ўцелясняецца ў слова, але і наадварот – слова здабывае паняцце. ...Слова, назваўшыся, арэчаўляецца сэнсам, значэннем» [3, с. 214]. Асобныя вектары дзвюх галін семантыкі – анамасіялогіі і семасіялогіі – у такім выпадку не ідуць паралельна, а ўзаемадзейнічаюць, дапамагаючы як найлепш спазнаць глыбінныя сувязі складовых (атамарных) частак пэўнай лексемы.

Так сталася з лексмай *прыўкрасны*, якая найперш асацыіруецца з творчай спадчынай У. Караткевіча. Знаёмячы чытача з Мінскам у эсэ «Зямля пад белымі крыламі», пісьменнік адзначае: *Гораду-герою належыць быць прыўкрасным. І ён прыўкрасны* (К4, с. 281; К2, с. 464). Меліяратыўная лексема *прыўкрасны*, паўтораная двойчы і вынесена ў рэму выказвання, яшчэ больш актуалізуецца, прымушае ўважлівага суразмоўцу задумацца над кантэкстуальным семантычным нападзеннем слова і над неабходнасцю яго існавання ў мове. Для рэдактара немагчыма абысці ўвагай словы М. Цікоцкага пра тое, што «пры ўвядзенні неалагізма ў мову трэба вызначыць, наколькі ясна і дакладна ён выражае паняцце, ці сапраўды мова мае патрэбу ў ім, ці правільна ён утвораны і ці лёгка ўспрымаецца» [4, с. 77].

Мяркуем, што У. Караткевіч глыбока ўсведамляў працэсы міжкультурнай і міжмоўнай камунікацыі, бо сам быў асобай шматмоўнай, і разумеў, што пры супастаўленні блізкароднасных рускай і беларускай моў, як і любых іншых, узнікаюць семантычныя лакуны, запаўненне якіх аб'ектыўна выклікае разнастайныя страты ў адной з моў. Руская лексема *прекрасный* гістарычна суадносіцца з прыметнікам з прыстаўкай *пре-*, якая, паводле В. У. Вінаградава, «абазначае гранічнае суб'ектыўнае ўзмацненне меры якасці ў параўнанні з нормай» [5, с. 212]. Адпаведна «Русско-белорусский словарь» фіксуе пераклад названай лексемы трансфармаванай у сінтагму з узмацненнем семантыкі прыметніка пры дапамозе прыслоўя меры: '(вельмі) прыгожы; (вельмі) добры, выдатны, цудоўны' [6, с. 907]. Далучанае да прыметніка прыслоўе *вельмі* са значэннем 'надта, у вялікай ступені' [7, с. 455] не можа цалкам ураўнаважыць семантычную эквівалентнасць з элятывам, а складальнікі слоўніка палічылі магчымым *вельмі* ўзяць у дужкі, паказваючы такім чынам яго факультатыўнасць.

Эсэ (кніга) «Зямля пад белымі крыламі» апублікавана ў 1977 г., і да таго часу У. Караткевіч здолеў пераканаць рэдактараў, што ён мае права на выкарыстанне лексемы *прыўкрасны*. Але ў эсэ, напісаных і надрукаваных раней, знаходзім наступныя праўкі: *Ва ўсякім разе, гэта прыўкрасна* (К4, с. 302) і *Ва ўсякім разе, гэта вельмі прыгожа* (К2, с. 486); *У Рызе самыя лепшыя ўсмішкі, самыя наважныя рабочыя, што з незапомных часоўносяць знак сваёй цэхавай годнасці – шапкі з нізкім казырком; у Рызе самыя ветлівыя і спакойныя прахожыя і самыя прыўкрасныя дзеці на зямлі* (К4, с. 13) і *...самыя цудоўныя дзеці на зямлі* (К3, с. 15); *Але Прага, несумненна,*

самы прыўкрасны з гарадоў, у якіх яму даводзілася жыць (К5, с. 153) і *Але Прага, несумненна, цудоўнейшы з гарадоў...* (К3, с. 297) і інш. Сёння лексема *прыўкрасны* ўключана ў «Слоўнік новых слоў беларускай мовы» [8, с. 289].

Некаторыя лексемы, якія выкарыстоўвае пісьменнік у эсэ, не фіксуецца слоўнікамі беларускай мовы, але пашыраныя ў Прыдняпроўі (адкуль родам У. Караткевіч) і, як ні дзіўна, пакідаюцца рэдактарамі без змен, напрыклад: *Умелы спаймае і вудай...* (К4, с. 246; К2, с. 428).

2.2. Нематываваныя сінанімічныя замены. Ствараючы тэкст, пісьменнік робіць своеасаблівую селекцыю (магчыма, і падсвядома) тых лексем, якія найбольш поўна могуць выявіць яго думку. Значыць, рэдактару трэба вельмі абачліва падыходзіць да аналізу семантычных (стылістычных) асаблівасцей таго складніка пэўнага сінанімічнага рада, які выкарыстаў аўтар. Напрыклад, у сказе *Хата ў Цімахвея Шэлеста, мужчыны нестарага, зграбнага, хоць і худаватага, была на дзве паловы* (К4, с. 156) зроблена наступная праўка: *Хата ў Цімахвея Шэлеста, мужчыны нестарага, зграбнага, хоць і худаватага, была на дзве палавіны* (К3, с. 88) і прычыну можна патлумачыць толькі наяўнасцю стылістычнай паметы: «**ПАЛЮВА**, -ы, ж. (разм.). Тое, што і *палавіна* (у 1–3 знач.)» [7, с. 537]. Аднак хіба аўтар не мае права выкарыстоўваць у эсэ гутарковыя словы? Ды і форма ўласнага імя *Цімахвей* якраз стасуецца са стылем выказвання.

У сказе *І які ідзе паўз нас плывучы магазін з дробным часцікам, акавітай, журавінавым напоем* (К4, с. 118) таксама праведзена замена: *...акавітай, журавінавым напіткам* (К3, с. 59). Ужыванне лексемы *напой* актуалізавалася ў канцы ХХ ст., і сёння яна кадыфікавана як стылістычна нейтральная: «Тое, што і *напітак*» [7, с. 465], але ў час напісання эсэ «Званы ў прадоннях азёр» (1969) і пазней у савецкі час не фіксавалася слоўнікамі [гл. 9, с. 422].

З сінанімічнага рада *дзьмухавец – адуванчык* У. Караткевіч абірае другую лексему, прычым змяняе прэфікс *а-* на *аб-* (*абдуванчык*), справядліва лічачы словаформу з *аб-* «больш беларускай» (параўн.: *абдзьмуць, абараць* і г.д.). Слова *абдуванчык* прыйшло да чытача толькі з выданнем у 1987–1991 гг. Збору твораў пісьменніка (у 8 т.), і то не ва ўсіх выпадках. Напрыклад, апублікаванае ў № 6 часопіса «Беларусь» за 1980 г. эсэ «*Адуванчык на кромцы вады*» (К5, с. 481) у рукапісе мае назву «*Абдуванчык на кромцы вады*» (К2, с. 274; К5, с. 232). У эсэ «*Зямля пад белымі крыламі*» зроблена іншая замена: *Сам двор парос травой, пахучымі дробнымі рамонкамі, вясною – залатымі манетамі абдуванчыкаў* (К4, с. 234) і *...залатымі манетамі дзьмухаўцоў* (К2, с. 416).

Да нематываваных сінанімічных замен можна аднесці таксама *застанецца* → *астанецца*, *дзівотны* → *дзівосны*, *пешыу* → *пеша*, *жораваў* → *жураваў* і інш.

2.3. Замена эўфемізмамі слоў і выразаў. Падобныя замены, безумоўна, адпавядалі тагачасным патрабаванням прыгладжанасці маўлення, адсутнасці ў ім грубых або непажаданых слоў ці словаспалу-

чэнняў. Але У. Караткевіч, філолаг па адукацыі, сам цудоўна разумеў, як найбольш поўна можа выявіць сваю думку. У эсэ «Абраная» ён канстатуе, што *высакародныя пісьменнікі ніколі не пісалі такіх «дарослых» кніг, якія сорамна было б даць дзіцяці* (К4, с. 422). А вядомы расійскі тэарэтык рэдагавання А. Э. Мільчын сцвярджаў, што ў рэдактара «ў барацьбе за правільнасць маўлення часам выяўляюцца і зацвярджаюцца рысы пурызму, ён ператвараецца ў змагара маўлення дыстыляванага, пазбаўленага натуральнай своеасаблівасці» [10, с. 368]. Менавіта натуральнасць маўлення і ліквідоўвалася ў прыжыццёвых публікацыях У. Караткевіча. Напрыклад: *Як гэта яму: бачыць у дуброве замест ласінага памёту каровіны праснакі* (К4, с. 401) і *...замест травы і моху каровіны праснакі* (К3, с. 190); *Едуць бабулі ў бурках, і дзяўчаты ў джынсах, і маладзёны ў куртках пад скуру і з кудламі па дупу* (К4, с. 407) і *...кудламі да спіны* (К3, с. 196).

2.4. Лексічныя замены, якія змяняюць сэнс. Праўкам эсэ У. Караткевіча ў некаторых выпадках немагчыма даць тэарэтычнае абгрунтаванне. Напрыклад, у сказе, апісваючы адзенне палескай бабулі, аўтар выкарыстоўвае парцэляванае параўнанне: *Нібы прыйшла з сярэдніх вякоў у сваім, з ног да галавы напеўным, народным уборы* (К4, с. 77), а ў надрукаваным тэксте знаходзім: *...з ног да галавы напэўным, народным уборы* (К1, с. 303). Рэдактар, відаць, проста «не расчытаў» сказ, не зразумеў сутнасці эпітэта *напеўны* ‘падобны на песню’. Сказ *На рацэ сіверка, над ракой шэранькі дзень і рэдкія, халодныя кроплі дажджу* (К4, с. 406) пасля праўкі набыў наступную форму: *На рацэ Сіверка, над ракой...* (К3, с. 195). Лексема *сіверка*, хутчэй за ўсё, мае значэнне ‘халодны вецер’ (у мове ёсць лексемы *сіверна*, *сівераць*), а ператварылася ва ўласную назву ракі, якая ніяк не ўпісваецца ў структуру сказа.

3. Праўка на граматычным узроўні. Рэдактары ў эсэ У. Караткевіча актыўна змянялі формы часцін мовы, часам не заўважаючы таго, што сапраўды патрабавала праўкі. У прыватнасці, формы назоўніка *човен* (*чоўна*, *чаўны*, *чаўноў*) [7, с. 925; 9, с. 871] у адзіночным ліку пакідаліся нязменнымі: *Два чаўны, злучаныя платформай, і катэр цягне іх, а з аднаго чаўна вычэрпваюць вядром тарфяную ваду* (К3, с. 61) і *...а з аднаго чоўна вычэрпваюць вядром тарфяную ваду* (К4, с. 122).

У той жа час камусьці з рэдактараў не падабалася парадыгма скланення назоўніка *любоў* (*любві* і *любові* [7, с. 406; 9, с. 368]), і на свой густ правіўся сказ: *І паўстае перад вачыма «містычная», змрочна-жорсткая ад любві паэзія «Велікаго ляха» – аднаго з найбольшых дзіваў у паэзіі* (К5, с. 57) → *...ад любві паэзія «Велікаго ляха» – аднаго з найбольшых дзіваў у паэзіі* (К3, с. 137). Слоўнікі кадыфікуюць варыянтную форму творнага склону назоўніка *вока* ў адзіночным ліку (*вачамі* і *вачыма* [7, с. 146; 9, с. 139]), а рэдактары змяняюць аўтарскую: *Цяпер я «палюю» сваімі вачыма, кадрамі ў маім фотаапарате або з нажом у кошыку на грыбным «ціхмяным паляванні»* (К5, с. 240) → *Цяпер я «палюю» сваімі вачамі, кадрамі...* (К3, с. 281).

Рэдактары не пакідалі па-за ўвагай канчаткі назоўнікаў у родным склоне множнага ліку, адхіляючы любую магчымасць варыянтнасці: *Не будзем*

баяцца словаў «паратунак прыроды» (К5, с. 237) і ...*баяцца слоў «паратунак прыроды»* (К3, с. 278); *Але ж Влтава плыла і тады, як цяпер, варушачы косы водарасцяў і адбіваючы нясмела першыя прамяні сонца* (К5, с. 154) і ...*косы водарасцей і адбіваючы нясмела першыя праменні сонца* (К3, с. 297) і інш.

Сустракаюцца трансфармацыі сінтаксічнай структуры сказаў. Напрыклад, як ставіцца да змены ў сказе [*Служыце*] *Браслаўшчыне, Прыпяці, Дняпру, Гарыні – вячэрняму пылу на дарогах, на якіх вечна ступаць босым чалавечым нагам* (К5, с. 235) → ...*вячэрняму пылу на дарогах, на якім вечна ступаць босым чалавечым нагам* (К3, с. 276)? У аўтарскім сказе цалкам зразумела, што злучальнае слова ў месным склоне з прыназоўнікам дапасуецца да назоўніка *дарогах*, у папраўленым – да назоўніка *пылу*. Сумнеўна, што такая была аўтарская задума. Спроба рэдактара «ўдасканаліць» сказ у наступным выпадку выклікала незваротныя страты сэнсу: *Чорныя дрэвы прысадаў і садоў гнуліся і мялі неба, а хаткі і дамы спалі ў іхняй засені пад спевы ўрагану* (К4, с. 459) → *Чорныя дрэвы прысадаў і садоў гнуліся і мялі, неба і дамы спалі ў іхняй засені пад спевы ўрагану* (К3, с. 203).

4. Праўка на арфаграфічным узроўні. Гэты від праўкі ўваходзіць у службовыя абавязкі не толькі рэдактараў, але і карэктараў, таму пераважна ўсе змены зроблены ў адпаведнасці з тагачаснымі арфаграфічнымі нормамаі, якія былі найбольш поўна кадыфікаванымі. Напрыклад, у машынапісе: *І абедзве неабходныя* (К4, с. 658), у першапублікацыі: *І абедзве неабходныя* (К4, с. 422); у машынапісе: *І гэта, не глядзячы на тое, што «гістарычнага» ў ім – акрамя антуражу ды мовы – уласна няма, а ёсць разважанні аб мастацтве* (К5, с. 306), у першапублікацыі: *І гэта няглядзячы на тое, што...* (К3, с. 305) і інш.

Аднак звяртае на сябе ўвагу наступная асаблівасць гэтага віду праўкі: У. Караткевіч у 1960 – 1980-я гг. выкарыстоўвае арфаграмы, кадыфікаваныя толькі ў новай рэдакцыі Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі [11], якія дзейнічаюць з 2010 года. Атрымліваецца, што ў прыжыццёвых выданнях арфаграмы выпраўляліся, а ў новым Зборы твораў (у 25 т.), які выдаецца з 2012 г., вяртаецца аўтарскі варыянт. Сярод такіх арфаграм можна адзначыць:

– правапіс лічэбнікаў (яканне) [11, с. 11]: *дзясятаму забароніш* (машынапіс) (К4, с. 649); *Далёка тут яшчэ да статусу дзяржаўнага парку, калі штраф нават за ўзнятую шышку такі, што дзесятаму забароніш рабіць гэта* (першапублікацыя) (К3, с. 187);

– правапіс *у/ў* на пачатку запазычаных слоў [11, с. 20]: у *Еўропе ўніверсітэтаў* (машынапіс) (К4, с. 646); *Хопіць з Гейдэльберга і аднаго са старэйшых у Еўропе ўніверсітэтаў і славы Г. Гегеля і Р. Бунзена, і славы аднаго з ачагоў гуманізму* (першапублікацыя) (К3, с. 178);

– правапіс *е/э* ў запазычаных словах [11, с. 8]: *адзінкавыя экзэмпляры* (машынапіс) (К4, с. 651); *Часам трапляюцца клёны, ясені, грабы, адзінкавыя экзэмпляры ліпы, гіганцкія вольхі над ляснымі ручаінамі* (першапублікацыя) (К3, с. 191);

– правапіс чаргаванняў *ра(о)/ры, ло/лы: услёск зарыва* (рукапіс) (К5, с. 298); *Яму здавалася, што ён – толькі апошні ўслёск зарава* (першапублікацыя) (К3, с. 132); параўн.: «**ЗАРЫВА**, -а, н. (разм.). Тое, што і *зарава*» [7, с. 280];

– правапіс блізкіх па значэнні да прыслоўяў спалучэнняў назоўніка з прыназоўнікамі [11, с. 61]: *на дзіва зажуранае* (рукапіс) (К5, с. 327); *Возера чыстаплёснае, верасовае і лугавое на берагах, надзіва зажуранае* (першапублікацыя) (К3, с. 155);

– правапіс суфіксаў дзеясловаў [11, с. 32–33]: *Чалавек запраграмаваны* (рукапіс) (К5, с. 388); *Чалавек запраграміраваны для свежай вады, абмытай дажджом зеляніны, чыстага наветра* (першапублікацыя) (К3, с. 276); параўн.: «**ЗАПРАГРАМАВАЎ** гл. праграмаваць» [7, с. 277].

Такім чынам, праведзенае даследаванне сведчыць пра тое, што рэдагаванне ў савецкі час у многіх выпадках насіла суб’ектыўны характар, а праўкі не ўзгадняліся з аўтарам. Экстралінгвістычнымі прычынамі змен былі як патрабаванні Галоўліта, так і самацэнзура рэдактараў. Падобныя адносіны да знакамітых пісьменнікаў прыводзілі да творчых крызісаў і расчаравання ад немагчымасці штосьці змяніць. Паводле А. Э. Мільчына, «нельга не прызнаць справядлівым незадаволенасць аўтараў рэдактарамі за праўку, што скажае сэнс і стыль, за бязглуздыя заўвагі, за няўважлівыя і непаважлівыя адносіны да сябе, за сілавое навязванне рашэнняў, з якімі аўтар не згодны» [10, с. 28]. З улікам таго, што эсэ як жанр публіцыстыкі дазваляў У. Караткевічу знаходзіцца ў курсе тагачасных падзей і пэўным чынам уплываць на іх, крэатыўны складнік тэкстаў не адыгрываў значнай ролі, а на першае месца выходзілі рэцэптыўная ўстаноўка на актуалізацыю патэнцыйнага суразмоўцы і жаданне быць пачутым. Матываваны выбар лінгвістычнай адзінкі ў эсэ прэзентуе аўтарскія інтэнцыі і садзейнічае ўсталяванню меншай адлегласці паміж аўтарам і чытачом, а гэта з’яўляецца адной з галоўных перадумоў эфектыўнасці публіцыстычнага дыскурсу. У. Караткевіч стаў першапраходцам у выкарыстанні пэўных лексем, граматычных формаў і арфаграм, якія ў наш час занялі трывалае месца ў сістэме беларускай мовы і ўжо кадыфікаваны лінгвістычнымі даведнікамі.

ЛІТАРАТУРА

1. Сикорский, Н. М. Теория и практика редактирования : учеб. пособие / Н. М. Сикорский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1980. – 328 с.
2. Гужалоўскі, А. А. Чырвоны аловак: Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР: у 2 кн. Кн. 2 (1943–1991 гг.) / А. А. Гужалоўскі. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – 320 с.
3. Разанаў, А. Паляванне ў райскай даліне / А. Разанаў. – Мінск : Мастац. літ., 1995. – 287 с.

4. *Цікоцкі, М. Я.* Стылістыка беларускай мовы / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 294 с.
5. *Виноградов, В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
6. Русско-белорусский словарь: в 3 т. / под ред. А. А. Лукашанца ; НАН Беларуси ; Ин-т языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы. – 10-е изд. – Минск : Беларус. энцикл. им. П. Бровки, 2012. – Т. 2. – 944 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / уклад. І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцикл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
8. *Уласевіч, В. І.* Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.
9. Слоўнік беларускай мовы : арфаграфія, арфаэпія, акцэнтацыя, словазмяненне / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР ; пад. рэд. М. В. Бірылы. – Мінск : БелСЭ, 1987. – 903 с.
10. *Мильчин, А. Э.* Методика редактирования текста / А. Э. Мильчин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Логос, 2005. – 524 с.
11. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. – Мінск : Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2008. – 144 с.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

- K1 – *Караткевіч, У.* Збор. твораў : у 8 т. Т. 2 : Аповесці, апавяданні, казкі / У. Караткевіч. – Мінск : Мастац. літаратура, 1988. – 511 с.
- K2 – *Караткевіч, У.* Збор. твораў : у 8 т. Т. 8, кн. 1 : П’есы, нарыс / У. Караткевіч. – Мінск : Мастац. літ., 1990. – 591 с.
- K3 – *Караткевіч, У.* Збор. твораў : у 8 т. Т. 8, кн. 2 : З жыццяпісу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, постаці, крытычныя творы, інтэрв’ю, летапіс жыцця і творчасці / У. Караткевіч. – Мінск : Мастац. літ., 1991. – 495 с.
- K4 – *Караткевіч, У. С.* Збор. твораў : у 25 т. Т. 12 : Публіцыстыка. Эсэ-нарысы : 1952–1982 / У. С. Караткевіч ; падрыхт. тэкстаў і камент. П. Жаўняровіча ; рэд. тома В. Іўчанкаў. – Мінск : Мастац. літаратура, 2016. – 782 с.
- K5 – *Караткевіч, У. С.* Збор. твораў : у 25 т. Т. 13 : Публіцыстыка. З жыццяпісу. Адказы на пытанні. Эсэ-партрэты. Эсэ-артыкулы. Эсэ-фельетоны : 1957–1982 / У. С. Караткевіч ; падрыхт. тэкстаў і камент. П. Жаўняровіча ; рэд. тома В. Іўчанкаў. – Мінск : Мастац. літаратура, 2016. – 494 с.

The article deals with the linguistic aspects of editing essays by the Belarusian writer Vladimir Korotkevich (1930–1984) when they were published in magazines, collections and newspapers. Numerous unmotivated edits are noted, indicating, firstly, the influence of Soviet censorship on editors and, secondly, their inability to conduct high-quality editorial analysis on lexical, grammatical and orthographic levels. The edits were not consistent with the author’s ideas and destroyed the essence in the verbal array – the intention to influence the reader.

Поступила в редакцию 08.06.2020

Ю. Г. Курилов

ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СТЕФАНА ГЕОРГЕ
В СТИХОТВОРЕНИИ «ПЕСНЯ»
И ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ (ЦИКЛ «НОВОЕ ЦАРСТВО»)

В статье рассматривается стихотворение Стефана Георге «Песня» («Das Lied») из цикла «Новое Царство» («Das Neue Reich») в контексте позднего творчества поэта. Показана творческая эволюция немецкого символиста, которая завершается стремлением уйти от эскапизма, ярко выраженного в ранних сборниках, и появлением нового типа героя, провозглашающего идеи духовного обновления Германии и мира при помощи поэтического Слова. Стихотворение Георге и цикл «Новое Царство» становятся мета-поэтическим пространством, где отражаются эстетические взгляды автора и содержится множество литературных и культурологических аллюзий.

Стефан Антон Георге – выдающийся представитель символизма, импрессионизма, эстетизма, неоромантизма и югендстиля в европейской литературе. Его творчество – один из наиболее значительных художественных феноменов немецкой и мировой литературы, без которого сложно представить целостную картину эпохи модерна. Георге вернул немецкой поэзии общемировое значение, продолжив тем самым традицию признанных мастеров слова: И. В. Гёте, Ф. Гёльдерлина и Новалиса.

Творчество Георге рассматривалось в научных трудах известных немецких и европейских литературоведов. К таковым в первую очередь следует отнести французского исследователя К. Давида (С. David), немецких ученых В. Браунгарта (W. Braungart), Э. Морвица (E. Morwitz) и Т. Карлауфа (T. Karlauf). В белорусском и российском литературоведении поэзия немецкого символиста все еще остается неизученным феноменом. При этом актуальность его лирики подтверждена многочисленными переводами на русский язык, среди которых следует выделить два издания – «Седьмое кольцо» (2009) В. М. Летучего и «Альгабал» (2014) Н. Г. Пилявского. Внимание немногочисленных исследователей (Ю. Л. Цветков, Д. М. Сегал, О. В. Королькова, В. Г. Адмони, Н. С. Павлова, К. М. Азадовский, М. А. Маяцкий, Е. Н. Ницевич) в основном привлекали ранние циклы поэта – яркие произведения европейского декаданта. Тем не менее, Стефан Георге, наряду с Р. М. Рильке и Г. фон Гофмансталем, является одним из ключевых представителей поэзии европейского модерна, поэтому его творческое наследие нуждается в более глубоком и всестороннем изучении.

В последнем цикле «Новое Царство» (*Das Neue Reich*, 1928) С. Георге дописывает символистский миф о Мастере и его учениках, который начал формироваться в цикле «Ковер жизни» (*Der Teppich des Lebens*, 1899) и был продолжен в циклах «Седьмое кольцо» (*Der Siebente Ring*, 1907) и «Звезда Союза» (*Der Stern des Bundes*, 1914). Поэт обращается к творчеству И. В. Гёте и Ф. Гёльдерлина и экспериментирует в жанровой форме гимна, уходящей

своими корнями в традицию философского гимна Ф. Г. Клопштока и позволившей отразить хаос угнетающей действительности, которой противопоставляется мифопоэтический конструктор «Новое Царство».

Цикл «Новое Царство» завершается микроциклом «Песни» (*Lieder*), в котором Георге акцентирует внимание на поисках первооснов бытия, преломленных в магическом акте творчества, и на самой фигуре Поэта, размышляющего о смысле жизни, ее неизбежном окончании и бессмертии поэтического слова. Пять стихотворений из этого микроцикла – «Послушай, что говорит угрюмая земля» (*Horch was die dumpfe erde spricht*), «Безумная странница» (*Die törichte pilgerin*), «Слово» (*Das Wort*), «Кубки» (*Die Becher*), «Ты гибкая и чистая, как пламя» (*Du schlank und rein wie eine flamme*) – были опубликованы в 1919 г., а стихотворение «Морская песня» (*Seelied*) появилось на свет в 1914 году. Тем не менее, Георге решил вновь разместить ранее опубликованные произведения в цикле «Новое Царство», где они вместе с новыми стихотворениями составили последний микроцикл поэта.

К жанру песни Георге обращается и в раннем цикле «Книги пастушьих и хвалебных стихотворений» (*Die Bücher der Hirten und Preisgedichte*, 1895), и в более позднем – «Седьмое кольцо». Подобные творческие опыты были типичными для европейских символистов. Вспомнить хотя бы стихотворения Поля Верлена, которые Георге перевел на немецкий язык. Правда, песни последнего можно рассматривать в качестве таковых с определенной долей условности: «Песни I–VI» из цикла «Седьмое кольцо» не разбиты на строфы, а их метрическая и ритмическая структуры отличаются нарочитой изощренностью. Ситуация меняется в цикле «Новое Царство», где стихотворения гораздо ближе к указанной жанровой форме. Поэт пытается проникнуть в сферу элементарного, первоначального и архетипического. В стихотворении «Кубки» Георге противопоставляет архаический мир магии, символом которого является золотой кубок, миру повседневности и деревянному кубку. Во многих песнях лирический герой томится по сфере абсолютного и загадочного, застывшей в образах *törichte pilgerin* [1, S. 131] ‘безумной странницы’, *kind mit goldnem haar* [1, S. 131] ‘ребенка с золотыми волосами’, *ein schön gesicht* [1, S. 131] ‘прекрасного лица’ и *süsses licht* [1, S. 131] ‘сладкого света’. Искомая гармония воплощается только в поэтическом мире, который становится знаком подлинного и непреходящего.

Стихотворение «Песня» (*Das Lied*) входит в микроцикл «Песни» из цикла «Новое Царство». Название указывает на программный характер исследуемого стихотворения, что подчеркивается использованием определенного артикля. Аналогично поступил И. В. Гёте, опубликовав произведения «Новелла» (*Die Novelle*) и «Сказка» (*Das Märchen*). Примечательно, что в антологии «Немецкая поэзия», подготовленной в сотрудничестве с Карлом Вольфскелем [2], Георге проводит строгие границы между лирическими жанрами: песнями, балладами, элегиями, гимнами, сонетами и одами.

Стихотворение «Песня» сложно переоценить в контексте позднего творчества С. Георге и в качестве своеобразного автокомментария. В формальном плане оно действительно похоже на народную песню: введенная Ф. Г. Клопштоком в немецкую поэзию так называемая «Chevy-chase-Strophe», простая строфическая структура, чередование трех- и четырехстопных ямбических стоп, схема рифмовки – abab. Также стихотворение напоминает балладу – еще один популярный и доступный жанр для широкого круга читателей. Обе жанровые формы идеально подходят для пересказа историй и миметической рецепции, а также открывают для авторского текста в эпоху модерна путь в устную традицию и социальное измерение.

В центре повествования оказывается некий слуга (*knecht*), который в понимании исследователя К. Давида является «символом поэта» [3, с. 345] и может рассматриваться в качестве авторской маски. Благодаря детям последняя песня слуги передается из поколения в поколение. Как и в стихотворениях цикла «Звезда союза», индивидуальный голос полностью растворяется во многозвучии хора и одновременно конституирует социальный круг. В этом плане красноречивый пример – «Декамерон» Дж. Боккаччо, где наррация становится искусством выживания. Да и Шехерезада рассказывает о своей жизни, тем самым устанавливает связь между собой и султаном. Вот и Георге ищет в поэзии перформативный жест, возможность сказать нечто важное тому другому, которого он выделяет из «толпы». Например, в стихотворении «Предостережение» (*Mahnung*) из цикла «Паломничества» (*Pilgerfahrten*, 1891) есть следующие строки: *Du folgst der horde / [...] O überhöre jenen lockungschrei / Und sag nicht dass dein leid dein führer sei / Und wechsel nicht ein würdiges gewand* [4, S. 65]. – ‘Ты следуешь за толпой / [...] О не прослушай тот крик соблазна / И не говори, что страдание станет твоим господином / И не меняй торжественное одеяние’ (Здесь и далее перевод мой. – Ю. К.). В процитированном отрывке прослеживается не только критика общества и эпохи, но и риторический жест с характерной устремленностью к другому, который радикально выделяется из толпы. Этот ницшеанский мотив все более усиливается в творчестве Георге и проявляется в стилизованных под античность стихотворениях «Пастушьих и хвалебных песен» (1895), «Посвящениях» в цикле «Год души» (1897), эстетическом союзе «Круг Стефана Георге» и образе лирического героя в цикле «Ковер жизни» (1899).

Действие в стихотворении «Песня» происходит в некоем чудесном мире. Ассоциативная связь со сказкой устанавливается уже в инципите: *Es war einmal* [1, S. 125] ‘Давным-давно’. Слуга, создатель песни, заблудился в иллюзорном лесу, где и провел семь лет. Стоит отметить, что подобное поэтическое пространство было представлено в ранней лирике Георге: в последнем стихотворении декадентского цикла «Альгабал» (*Algabal*, 1892) – «Взор птицы» (*Vogelschau*) [4, S. 123]. Здесь Георге обыгрывает тему ауспий – гаданий авгуров по поведению птиц: небесная процессия начи-

нается в сфере света и чистоты, символом которой являются белоснежные ласточки, продолжается в экзотическом мире (попугаи и колибри) и обители смерти (мрачные врановые птицы) и завершается полетом ласточек. Стихотворение отличается богатой звуковой инструментровкой: аллитерация на *w* (*weiße schwalben, silberweiß, im winde wiegen, in dem winde*), ассонанс на *i* (*fliegen, sie, sich, im winde wiegen, in dem winde*), аллитерация на *l* (*schwalben, fliegen, silberweiß, hell*). В ассонансах и аллитерациях Георге демонстрирует искусную работу со словом, дистанцирует иллюзорный мир от реального и создает подчеркнуто камерную атмосферу. Стихотворение «Песня» из цикла «Новое Царство» также отмечено различными поэтическими средствами: параллелизмы и анафоры в первой, шестой и восьмой строфах; внутренняя рифма в четвертой строфе (*wer und wär*); многочисленные ассонансы (*recht zu einem Fest, sonn und mond*). Но пространство здесь не камерное, а лиро-эпическое: повествование спокойное и размеренное без метрико-ритмических вариаций и нарастания драматического накала, что подчеркивается анафорой «und» в предпоследней строфе.

Концептуальное отличие между стихотворениями «Взор птицы» и «Песня» (ранним и поздним творчеством) заключается в том, что Георге уходит от эстетики «искусства для искусства» («Kunst für Kunst») и начинает писать в русле «искусства для жизни» («Kunst für Leben»). Если в стихотворениях цикла «Альгабал» заметной была эскапистская тенденция, которая выражалась в конструировании искусственной реальности и пребывании в ней императора, то в позднем творчестве появляется иной тип лирического героя, функцией которого становится трансляция идей обновления человечества. В стихотворении «Песня» эту роль играет таинственный слуга.

Сказочная реальность описана в пятой и шестой строфах: это мир «праздника», для характеристики которого Георге использует такие образы, как *güldnes haar* ‘золотые волосы’, *haut wie schnee* ‘кожа как снег’, *sonn* ‘солнце’, *mond* ‘луна’, *berg* ‘гора’ и *tal* ‘долина’. Георге возвышается до прямого именованя объектов поэтической реальности, возвращается к особому праязыку, что отчетливо контрастирует с «артистическим изяществом» ранних циклов. В этом контексте можно вспомнить мысль Ф. Ницше из работы «Человеческое, слишком человеческое»: «Все необъяснённое и тёмное кажется важнее объяснённого и светлого» [5, с. 386].

Через некоторое время лирический герой возвращается домой и не знает, что ему делать в профанной реальности, где все социальные связи разорваны: *Der vater starb die mutter starb / Ein anderer kannt ihn nicht* [1, S. 125]. – ‘Отец умер, мать умерла, / никто другой его не знает’. Георге использует распространенный мотив одиночества творца: мир поэзии дарит лирическому герою новую идентичность, но одновременно лишает всех радостей обычной жизни. Он приносит с собой песню, которую смогут понять только дети. Герой занимает промежуточное положение между мирами и, возможно, в глубине осознает культуртрегерскую задачу: озарить

светом поэзии обыденную реальность. Таким образом автор иносказательно говорит об утопии Нового Царства и необходимости преобразований в обществе, которые должны начинаться в сфере прекрасного.

В третьей строфе появляется важный мотив в поэзии С. Георге: *er ging zum brunnenrand* [1, S. 126] ‘он подошел к краю колодца’. Здесь лирический герой рассказывает свою историю, а вода становится символом вечности, сокрытой правды и тайны. В «Евангелии от Иоанна» Иисус разговаривает с самарянкой именно у колодца. В эпоху романтизма этот мотив был популярным в немецкой поэзии. В творчестве Brentano и Эйхендорфа колодец – место поэзии и любви, символ жизни и витальности. Особо стоит отметить стихотворение австрийского поэта рубежа XIX–XX вв. Гуго фон Гофмансталь «Тайна мира» (*Weltgeheimnis*): *Der tiefe Brunnen weiß es wohl [...] / Und redet' irr und sang ein Lied – / Auf dessen dunklen Spiegel bückt / Sich einst ein Kind und wird entrückt* [6, S. 11]. – ‘Глубокий колодец знает это [...] / И говорила безумно и пела песня / Над ее темным зеркалом однажды склоняется / Ребенок и исчезает’. Немецкий символист был знаком со стихотворением Г. фон Гофмансталь и опубликовал его в своем журнале «Листы для искусства» (*Blätter für die Kunst*). В процитированном отрывке появляются мотивы, концептуально важные и для лирики С. Георге: колодец, пение, ребенок и безумие. Тайна мира сокрыта в глубине колодца и хранится в песне, которую исполняет безумный певец, поэтому она ускользает от рационального истолкования. «Темное зеркало» поэзии понятно только ребенку, но и он «исчезает», т.е. взрослеет. Таким образом, Г. фон Гофмансталь устанавливает связь между безумцем и ребенком, прасуществованием и жизнью. У Георге же лирический герой умирает, а остается лишь его песня, которая становится вечной и народной. Стихотворение немца – своеобразный ответ австрийскому поэту, где предлагается несколько иной вариант пути искусства в социум.

О тайне, которая сокрыта в глубине колодца, мы узнаем в одном из самых известных стихотворений С. Георге «Слово» (*Das Wort*), которое также включено поэтом в микроцикл «Песни» из «Нового Царства». Лирический герой находит неизвестное сокровище и просит у богини судьбы дать имя находке. Но Норна равнодушно отвечает: *So schläft hier nichts auf tiefem grund* [1, S. 135]. – ‘Здесь в глубине ничего нет’. Поэтому найденное сокровище не обретает словесной формы: *Kein ding sei wo das wort gebracht* [1, S. 135]. – ‘Да не будет вещи там, где слова нет’. М. Хайдеггер говорит в этом контексте о языке «как доме бытия» [7, с. 218] и подчеркивает мирозозидающую функцию слова: «лишь имеющееся в распоряжении слово наделяет вещь бытием» [7, с. 303]. В творческой силе слова, отраженной еще в библейских текстах, проявляется желание человека истолковать смысл своего существования, расшифровать в «вещах» или «зоне бытия» смысл трансцендентных намеков. Как у Георге, так и у любимого поэта Хайдеггера – Фридриха Гёльдерлина, первостепенная роль в подобном творении мира

отводится поэту: *Mit entblößtem Haupte zu stehen, / des Vaters Strahl, ihn selbst, mit eigener Hand / Zu fassen* [8, S. 125]. – ‘Стоять с непокрытой Головой, / ловить Отца луч, его самого, / собственной рукою’.

В предпоследней строфе стихотворения «Песня» появляется еще одна библейская аллюзия. Слуга, сидящий на камне в полном одиночестве, соотносится с иконографической фигурой страдающего Христа. Очевидно, что это еще и отсылка к меланхолическому стихотворению поэта-миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде «*Ich saz uf eime steine*». К христологическим аллюзиям примыкает содержание седьмой строфы, где повествуется о творце, которого жители деревни считают безумным и глупцом. Но он одновременно воодушевлен и опьянен открывшейся ему истиной. Подобная антиномия «безумец – мудрец» – явный ницшеанский мотив и отсылка к роману «Так говорил Заратустра». Возможно, стоит пойти еще дальше и вспомнить синкретический мифологический концепт Ф. Гёльдерлина «Диониса-Христа». Известно, что изменение эстетических позиций Георге происходило под влиянием новооткрытой лирики великого немца. Издателем стихотворений забытого Ф. Гёльдерлина был Н. фон. Хеллинграт, которому помогал советами Георге. В девятом номере «Листов для искусства» (1910) символист опубликовал оды Гёльдерлина и посвятил ему несколько стихотворений из цикла «Новое Царство».

В стихотворении «Песня» Георге стремится отыскать первоосновы бытия и творчества, используя при этом упрощенную архитектонику и незатейливый лексикон народной песни. Но произведение носит явный притчевый характер, вбирая в себя множество литературных и культурологических коннотаций. В этом стихотворении и цикле «Новое Царство» отражаются эстетические взгляды Георге, которые эволюционировали от идеи об искусстве, являющемся единственной достойной внимания реальностью, до концепции духовного обновления Германии и мира при помощи поэтического Слова. Под маской лирического героя можно опознать самого поэта, ушедшего из мира реальности в мир «искусства для искусства». Потом наступил второй этап творчества, и немецкий символист стал писать в духе программы «искусство для жизни». Поэтому стихотворение Георге – песня, баллада, своеобразный автокомментарий жизненного и творческого пути и метапоэтическое произведение, которое повествует о продолжении архаичной формы поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *George, S. Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin: Georg Bondi, 1928. – Bd. 9: Das Neue Reich. – 145 S.*
2. *Deutsche Dichtung: in 3 Bd. / hrsg. von S. George und K. Wolfskehl. – Bd. 2: Goethe. – Stuttgart, 1901. – 97 S.*

3. *David, C.* Stefan George. Sein dichterisches Werk / C. David. – München: Carl Hanser Verlag, 1967. – 531 S.
4. *George, S.* Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin: Georg Bondi, 1928. – Bd. 2: Hymnen, Pilgerfahrten, Algabal. – 137 S.
5. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 1024 с.
6. *Hofmannsthal, H.* Gesammelte Werke: in 3 Bd. / H. Hofmannsthal. – Berlin: S. Fischer, 1924. – Bd. 1. – 56 S.
7. *Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.
8. *Hölderlin, F.* Sämtliche Werke: in 6 Bd. / F. Hölderlin. – Stuttgart: Cotta, 1953. – Bd. 2: Gedichte nach 1800. – 314 S.

The article discusses Stephen George's poem "The Song" from the cycle "The Kingdom Come" in the context of the poet's late works. It is shown that the work that has the features of a song and a ballad is characterized by simplified architectonics and plain vocabulary. It is concluded that the poem "The Song" and the cycle "The Kingdom Come" reflect S. George's aesthetic views that had evolved from the "art for art's sake" concept to the ideas of spiritual renewal of Germany and the whole world by the poetic Word.

Поступила в редакцию 02.06.2020

Д. В. Русецкая

«ЧИСТЫЙ ТЕАТР» ТИМА КРАУЧА

В статье анализируются особенности художественного метода британского драматурга Тима Крауча. Выделяются характерные черты поэтики, на базе которых строится уникальное «событие» спектакля Крауча. Научная новизна исследования заключается в подходе к изучению драматургии и разработке системы характеристик, наличие и взаимосвязь которых определяют новаторский характер творчества Тима Крауча, практически не изученного в восточноевропейском литературоведении. В результате исследования обоснована авторская концепция «чистого театра», которой подчинено стремление драматурга редуцировать театральные знаки до их «чистой» концептуальной идеи, избавив от условностей.

Интерес к творчеству Крауча в восточноевропейском контексте только набирает силу. В 2006 и 2011 гг. пьесы «Дубовое дерево» и «Я, Мальволио», соответственно, были поставлены самим автором в Москве. Позднее, в 2014 г. «Я, Мальволио» был показан в Гданьске. Белорусским зрителям представилась уникальная возможность познакомиться с методом Крауча 19 декабря 2019 г. по постановке «Дуб Майкла Крейг Мартина», созданной российским режиссером Ильей Мощицким на основе оригинального текста. Несмотря на то что в литературоведении восточноевропейских стран пьесы

Крауча пока недостаточно изучены, оживленная дискуссия, всплеск положительных эмоций и удивления со стороны зрителей после постановки в Беларуси являются доказательством необходимости и актуальности такого исследования.

Новаторство драматургии Тима Крауча является неоспоримым. Будучи режиссером и актером собственных постановок, Крауч в произведениях апеллирует к каждому звену в структуре театра. В первую очередь он ставит под вопрос роль режиссера, когда она сводится к «гипер-натуралистическим репетиционным практикам: писатель/режиссер совершает грабеж, чтобы нарядить свой вымысел в похищенную у реальности достоверность, помещает актеров в этически предосудительное положение, подчиняет их документальности»¹ [1, р. 417]. Так, в «Авторе» (где режиссер принуждает актеров изучать видео и фото, полные сцен насилия, чтобы суметь передать их в театре) подобный процесс репетиции спектакля становится основой сюжета и дискредитируется финальными сценами, отражающими его негативные последствия.

Такой же перекодировке в театре Крауча подвергается фигура актера. «Считается, что в театре актеры должны усердно трудиться, чтобы развлечь зрителя; я хочу это оспорить» [2, р. 399] – говорит драматург в одном из интервью. Актер перестает нести репрезентирующую функцию, но становится «одной из рабочих кнопок в коммуникационной машине театра» [3, с. 51]. Он не преобразуется в героя, но находится в том же пространстве, что и тот, – в пространстве театрального языка. Он становится «вместилищем или сосудом для идеи персонажа» [4, р. 23]. Подобно лемановскому паратак-сису² театральных элементов, актер не «играет» на сцене, но «является» равновеликим художественным компонентом наряду с остальными, поэтому само присутствие важнее его актерства.

«Я не считаю, что роль искусства сводится к натуралистическому копированию реальности» [1, р. 416], – пишет драматург в статье, посвященной анализу негативных отзывов на пьесу «Автор». В этом контексте творчество Крауча становится воплощением тезиса о том, что в основе театрального представления лежит «оксюморон» (Анна Юберсфельд) или «метафора» (Дэн Ребелато). Театр предстает как полный противоречий и отражающий «невозможное». А постановка – событие, содержание которого не имеет конкретной реализации в действительности нашей жизни. Сцена может быть и домом, и парком, и пустыней. Актер, в свою очередь, одновременно реален и вымыслен. «Старик может сыграть молодого, женщина – мужчину, темнокожий – белого, <...> ‘помост петуший –

¹ Здесь и далее перевод сделан Д. В. Русецкой.

² Под паратак-сисом Х.-Т. Леман понимает отсутствие иерархии театральных выразительных средств. Современный театр обнуляет прежние доминанции объектов театральной эстетики и делает их равновеликим материалом конструирования спектакля.

Франции поля'¹ <...> Средства театральной постановки – это метафоры для миров, которые они представляют. Метафора не ограничена какой-либо идеей подобия» [5]. Тогда, если театр использует средства, наиболее эквивалентные реальности, он тем самым лишает себя безграничного творческого потенциала.

Крауч преодолевает устоявшиеся конвенции: например, в пьесах герой может быть представлен в виде предмета («Моя рука» / *My Arm*, 2003), он может быть сыгран не профессиональным актером, а любым человеком («Дубовое дерево») или двумя одновременно («АНГЛИЯ» / *ENGLAND*, 2007), провоцируя несовпадение актера и героя. С помощью варьирования метатеатральных приемов Крауч вопрошает о пределах театрального и нетеатрального, о силе искусства и ее воздействии на человека. Драматические компоненты, транслирующие сюжет, не могут служить лишь средством выражения проблематики. У Крауча каждый компонент театрального действия *тематизируется* внутри театра: роль режиссера, актера, героя, декораций, речи, аудитории, сцены. В одном из интервью о пьесе «Автор» драматург утверждает, что театр «не только показывает что-то, он также показывает себя» [1, р. 419]. Стремление с помощью драматических приемов подражать природе у Крауча ориентировано на природу самого театра, на поиск его сущности и возможностей через него самого.

Важное место в метатеатральной эстетике драматурга занимает *концептуальное искусство*. Фактически концепт у Крауча руководит процессом написания пьес: «Если есть хорошее ограничение, становится действительно легко: мне нужно сделать пьесу, в которой актер не знает ее содержания, – и тогда у меня начинают возникать идеи приемов и моделей реализации персонажа» (о «Дубовом дереве») [6, р. 155]. Как утверждает Кэтрин Лов, исследовательница творчества Крауча, концептуальное искусство «это прежде всего идеи, а не их воплощение» [7, р. 11]. Это объясняет значительную подчиненность сюжета пьес некой скрытой «между строк» идее, а также очевидную минималистичность постановок драматурга. При написании пьесы «Дубовое дерево» Крауч обратился к известной работе Майкла Грэйга-Мартина (1973) с таким же названием. Это произведение концептуального искусства представляет собой стакан с водой и небольшое интервью автора в табличке под ним. Одна из его реплик звучит так: «Я изменил физическую субстанцию стакана воды на субстанцию дуба». *Минималистичность*, отсутствие видимых изменений усиливают значимость идеи в процессе восприятия работы. Именно она здесь главный элемент и средство, провоцирующее отклик. Чтобы воплотить идею, автору не требуется делать ничего, кроме «называния» стакана дубовым деревом.

Так же поступает и Крауч в своих пьесах. Сценическое действие у него не является отражением речи героя, поэтому сразу бросается в глаза

¹ У. Шекспир «Генрих V» / пер. Е. Бируковой.

расхождение между тем, что слышим, и тем, что видим. *Амиметичность* реализуется на всех уровнях структуры постановки. Так, актеры, которые традиционно являются носителями вымышленного образа, оказываются несколько дистанцированы от него, так как не могут полностью преступить разделительную черту и стать частью художественного мира. Вымысел также не поддерживается никакими второстепенными компонентами (декорации, музыка, освещение). Он на каждом шагу разбивается о противоречия, несовпадения, расхождения деталей текста и сценической действительности.

Минимальное снабжение сцены (а иногда и ее полное отсутствие), однако, не означает отсутствия театра. Примечательно, что первоначально издательство Faber & Faber не хотело печатать пьесу «Дубовое дерево» по причине того, что для них она была «неправильной» [8, р. 67]. В театре Крауча действие в традиционном понимании уступает нарративной составляющей, реализуемой в перформативном (Дж. Остин) ключе: в данном случае речь идет не о простом произнесении слов; перформативность «указывает на то, что произнесение высказывания означает совершение действия» [9, с. 40]. По мнению драматурга, «слово – высшая концептуальная форма искусства, поскольку слово является символом идеи или вещи, а не самой вещью» [8, р. 67]. Таким образом, мимезис вытесняется диегезисом в попытке высвободить театр от главенства действия, которое отличает его от литературы («Все мои работы строятся на повествовании» [6, р. 221]). Этим драматург выносит на обсуждение очередную дихотомию – театра, строящегося на изначально написанном тексте, и театра, исходящего из мастерства сценического действия. Именно через такой дисбаланс мимезиса и диегезиса драматург вдыхает новую жизнь в драматические традиции.

В отличие от постулируемого Х.-Т. Леманом отказа от театра, ориентированного на передачу текста как способа преодолеть классическую парадигму, метод Крауча, наоборот, с еще большей силой акцентирует присутствие текста и зависимость от него остальных компонентов: «Все мои пьесы соответствуют аристотелевским единствам с точки зрения характера и структуры повествования, и я считаю это очень важным» [8, р. 67]. Таким образом, *storytelling* выступает как ведущая и единственная форма презентации и переносит фокус воздействия со сцены театра в сознание зрителей. Именно он у Крауча становится рычагом передачи авторской идеи и создания концептуальной структуры пьес: «В “Дубовом дереве” дерево трансформируется благодаря утрате и свободному художественному импульсу, в самом деле, бессознательному художественному импульсу, направленному на то, чтобы трансформировать отсутствие, иметь дело с ним» [4, р. 19]. Так, происходящая *трансформация* усиливает значение *storytelling*, так как он является не чертой произведения, а скорее действующим инструментом. Теперь он способен делать из художественной галереи больничную палату («АНГЛИЯ»), из предметов – людей («Моя рука»), из ничего – остросоциаль-

ную пьесу («Автор»). Более того, при поверхностно линейной подаче сюжета он необходим, чтобы вызывать глубинные трансформации в сознании зрителей.

Фокусировка на зрителе, характерная для театра Б. Брехта, Е. Гротовского и др. и непрерывно обогащающаяся на рубеже XX–XXI веков, становится важной частью драматического произведения еще на начальных этапах его создания. У Крауча она является главенствующей чертой поэтики каждой пьесы и выполняет функцию «обрамления» всех составляющих произведения. Возбуждение воображения зрителя и чувства важности его присутствия в зале – цель, которой подчинены противоречия, несовпадения и парадоксы происходящего в театре Крауча.

В создании многих постановок Крауча в качестве режиссеров принимали участие Энди Смит (a smith¹) и Карл Джеймс (Karl James). Как и в раннем творчестве (*Public Parts*), драматург избирает распространенный в 1960-х гг. способ коллективной работы в театре. Известно также, что именно Энди Смит подал идею для написания «Дубового дерева». В статье об их совместной работе с Краучем он пишет, что их основополагающая цель – «сделать все возможное, чтобы присутствие зрителей не было забыто» [10, р. 412]. Там же он отмечает влияние таких работ Жака Рансьера, как *Le Spectateur émancipé* ‘Эмансипированный зритель’ (отсюда взят эпиграф для первого сборника пьес Крауча *Plays One*) и *Le maître ignorant*. На них часто ссылается и сам Крауч. В первой философ уточняет понимание разрушения четвертой стены. С начала XX в. авангардные практики стремились разными способами побудить зрителей к участию, вырвать их из привычного сидячего положения в театре, почувствовать свободу действий. Однако со временем обращение к публике приняло более умеренные формы и стало апеллировать больше к движению ума нежели к внешнему перемещению. Изначально запланированное и настойчиво требуемое участие наблюдателя в театральном действе стало пониматься как принуждение к свободе. Более того, возрастает значимость не коллективного участия, а индивидуального, что реализуется посредством апелляции к внутреннему движению ума и душе зрителя. Поэтому, фиксируя современное состояние отношения «художник – зритель», Ж. Рансьер оспаривает обязательность некоторых практик зрительского участия и выводит на первый план интеллектуальную рефлексивность.

Схожий подход избирает Крауч. Его пьесы не навязывают участия, а если зритель каким-то образом привлекается к разворачиванию сюжета, то драматург весьма осторожно контролирует процесс. Например, перед тем, как взять из зала несколько предметов («Моя рука»), он уверяет, что с ними будут обращаться бережно и учтиво, а в начале пьесы «Автор» один специально для этого выбранный актер покидает зал, чтобы показать

¹ Режиссер и драматург настаивает на написании своего имени в нижнем регистре и сокращенно.

публике, что она может сделать то же самое в любой момент. Как раз акцентуацией обращения к зрительскому сознанию измеряется степень «конфликта» между классическим *storytelling* и сценическим действием. По словам Д. Радосавлевич, именно обращенность, направленность произведений на зрителя отличает их от радиопьес: «Кто-то может спросить, почему “Автор” – не радиопьеса? Именно потому что реакция зрителей является неотъемлемой частью драматургии пьесы» [6, р. 153]. Заострить внимание публики на событии спектакля, окунуть ее не просто в рассказываемую историю, но и в водоворот театральных знаков – несомненное намерение драматургии Крауча. Глубинное интегрирование с публикой, а не конфронтация между внешне подчеркнутой динамикой сцены и статикой зрительного зала, влечет за собой более прочное и долгосрочное воздействие.

Наиболее часто Крауч избирает форму *монолога* для установления диалога со зрителем (цикл «Я, Шекспир», «Моя рука», «АНГЛИЯ»). По мнению Х.-Т. Лемана, монолог в современном театре становится одним из способов «пересечени(я) границы, ведуще(го) нас от самого края воображаемой драматической вселенной к реальной театральной ситуации» [3, с. 208]. «Я разочаровался в автобиографической монодраме» [8, р. 74], – говорит автор в интервью. Поэтому в «АНГЛИИ» монологическая форма спектакля деконструируется (монолог героя по очереди произносят два актера разного пола). В нее начинают проникать несвойственные ранее компоненты смысла, что обеспечивает гармоническое взаимодействие с другими составляющими театрального действия.

Так, спектакль провоцирует всеобщее ощущение момента «здесь и сейчас», создает *событие*, в котором искусство воздействует на мышление наблюдателя. В результате последнего театр становится площадкой не для автономной игры актеров за четвертой стеной, но для постижения ранее неосознаваемых граней личного опыта каждого: «Дело не в том, что вы превращаетесь в кого-то другого, но именно обстоятельства, внешние обстоятельства, данные обстоятельства оказывают на вас преобразующее воздействие» [4, р. 26]. Таким образом, наделение публики ролью Макбета («Я, Банко» / *I, Banquo*, 2007), Тоби Белча («Я, Мальволио» / *I, Malvolio*, 2009), мусульманки («АНГЛИЯ»), включение ее в процесс написания стихотворения («Я, Цинна (Поэт)» / *I, Cinna (The Poet)*, 2012) имеют целью не «перевоплощение» в персонажа, что было бы лишь временным экспериментом, но преобразование наличного опыта и его расширение.

Внешняя минималистичность оформления сцены и происходящего на ней действия ликвидирует поверхностные признаки театра (правдоподобные декорации), не нужные эстетике Крауча. Состояние сцены определяется не статическим соответствием действительности, но динамикой, вызванной взаимодействием со всеми компонентами структуры спектакля, которая не может содержать лишние элементы, что могли бы помешать игре значений, трансформациям. Ввиду этих особенностей Крауч называет свой театр *pure*

theatre или *very theatre*: «Театр на самом простом уровне – это <...> трансформация. Таким образом, если мы думаем, что что-то редуцированное становится чище, то редуцированная трансформация в театре становится более театральной. <...> Поэтому, если что-то становится для меня “истинным” театром, оно становится самым чистым и простым выражением театра, а не сложной демонстрацией того, что является театральным» [2, р. 403]. В некотором смысле Крауч возрождает долитературные традиции в театре посредством акцентуации процесса взаимодействия эпического, нарративного, с одной стороны, и дезиллюзионистского с точки зрения отражения первого в реальности. Тогда «менее театральное» обогащается благодаря зрительской устремленности к постижению оснований театра и воображению, трансформирующему реальность. «Простота генерирует полноту» [4, р. 25], – метко утверждает Крауч, подчеркивая скрытую глубину своих концептуально минималистичных произведений.

Драматург распространяет концептуальный подход на общее понимание им театра как места трансформаций. Нет необходимости в избытке внешних приемов воздействия. Краучу достаточно «называния» своих произведений пьесами, чтобы они стали ими в зрительском сознании. Любые сомнения в этом говорят о наличии нормы, ограничивающей потенциал драматургии и театра. Но, как показывает Крауч, она узка и эфемерна. Всем творчеством драматург также стремится нащупать границы театрального, однако пока что они впускают в свои пределы все новые формы. Вслед за драматургом нам стоит расширить рамки понимания театрального события и нашей в нем роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crouch, T. The Author: Response and Responsibility / T. Crouch. – Contemporary Theatre Review, Vol. 21(4). – 2011. – P. 416–422.*
2. *Iltter, S. ‘A Process of Transformation’: Tim Crouch on My Arm / Seda Iltter. – Contemporary Theatre Review, Vol. 21(4). – 2011. – P. 394–404.*
3. *Леман, Х.-Т. Постдраматический театр / Ханс-Тис Леман. – М.: ABCdesign, 2013. – 312 с.*
4. *LePage, L. Tim Crouch and Dan Rebellato in Conversation / L. LePage, D. Rebellato. – Platform: Postgraduate Journal of Theatre & Performing Arts 6.2. – 2012. – P. 13–27.*
5. *Crouch, T. Play One / T. Crouch // Play One [Electronic resource]. – Mode of access : <https://ru.scribd.com/book/359246403/Tim-Crouch-Plays-One>. – Date of access : 06. 09. 2018.*
6. *Radosavljevic, Duska. Theatre-Making Interplay Between Text and Performance in the 21st Century / Duska Radosavljevic. – UK: Palgrave Macmillan, 2013. – 275 p.*
7. *Love, Catherine. Tim Crouch’s An Oak Tree / Catherine Love. – Abington: Routledge, 2017. – 66 p.*

8. *Bottoms, S. Authorizing the Audience; The Conceptual Drama of Tim Crouch / S. Bottoms // Performance Research. – Vol. 14. – 2009. – P. 65–76.*
9. *Фишер-Лихте, Э. Эстетика перформативности / Э. Фишер-Лихте. – М.: Междунар. театрал. агентство «Play&Play»; Изд-во «Канон». – 2015. – 376 с.*
10. *smith, a. Gentle Acts of Removal, Replacement and Reduction: Considering the Audience in Co-Directing the Work of Tim Crouch / a smith. – Contemporary Theatre Review, Vol. 21 (4). – 2011. – P. 410–415.*

The article provides a detailed analysis of the artistic method of the British playwright and director Tim Crouch, based on the adherence to the principles of conceptual art, accentuation of the role of the audience in the theatrical “event”, “thematization” of the role of dramatic elements (such as actor, stage etc.), use of monologue, anti-mimesis and minimalism of performance.

Поступила в редакцию 13.04.2020

НАШИ АВТОРЫ

Василенко Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова. Тел. (8 0222) 28-28-89.

Гаранович Татьяна Игоревна – старший преподаватель кафедры современных технологий перевода МГЛУ. Тел. (+375 29) 660-88-94.

Гордей Екатерина Александровна – аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ. Тел. (+375 44) 469-88-68.

Гладко Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Егоров Николай Викторович – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. (+375 29) 173-89-06.

Жолнерович Пётр Петрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования БГУ. Тел. 259 70 12.

Иванович Екатерина Анатольевна – старший преподаватель кафедры романского языкознания БГУ. Тел. (+375 29) 379-72-34.

Ключенович Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Курилов Юрий Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языкознания БГУ. Тел. 327-12-94.

Лавицкий Антон Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций Витебского филиала Международного университета «МИТСО». Тел. (8 0212) 26-50-49.

Мусиенко Василий Анатольевич – аспирант кафедры лингвистики и лингводидактики БГПУ им. Максима Танка. Тел. (+375 25) 613-18-68.

Осмоловская Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой интенсивного обучения иностранным языкам № 2 ИПКиПК МГЛУ. Тел. 284-39-62.

Романчук Юлия Владимировна – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. (+375 29) 562-37-03.

Русецкая Дарья Викторовна – преподаватель кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. 327-12-94.

Скребнева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Тел. (+375 29) 116-68-73.

Сысоева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. (+375 29) 642-54-96.

Светличная Любовь Евгеньевна – магистрант МГЛУ. Тел. (+375 29) 754-66-56.

Чударь Александра Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Швец Наталия Георгиевна – старший преподаватель кафедры информатики и прикладной лингвистики МГЛУ. Тел. 284-81-56.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 3 (106), 2020

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.06.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 8,71. Тираж 100 экз. Заказ 25.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172